
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2019. 10(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04

Release date 22.06.2019.
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru

Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 25

Russkaya Starina

2019

Is. 1

Русская старина

Издается с 2010 г.
E-ISSN 2409-2118
2019. 10(1). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрин Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йозеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1367/4, ул. Стара Вайнорска, г. Братислава – Нове Место, Словакия, 831 04

Дата выпуска 22.06.2019.
Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Заказ № 25

CONTENTS

Articles and Statements

Banners of the Don Cossack Regiments in Late XVIII and early XX centuries A.V. Venkov	4
Greece and the Greeks in the Works of A.P. Chekhov M.Ch. Larionova	9
Outstanding Artists in the History of the Rostov Cathedral of the Nativity of the Virgin A.V. Shadrina	16
Vessel's Composition of the Plant Number 74 ("Izhmash") in 1930–1950-ies N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, S.L. Bautina	26
"Photos are the Greatest Joy...". Role of Photography in the Correspondence Between the Front and Rear. On the Pages of World War II Correspondence and Diaries. Part 2 L.L. Smilovitsky	32
The Activities of the Regional Authorities on the Memorialization of the Places of the Military Glory in the South of Russia in 2017–2019 (on the Example of the Rostov Region) V.I. Afanasenko	64

Portraits

Ivan Timofeyevich Kokorev – Collector of Moscow Folklore and Ethnographic Material V.E. Dobrovolskaya	74
---	----

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russkaya Starina
Has been issued since 2010.
E-ISSN: 2409-2118
2019, 10(1): 4-8

DOI: 10.13187/rs.2019.1.4
www.ejournal15.com

Articles and Statements

Banners of the Don Cossack Regiments in Late XVIII and early XX Centuries

Andrey V. Venkov ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The Don Cossacks had their own banner system. In addition to the banners, which were sent to the Don by the tsar, the Cossacks had their own banners, which were very diverse. During the military reform of 1875 the Cossack banners were unified and became identical in form with the Russian cavalry standards. During the civil war, the Cossacks retained the old unified tsarist banners for their resurgent regular regiments, with the exception of the Kalmyk regiment. The remaining Cossack regiments, which made up the majority, revived the old system of diversity of banners.

Keywords: Don Cossacks, banners, uniformity, tradition, civil war.

1. Введение

Как и всякое войско, донские казаки имели свои символы доблести и геройства в образе знамен. Будучи иррегулярными войсками, они имели больше свободы в создании этих символов. Известный исследователь Г.В. Вилинбахов отмечал: «Чрезвычайно пестрой была знаменная система казачьих и иррегулярных войск» (Вилинбахов, 2002: 113). С ранних времен казачьей истории наряду с собственными войсковыми знаменами казаки имели знамена, пожалованные казакам русскими царями. Выступление в поход под царским знаменем означало, что казаки выполняют государеву службу, действуют от царского имени.

Знамена для Войска и казачьих полков готовились в Посольском приказе, а затем в 1745 и 1769 гг. новая партия знамен готовилась в Военной конторе.

Сложилась традиция хранить в Войске присланные из Москвы или Санкт-Петербурга награжденные и жалованные знамена и выступать в поход полкам под своими традиционными знаменами. К концу XVIII в., когда Войско значительно увеличилось, возникла проблема увеличения количества знамен для полков.

* Corresponding author

E-mail addresses: andrey_venk@rambler.ru (А.В. Венков)

2. Материалы и методы

Признанным специалистом по проблемам знамен в русской армии является Г.В. Вилинбахов (Вилинбахов, 2002), но о знаменах донских казачьих полков он лишь упоминает. А.И. Агафонов издал исследование по донской геральдике, в которой исследовал наградные и трофейные знамена (Агафонов, 2016). Т.Н. Шевяков опубликовал прекрасный материал о знаменах и штандартах Российской императорской армии конца XIX — начала XX вв. (Шевяков, 2002), в котором рассмотрел и казачьи знамена этого периода. Знамена казаков вермахта исследовал К.К. Семенов (Семенов, 2010). Однако история развития знаменной системы донских казачьих полков до сих пор не создана. Большой материал о знаменах донских казачьих полков содержится в материалах Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО) в фонде 46 «Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана)», которая организовывала их изготовление и распределение по полкам.

Опираясь на принцип историзма и используя сравнительный метод, автор прослеживает процесс развития знаменной системы донских казачьих полков с конца XVIII в. до Гражданской войны включительно.

3. Обсуждение и результаты

В 1793 г. вновь были изготовлены знамена взамен «пришедших в ветхость» из расчета на 50 полков (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 133. Л. 1). Знамена делались из «ординарного штофа» – плотной шелковой ткани. Всего было изготовлено 100 знамен и 150 бунчуков (из расчета по 2 знамени и по 3 бунчука на полк) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 133. Л. 2). 10 знамен и 10 бунчуков были сделаны белого цвета, так как предполагалось, что они будут при полках, которыми командуют походные атаманы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 133. Л. 2).

Поскольку в 1802 г. количество донских полков было увеличено до 80, в 1805 г. в новые полки посылались «ветхие» знамена.

Расцветка донских полков отличалась большим разнообразием, разнообразной была и символика. По воспоминаниям войскового атамана А.К. Денисова, на знамени его полка, например, было изображение Божьей Матери (Денисов, 2002: 82). В 1805 г. из Войска в полки были высланы дополнительные знамена, проходившие по документам как «ветхие». Вот их расцветка:

- зеленого цвета и с желтой каймой вокруг с изображением Святых Козьмы и Дамиана (Святые Косма и Дамиан почитались донскими казаками, вероятно, в соответствии со славянской традицией, считавшей их врачевателями скота и кузнецами);

- палевого цвета с красной каймой вокруг и с изображением Святого Архистратига Михаила;

- желтого цвета с изображением Святого Якова Персиянина;

- желтого цвета с изображением Святых апостолов Петра и Павла;

- розового цвета с изображением Святого апостола Иоанна Богослова.

Кроме того, высылался бунчук голубого цвета с изображением Святого Иоанна Воина (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 133. Л. 4).

К началу XIX в. существовали войсковые знамена, пожалованные всему Войску Донскому. «Донское Войско имело войсковые знамена 1803 г. (четыре), пожалованные на замену пришедшим в ветхость образцам 1722, 1733, 1746 и 1764 гг. В 1811 г. было пожаловано войсковое знамя Донскому Войску за подвиги в войну 1807 г. Оно было сделано по образцу знамени того же Войска, данного за кампанию 1799 г. Отличие этих двух знамен состояло в том, что на новом знамени не было Мальтийского креста, гроссмейстерских корон (на знамени отсутствовали изображения ордена Св. Иоанна Иерусалимского, учрежденного императором Павлом и ставшего высшим знаком отличия, жалуемым за гражданские и военные заслуги – А.В.), изменились вензеля, и черная лента была заменена на георгиевскую. В 1806 г. в память о сражении при Шенграбене были пожалованы первые георгиевские знамена казачьим донским полкам Ханжонкова и Сысоева, по одному на полк. Знамена эти были подобны первым пехотным георгиевским знаменам, пожалованным за этот подвиг, но штофные, сплошь белые без креста, углов, вензелей с венками в углах, на оборотной стороне вместо герба в венке имели императорский вензель в сиянии, и были

обшиты золотой бахромой» (Вилинбахов, 2002: 113). «По обряду донской службы» полагалось проходить через губернские и уездные города церемониальным маршем с развернутыми знаменами. И командиры некоторых полков жаловались, что полученные «ветхие» знамена при прохождении через города раскрыть невозможно (подполковник К.И. Харитонов о знамени синего цвета с изображением Святого Иоанна Богослова) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 133. Л. 1).

Для казаков знамена были не только символом воинской чести, доблести и геройства, но имели и утилитарное значение. Сам факт развертывания знамени означал сигнал к началу боевых действий. Командир Чугуевского уланского полка генерал-майор Лисаневич в бою под Россевато в 1809 г., согласно его рапорту, повел полк в атаку «по выставленному» командующим М.И. Платовым знамени (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 109. Л. 15). Наклонением и движением знамени указывали направление общей атаки. Так, описывая бой с поляками, А.К. Денисов писал: «Казак Быкодоров – об отличной храбрости которого и прежде уже в сей моей истории описано, – в это время было ему вверено полковое с изображением Божией Матери знамя, которое, преклоня, полетел вперед и от всех казаков отдалился сажень на 15, неся в середину неприятеля, так что изумил и остановил меня. Польская кавалерия произвела сильную пальбу; пыль и дым закрыли от глаз моих все действия. Я скачу к неприятельскому флангу и слышу того же Быкодорова голос, уже сзади неприятелей: "Коли, ребяташки, коли!"» (Денисов, 2002: 82).

В 1805 г. Войсковая канцелярия докладывала М.И. Платову, что на службе находится 41 полк, им выдано по 2 знамени и по 3 бунчука на полк. Кроме того, при Атаманском полку находились 4 знамени и 4 бунчука. Итого при полках находилось 86 знамен и 127 бунчуков (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 133. Л. 1).

Интересно сочетание цветов знамен и бунчуков в одном полку. Подполковник Попов 5-й докладывал, что у него в полку следующие знамена: желтое с изображением Святого Александра Невского и «желтое с красными каймами станишное (имеется в виду станичное – А.В.)». Бунчуки – желтый с изображением Святого великомученика Никиты, желтый с изображением Святого Иисуса Навина и розовый с изображением Святого великомученика и победоносца Георгия (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 133. Л. 9). Таким образом, возникает вопрос о знаменах станиц, которые, видимо, иногда использовались как полковые.

По сложившимся правилам казачьей службы, до военной реформы 1870-х гг. донские полки были переменного состава, формировались на определенное время и через 3–4 года распускались. За 25 лет службы казак успевал послужить как минимум в 2–3 полках. И всякий раз нес службу под новым знаменем. Даже в 1860-е гг. казачьи полки выходили на службу под знаменами разной расцветки. «Так, в 1862 году сформированным полкам выданы следующие знамена: полку № 3 – шелковое алое знамя с изображением Воскресения Христова с серебряной бахромой, серебряными шнурами и серебряными кистями; полку № 5 – шелковое белое знамя с изображением Нерукотворного образа Иисуса Христа с серебряной бахромой, серебряной тесьмой и серебряными кистями; полку № 14 (уходившему на Кавказ) – знамя лилового цвета, с одной стороны изображалось Рождество Христово, с другой – Георгий Победоносец; полку № 6 (уходившему в Грузию) – штофное алое знамя с золотой каймой с изображением Животворящего Креста из золотого галуна» (Венков, 2008: 332).

Определенного единообразия удалось добиться в 1876 г., когда казаки были разделены по возрасту на 3 очереди службы, а полки 1-й очереди получили постоянный состав и постоянное место дислокации. В этом году вышел указ конным казачьим полкам впредь, вместо знамен, жаловать штандарты, по образцу армейской кавалерии, но также с изображением на лицевой стороне вместо красного креста образов святых с серебряными краями. Поле под вензелями на углах должно быть по цвету прикладного сукна, мундирам войска присвоенного. В Донском Войске таким цветом был красный.

Новый образец штандарта был утвержден 21 апреля 1900 г. Для всех частей на лицевой стороне выткано изображение Спаса Нерукотворного. Над иконой надпись «СЪ НАМИ БОГЪ». Размеры и расцветка штандарта были сохранены прежние.

В полках стала складываться традиция особого отношения к знамени. С целью воспитания преемственности боевых традиций, некоторым полкам 1-й очереди были присвоены знамена, некогда заслуженные старыми, давно распущенными полками. Так,

9-й и 10-й донские полки, сформированные в 1873 и 1872 гг. (под номерами 29 и 31), а затем ставшие «первоочередными», имели георгиевские полковые знамена, пожалованные в 1816 г. полкам Мельникова 4-го и Мельникова 5-го за подвиги, оказанные в Отечественную войну 1812 г. и в 1814 г. при Краоне и Лаоне. Эти полки (9-й и 10-й Донские), входившие в состав 1-й Донской дивизии, назывались «Краонской бригадой». 17-й Донской полк в качестве знамени имел значок донского казачьего генерала Бакланова № 17 полка – черный с изображением «мертвой головы» и надписью «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» (фраза из Никео-Константинопольского символа веры). Во время Гражданской войны в рядах белой Донской армии сохранились обе традиции.

Полки «Молодой армии», сформированные из молодых, до этого не служивших казаков, получили знамена и штандарты старых донских полков. Исключение составил 3-й Калмыцкий полк, получивший желтое знамя с изображением древнего калмыцкого бога войны Ямандага на темно-гнедом коне (Дживзанов, 2019: 447).

Что касается основной массы знамен казачьих полков Донской армии, то единого стандарта здесь не было. Известно лишь несколько образцов из их числа. Так, 16-й Калединский полк, сформированный в 1919 г., имел черное с позолотой знамя с черепом и надписью «Вперед за Дон» (Венков, Зубков, 2016: 148). 80-й Зюнгарский калмыцкий полк имел знамя желтого цвета с изображением Окон-Тенгер, небесной Девы, покровительницы полка, «в грозном виде» (Дживзанов, 2019: 451). Повстанцы Верхне-Донского округа восстали под красными флагами, но позже к красным флагам были пришиты белые ленты. Казаки правобережных хуторов Вешенской станицы сохранили с первых дней восстания белое знамя с надписью «Восставшие казаки Вешенской станицы 1-го конного полка» (хотя полк еще в марте 1919 г. был перенумерован в 4-й) (РГВА. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 244. Л. 21).

4. Заключение

Таким образом, знаменная система донских полков складывалась на протяжении довольно длительного времени. Во время военной реформы 1870-х гг. была проведена унификация этой системы, но с целью воспитания преемственности боевых традиций были допущены исключения. В ходе Гражданской войны параллельно существовали две системы – стандартные знамена для полков «Молодой армии» и самые разнообразные, придуманные самими казаками или их командирами знамена во всех остальных полках.

5. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология».

Литература

Агафонов, 2016 – Агафонов А.И. Донская геральдика. Ростов-на-Дону: Омега-Паблшер, 2016. 408 с.

Венков, 2008 – Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М.: Вече, 2008. 480 с.

Венков, Зубков, 2016 – Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 3 (часть 1). Полки, дивизионы, батальоны, отдельные сотни и батареи «Мобилизованной армии». Ростов-на-Дону: Антей, 2016. 432 с.

Вилинбахов, 2002 – Вилинбахов Г.В. Носились знамена, как тени // *Родина*. 2002. № 8. С. 110–113.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области

Денисов, 1999 – Денисов А.К. Записки войскового атамана. СПб.: ВИРД, 1999. 256 с.

Дживзанов, 2019 – Дживзанов П.С. Донские калмыки в борьбе с большевизмом в 1917–1920 годах // «Против красной банды...»: воспоминания вольных казаков. Подольск: Музей-Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2019. С. 440–480.

РГВА – Российский государственный военный архив

Семенов, 2010 – Семенов К.К. Знамена последних казаков: геральдическое исследование // *Донские казаки в борьбе с большевиками*. 2010. С. 124–129.

Шевяков, 2002 – Шевяков Т.Н. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX. М.: АСТ Астрель, 2002. 49 с.

References

- Agafonov, 2016** – *Agafonov A.I.* (2016). Donskaya geraldika [Don heraldry]. Rostov-on-Don: Omega-publisher, 408 p. [in Russian]
- Venkov, 2008** – *Venkov A.V.* (2008). Ataman Krasnov i Donskaya armiya. 1918 god [Ataman Krasnov and the Don army. 1918]. Moscow: Veche, 480 p. [in Russian]
- Venkov, Zubkov, 2016** – *Venkov A.V., Zubkov V.N.* (2016). Donskaya armiya. Organizatsionnaya struktura i komandnyy sostav. 1917–1920 gg. [Don army. Organizational structure and command structure. 1917–1920]. Issue 3 (part 1). Polki. diviziony. batalony. otdelnyye sotni i batarei “Mobilizovannoy armii” [Regiments, divisions, battalions, separate hundreds and batteries of "Mobilized army"]. Rostov-on-Don: Antaeus, 432 p. [in Russian]
- Vilinbakhov, 2002** – *Vilinbakhov G.V.* (2002). Nosilis znamenena kak teni [Banners were worn as shadows]. *Rodina*, No. 8, pp. 110–113. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti [State archive of Rostov region]
- Denisov, 1999** – *Denisov A.K.* (1999). Zapiski voyskovogo atamana [Notes of the Don ataman]. St. Petersburg: WIRD, 256 p. [in Russian]
- Dzhivzanov, 2019** – *Dzhivzanov P.S.* (2019). Donskiye kalmyki v borbe s bolshevizmom v 1917–1920 godakh [The Don Kalmyks in the fight against the Bolsheviks in 1917–1920]. “Protiv krasnoy bandy...”: vospominaniya volnykh kazakov [“Against the red gang...”: memories free Cossacks]. Podolsk: Memorial Museum “Don Cossacks in the fight against the Bolsheviks”, p. 440–480 [in Russian]
- RGVA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv [Russian state military archive]
- Semenov, 2010** – *Semenov K.K.* (2010). Znamenena poslednikh kazakov: geraldicheskoye issledovaniye [Banners of the last Cossacks: heraldic research]. *Donskiye kazaki v borbe s bolshevikami* [Don Cossacks in fight against Bolsheviks], pp. 124–129. [in Russian]
- Shevyakov, 2002** – *Shevyakov T.N.* (2002). Znamenena i shtandarty Rossiyskoy imperatorskoy armii kontsa XIX – nachala XX [Banners and standards of the Russian Imperial army of the late XIX – early XX]. Moscow: AST Astrel, 49 p. [in Russian]

Знамена донских казачьих полков в конце XVIII – начале XX веков

Андрей Вадимович Венков ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация: У донских казаков существовала своя знаменная система. Помимо знамен, присланных на Дон царем, казаки имели свои знамена, которые отличались большим разнообразием. Во время военной реформы 1875 г. казачьи знамена были унифицированы и стали одинаковыми по форме с русскими кавалерийскими штандартами. Во время Гражданской войны казаки сохранили старые унифицированные царские знамена для своих возрождающихся регулярных полков, за исключением Калмыцкого полка. Остальные казачьи полки, составлявшие большинство, возродили старую систему разнообразия знамен.

Ключевые слова: донские казаки, знамена, единообразие, традиция, Гражданская война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (А.В. Венков)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(1): 9-15

DOI: 10.13187/rs.2019.1.9
www.ejournal15.com

Greece and the Greeks in the Works of A.P. Chekhov

Marina Ch. Larionova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Greek theme actualization in the Russian literature of the turn of XVIII and XIX centuries was related to National Liberation movement of the Greeks against the Turks. So, social and literary movement – philhellenism – appeared. Conflicts between the Greeks and the Turks resulted in mass migration (XVIII and XIX centuries) of Greek people to Russia, to Taganrog in particular. In the second half of the XIX century the writers' reasons for appealing to the Greek theme were quite realistic. At the same time, starting from antiquity the Greek culture remained a source for many literary images and plots.

The issue of A.P. Chekhov's attitude to Greece and the Greeks includes several aspects: biographic connections of Chekhov with Greek people, the Greeks images in his works, and cultural Greek "text" in Chekhov's works. Some characters of early Chekhov stories relate to his Greek neighbourhood in Taganrog. Signs of Greek culture take an important place in Chekhov's artistic world and are familiar to every literate person.

The Greek and Greece from ancient times till the end of the XIX century depicted in Chekhov works may be called continuation and development of literary philhellenism. It simultaneously destroys the literary stereotypes, sneers at them and opens new ways of developing the Greek theme.

Keywords: Chekhov, stories, Greek theme, philhellenism, Taganrog.

1. Введение

Греческая тема со всей силой проявилась в русской литературе еще на рубеже XVIII–XIX вв. и стала основой общественного и литературного движения – филэллинизма. Национально-освободительная война греков против Турции получила горячую поддержку у русских писателей, например, Н.М. Карамзина (*Лаппо-Данилевский, 2010*), и позже – романтиков, многие из которых стали участниками восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге. Популярность греческой темы объяснялась прежде всего тем, что греки боролись за свободу и национальное достоинство. Эту борьбу поддерживало и российское правительство, которое имело на Балканах свои геополитические интересы. Таким образом, изображение борьбы греков за независимость было вполне легальным средством политической агитации. Многие русские поэты – Н. Гнедич, Ф. Глинка, В. Кюхельбекер, В. Туманский, А. Пушкин – писали в то время о Греции. К сожалению, тема литературного филэллинизма, кроме отдельных наблюдений (*Базанов, 1964; Алексеев, 1982;*

* Corresponding author

E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

Ларионова, 1988), не нашла еще специального разрешения в отечественной филологической науке.

2. Материалы и методы

Статья основана на произведениях А.П. Чехова, на краеведческих материалах, на книге «Вокруг Чехова», написанной младшим братом писателя М.П. Чеховым, а также на наиболее полном собрании мемуаров «А.П. Чехов в воспоминаниях современников». Исследование опирается на синтез биографического и культурно-исторического методов. В центре внимания личность и биография А.П. Чехова как основа его литературного творчества. При этом греческая тема в творчестве писателя рассматривается как факт национальной культуры и русской жизни конца XIX в.

3. Обсуждение и результаты

Греко-турецкие конфликты привели к тому, что в XVIII и XIX вв. греки массово переселялись в Россию (Арш, 1969) и, в частности, в Таганрог. Во второй половине XIX в., конечно, уже не шла речь об их романтизации. И причины обращения писателей к греческой теме были вполне реалистические. При этом греческая культура, начиная с античности, оставалась источником многих литературных образов и сюжетов.

Вопрос об отношении А.П. Чехова к Греции и грекам включает в себя несколько аспектов: биографические связи Чехова с греками, образы греков в его произведениях и культурный греческий «текст» в чеховском творчестве. Во времена Чехова Таганрог был интернациональным городом. Ал.П. Чехов, брат писателя, хорошо знавший греческий и в среде греков считавшийся своим, писал, что русских в городе почти столько же, сколько и греков, турок, итальянцев и даже англичан. В праздничный день дома весело пестрели разнообразными флагами иностранных консулов до персидского включительно (Вокруг Чехова, 1990: 33). Недаром улицы, прилегающие к торговой набережной, были названы Мало-Греческой, Греческой, а один из пересекающих их переулков – Итальянским. Во многих сферах городской жизни лидировали греки. В.А. Слепцов писал: «Таганрог – греческое царство. <...> Все греки: разносчики, попы, гимназисты, чиновники, мастеровые – греки. Даже вывески греческие» («...Таганрога я не миную», 1985: 6). Количество греческих купцов в городе вдвое превосходило число русских; семьи Ралли, Муссури, Скараманга, Родоканаки, Бенардаки и др. держали в руках всю крупную международную торговлю. По оценке Чехова, эстетические вкусы таганрогских греков были развиты довольно высоко, и Таганрог сильно смахивал на любой европейский город. Среди детских приятелей Антона Чехова было много греков. Его брат Михаил в воспоминаниях особо выделял Еру Дубодогло, любителя птиц. Антон был знатоком певчих птиц и голубей. Поэтому у мальчиков всегда находились общие темы.

В 1861 г. в Таганроге была открыта греческая школа. Собственно, это была приходская школа церкви святых Константина и Елены. Школа не давала документа о полученном образовании, но в нее по воле отца отдали братьев Чеховых: Николай и Антон были записаны в число учащихся в сентябре 1867 г. Ал.П. Чехов вспоминал, что отец сделал это по совету местных греков, предполагая таким образом лучше подготовить сыновей к торговой деятельности. Греческая школа состояла из 6 классов, помещавшихся в одной комнате. В ней стояло шесть рядов парт. В начале каждого торчал щит с черной, обозначающей соответствующий класс надписью. В пригласительном преподавалась греческая азбука, в последнем – греческий синтаксис. Занятия производились с 9 часов утра до 3 пополудни. Учеников было около 70, в возрасте от 6 до 20 лет. Учившийся с Антошей сын пономаря греческой церкви И.Т. Петровский рассказывал, что обучение в греческой школе представляло собой в общем комическую, но для учеников – жуткую картину. Взбалмошный и невежественный учитель Николай Спиридонович Вучина заставлял учеников долбить наизусть задаваемые уроки. За самые мелкие проступки Вучина бил учеников линейкой плашмя или ребром по ладоням, по голове, ставил на колени на крупную соль, запирали в классе до вечера «без обеда» и пр. (Летопись, 2000).

В конце учебного года братья Чеховы получили от Вучины бравионы, и, хотя слово было незнакомым, Николай и Антон догадались, что это похвала, и происходит оно от слова «браво». В бравионе Николая учитель написал: «эсквис», то есть «благочестивый». Антон

оказался «эпимелис» – прилежным. Павел Егорович, отец братьев Чеховых, был весьма доволен успехами сыновей, но, увы, недолго. Однажды, пригласив в гости знакомых греков, он решил похвалиться успехами мальчиков и предложил им прочесть греческий текст: «Он позвал Колю и Антошу и велел им принести свои книжки и прочесть что-нибудь при гостях. Гости изъявили желание послушать и, как водится, приготовились заранее похвалить из вежливости прилежных мальчиков. Но вместо ожидаемого эффекта получилось полное огорчение для родительского сердца. Коля еще кое-как прочел по складам два слова, а Антоша не смог сделать даже этого и только пыхтел от напряженных усилий прочесть. Павел Егорович был поражен» (Вокруг Чехова, 1990: 52). Мальчиков выпороли, но неудачный опыт ученья в греческой школе имел свои положительные результаты: Павел Егорович отвел сыновей в гимназию. Но и там у Антона Чехова сложились непростые отношения с греческим языком. Он остался на второй год в пятом классе, потому что не сдал переэкзаменовки по греческому языку. Выпускные экзамены включали два испытания – письменное и устное. Оба Чехов выдержал на «4». Однако в аттестате зрелости он получил общую оценку – «3».

В 1864 г. Таганрогская гимназия стала классической. Преподавателей древних языков не хватало. Оказалось, что таганрогские греки не знают языка своих знаменитых предков. Пришлось приглашать учителей из других городов. Уже во времена учебы Чехова в гимназии было много учителей-греков. Ф.А. Стулли, учитель истории и географии, впоследствии экономист и публицист, был некоторое время жильцом Чеховых. Иван Якоби преподавал латынь. Большинство гимназических учителей окончили Петербургский педагогический институт, Императорский новороссийский университет. Грек Константин Зико представлял Афинский университет. Вероятно, у него Антон Чехов и получил годовую двойку в пятом классе. Эта история легла в основу рассказа «Случай с классиком», герой которого провалил экзамен по греческому языку: «Спросили меня, как будет будущее от “ферро”, а я... я вместо того, чтоб сказать “ойсомай”, сказал “опсомай”...» (Чехов: II, 124). Гимназист пятого класса Антон Чехов не выдержал экзамена у грека Зико, плохо знавшего русский язык, но прекрасно владевшего древнегреческим.

К.Е. Зико так сумел поставил свой предмет, что вызвал даже некоторое увлечение духом греческого языка и поэзии. Историк Таганрога П.П. Филевский отмечал такие качества этого незаурядного человека: он не любил педантизма, поэтому уроки греческого перестали казаться томительными и скучными; приветствовал свободные суждения учеников на уроках; создал среди мальчиков дух соревновательности, что заставляло их наперебой переводить трудные места из Ксенофонта, Геродота или Гомера. Он не оставлял без внимания ни одного ученика, каждый день спрашивал ленивых и отстающих. Сам он отличался незаурядной памятью и помнил в совершенстве учебные тексты (Филевский, 1996).

Уроки Зико пошли Чехову впрок. Он писал впоследствии городскому голове греку П.Ф. Иорданову, что забыл еще не все и когда-то говорил по-гречески. Павел Федорович Иорданов, будучи заведующим городскими библиотекой и музеем, многое сделал для их пополнения. Благодаря ему к 200-летию Таганрога в 1898 г. был установлен памятник основателю города – Петру Первому работы М. Антокольского. Переговоры со скульптором в Париже по просьбе Иорданова вел А.П. Чехов, он до последних дней своей жизни поддерживал переписку с П.Ф. Иордановым.

Интересная история случилась в Крыму. О ней рассказал в воспоминаниях знакомый Чехова С.Н. Шукин. Одно время Антон Павлович взял под свое покровительство ялтинских, аутских греков. Греки эти были его соседями. Когда-то Аутка была населена греками. В Аутке была и греческая церковь. Когда Ялта стала быстро заселяться, Аутка соединилась с Ялтой и вошла в черту города. «И мало-помалу греки были вытеснены дальше, на гору, в так называемую Верхнюю Аутку. Греческая церковь, находившаяся в Нижней Аутке, стала считаться русской, священников к ней посвящали русских, и богослужение совершали в ней уже на славянском языке. Греческой же осталась небольшая, невзрачная, даже не каменная, а деревянная церковка св. Феодора Тирона в Верхней Аутке. Она к тому же не была самостоятельна, а приписана к русской церкви. И к тому времени, как Чехов поселился в Аутке, между греками и русскими шли острые споры по случаю назначения новых священников, перестройки церквей, относительно церковного имущества и пр.

Представители греков во главе со священником явились к Чехову и просили его взять на себя защиту их дела. Антон Павлович согласился на их просьбу, принял в деле большое участие, был с документами, которые они дали ему, у архиерея. Противная партия не понимала, отчего он хлопочет, была раздражена и толковала, что он сам грек, потому и хлопочет за греков» (Чехов в воспоминаниях, 1960: 458).

Греки нечасто становились героями произведений Чехова. Личными впечатлениями навеяна характеристика греков, представленная Чеховым в раннем рассказе-шутке «К характеристике народов»: «Греки занимаются по преимуществу торговлей. Продают губки, золотых рыбок, сантуринское вино и греческое мыло, не имеющие же торговых прав... занимаются преподаванием древних языков» (Чехов: III, 113).

Но лучше всех известен грек Дымба из короткой пьесы «Свадьба». Харлампию Спиридоновичу Дымбе принадлежит фраза, ставшая крылатой: «В Греции все есть». Благодаря этому герою Греция в пьесе предстает как страна изобилия, рай на земле. В Греции есть и тигры, и львы, и кашалоты, и омары, и дядя, и братья, и отец Дымбы, и даже акцизные чиновники. И хотя слова Дымбы воспринимаются явным преувеличением, патриотизм его, восхищение исторической родиной вызывают симпатию (Буглак, 2014). Прототипом этого героя, по воспоминаниям брата Антона Павловича Чехова Александра, следует считать одного из постоянных посетителей лавки Павла Егоровича, грека Скизерли (Чехов в воспоминаниях, 1960: 57)

Важное место в художественном мире Чехова занимают образы Греции, приметы, знаки греческой культуры, понятные каждому образованному человеку. Чехов-гимназист часто посещал театр. В свое первое посещение таганрогского театра он смотрел оперетту Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена», пародирующую сюжет «Илиады» Гомера.

Чехов прекрасно знал греческую мифологию, он получил в гимназии классическое образование. Древнегреческие образы и сюжеты служат Чехову основой для аналогий с современной жизнью. Но одновременно они переосмысляются писателем, иногда – комически. Герой раннего рассказа «За яблочки», помещик и самодур Трифон Семенович, обитает, как пишет Чехов, «между Понтом Эвксинским и Соловками» (Чехов: I, 39). Сюжет рассказа пародирует библейскую историю Адама и Евы, отведавших в Эдеме яблоко познания добра и зла. Парень и девка забрались в сад Трифона Семеновича за яблоками. Помещик заставляет их поколотить друг друга и изгоняет из сада. На этом история новых Адама и Евы закончилась: они разошлись и более не встречались. Почему Чехов называет Черное море Понтом Эвксинским? Это расширяет географические границы рассказа: события могли случиться в любом месте России, от южных до северных границ. Но это расширяет и исторические границы рассказа: так было всегда, от античности до наших дней. Кроме того, в путешествии Одиссея Понт Эвксинский был населен чудовищами. Чем Трифон Семенович отличается от Сциллы или Харибды? Так отдельный характер становится социальным и психологическим типом, а частный случай – общественной практикой. А рассказ в целом получает общечеловеческое значение, философскую проблематику, идейную и психологическую глубину.

В рассказе «Контора объявлений Антоши Ч.» сообщается, что в музее статуя Аполлона Бельведерского одели во фрак, чтобы не смущать дам и юношей (Чехов: I, 103). Чехов высмеивает ханжество и пошлость своих современников, не способных оценить идею физической и духовной гармонии человека. В результате Аполлон превращен в манекен для демонстрации модной одежды. Выражения «Танталовы муки», «жрецы Фемиды», «узы Гименея» и др. широко распространены в ранней прозе писателя и создают ее культурное пространство.

Молодая исследовательница из Таганрога – родины писателя – Е.С. Шишко – в диссертации об античной и библейской мифологии в прозе Чехова пришла к выводу, что в ранних рассказах имена античных персонажей создают комедийно-ироническую тональность повествования и служат средством травестийной переработки культурных кодов. Развлекательность и юмор сочетаются с сатирической злободневностью, осмеянием современных нравов и пороков посредством пародирования, снижения широко известных античных образов. С середины 1880-х гг. в творчестве Чехова происходит резкое уменьшение упоминаний античных имен, изречений, что свидетельствует об изменениях в чеховской стилистике: теперь основное внимание уделяется менее заметным на текстовом

уровне сюжетным и образным переключкам с греческой мифологией. Широкое использование аллюзий и реминисценций позволяет внести в произведение дополнительные оттенки смысла, скрытые в подтексте, и активизировать читательское восприятие. В 1890-е гг., когда чеховская художественная система окончательно оформилась, отсылки к античному мифу создавали глубинную перспективу всей содержательной структуры повествования и отдельных образов, что давало возможность различных интерпретаций одного и того же произведения, а значит – возможность диалога с читателем (Шишко, 2005).

Название рассказа «Душечка» многие исследователи связывают с мифологическим рассказом о Психее. Оленька Племянникова, героиня рассказа, – это душа, эмоциональное начало, не скорректированное интеллектом.

В рассказах Чехова героинь обычно зовут простыми именами: Анна, Маша, Ольга. Поэтому обращает на себя внимание рассказ с необычным, экзотическим названием «Ариадна». Ученые полагают, что у героини этого рассказа был реальный прототип – Ариадна Черец, гимназическая знакомая Чехова. Как и героиня рассказа, она была красива, любила балы, наряды и общество мужчин, любила восторг и поклонение, что заставляло страдать ее мужа. Но у рассказа есть и более глубокий смысл, связанный с мифологической историей Ариадны, дочери критского царя Миноса и Пасифаи. Как мы помним, Ариадна дала Тезею нить, с помощью которой он спасся из лабиринта после победы над Минотавром. Ариадна бежала с Тезеем от гнева отца. Однако неблагодарный Тезей высадил Ариадну на острове Наксос, где позже она вступила в брак с богом Дионисом. Чеховская героиня – полная противоположность верной и преданной Ариадне. Ариадна Чехова – это Нарцисс, влюбленный в себя. Она не путеводительница, как греческая Ариадна, а погубительница. Она управляет нитями судьбы других героев, опутывает их, как паука.

4. Заключение

Изображение греков и Греции, от античности до конца XIX в., в творчестве А.П. Чехова можно назвать продолжением и развитием литературного филэллинизма. Однако, в отличие от литературы первой четверти XIX в., где Греция и греки – это условно-романтические образы, в произведениях Чехова много живых жизненных впечатлений. Он разрушает литературные стереотипы, иронизирует над ними и в то же время открывает новые пути в решении греческой темы.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Литература

- Алексеев, 1982 – Алексеев М.П. Байрон и русская дипломатия // Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. С. 394–468.
- Арш, 1969 – Арш Г.Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. 1969. № 3. С. 85–95.
- Базанов, 1964 – Базанов В. Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. 463 с.
- Буглак, 2014 – Буглак Т.О. Греческий национальный характер в «свадебном» цикле А.П. Чехова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014. № 1. С. 287–290.
- Вокруг Чехова, 1990 – Вокруг Чехова. М.: Правда, 1990. 656 с.
- Ларионова, 1988 – Ларионова М.Ч. В.И. Туманский – поэт 20–30-х годов XIX века: дисс... канд. филол. наук. Л., 1988. 187 с.
- Лаппо-Данилевский, 2010 – Лаппо-Данилевский К.Ю. О филэллинизме Н.М. Карамзина // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. СПб.: Наука, 2010. С. 223–231.
- Летопись, 2000 – Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М.: Наследие, 2000. 512 с.
- «...Таганрога я не миную», 1985 – «... Таганрога я не миную». Чехов в Таганроге. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1985. 224 с.

Филевский, 1996 – *Филевский П.* История города Таганрога. Таганрог: Сфинкс, 1996. 380 с.

Чехов – *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1988.

Чехов в воспоминаниях, 1960 – А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 850 с.

Шишко, 2005 – *Шишко Е.С.* Мифологическое пространство в рассказах А.П. Чехова: дисс... канд. филол. наук. Таганрог, 2005. 190 с.

References

Alekseev, 1982 – *Alekseev M.P.* (1982). Bairon i russkaya diplomatiya [Byron and Russian diplomacy]. *Alekseev M.P.* Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka) [Russian-English literary connections (XVIII century – first half of XIX century)]. Moscow: Nauka, pp. 394–468. [in Russian]

Arsh, 1969 – *Arsh G.L.* (1969). Grecheskaya emigraciya v Rossiyu v konce XVIII – nachale XIX v. [Greek emigration to Russia in the late XVIII – early XIX century]. *Soviet Ethnography*. № 3, pp. 85–95. [in Russian]

Bazanov, 1964 – *Bazanov V.* (1964). Uchenaya respublika [Educated Republic]. Moscow, Leningrad: Nauka, 463 p. [in Russian]

Buglak, 2014 – *Buglak T.O.* (2014). Grecheskij nacional'nyj karakter v “svadebnom” cikle A.P. Chekhova [Greek national character in the “wedding” cycle of A.P. Chekhov]. *Bulletin of Tver State University. Filologiya*. № 1, pp. 287–290. [in Russian]

Vokrug Chekhova, 1990 – *Vokrug Chekhova* [Around Chekhov]. Moscow: Pravda, 1990, 656 p. [in Russian]

Larionova, 1988 – *Larionova M.Ch.* (1988). V.I. Tumanskij – poet 20–30-h godov XIX veka [V.I. Tumansky – poet of the 20-30-ies of the XIX century]. PhD Thesis in Philology. Leningrad, 187 p. [in Russian]

Lappo-Danilevskij, 2010 – *Lappo-Danilevskij K.Yu.* (2010). O filellinizme N.M. Karamzina [About Philhellenism of N.M. Karamzin] // *Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe izuchenie kul'tur* [Literary translation and comparative study of cultures]. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 223–231. [in Russian]

Letopis', 2000 – *Letopis' zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova* [Chronicle of the life and work of A.P. Chekhov]. Moscow: Nasledie, 2000, 512 p. [in Russian]

“...Taganroga ya ne minuyu”, 1985 – “... Taganroga ya ne minuyu”. Chekhov v Taganroge [“...Taganrog I do not pass”. Chekhov in Taganrog]. Rostov-on-Don: Rostov book publishing house, 1985, 224 p. [in Russian]

Filevskij, 1996 – *Filevskij P.* (1996). Istoriya goroda Taganroga [The History of the city of Taganrog]. Taganrog: Sphinx, 380 p. [in Russian]

Chekhov – *Chekhov A.P.* (1974–1988). Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Complete Works and Letters] in 30 vol. Sochineniya [Works] in 18 vol. Moscow: Nauka. [in Russian]

Chekhov v vospominaniyah, 1960 – А.П. Chekhov v vospominaniyah sovremennikov (1960) [A.P. Chekhov in the memoirs of contemporaries]. Moscow: State publishing house of fictio, 850 p. [in Russian]

Shishko, 2005 – *Shishko E.S.* (2005). Mifologicheskoe prostranstvo v rasskazah A.P. Chekhova [Mythological space in the stories of A.P. Chekhov]. PhD Thesis in Philology. Taganrog, 190 p. [in Russian]

Греция и греки в творчестве А.П. Чехова

Марина Ченгаровна Ларионова ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Актуализация греческой тематики в русской литературе рубежа XVIII–XIX вв. была связана с национально-освободительной борьбой греков против турок. Сложилось общественное и литературное движение – филэллизм. Греко-турецкие конфликты привели к тому, что в XVIII и XIX вв. греки массово переселялись в Россию и, в частности, в Таганрог. Во второй половине XIX в. причины обращения писателей к греческой теме были вполне реалистические. При этом греческая культура, начиная с античности, оставалась источником многих литературных образов и сюжетов.

Вопрос об отношении А.П. Чехова к Греции и грекам включает в себя несколько аспектов: биографические связи Чехова с греками, образы греков в его произведениях и культурный греческий «текст» в чеховском творчестве. Некоторые персонажи ранних рассказов писателя связаны с его греческим таганрогским окружением. Важное место в художественном мире Чехова занимают знаки греческой культуры, понятные каждому образованному человеку.

Изображение греков и Греции, от античности до конца XIX в., в творчестве А.П. Чехова можно назвать продолжением и развитием литературного филэллизма. Он разрушает литературные стереотипы, иронизирует над ними и в то же время открывает новые пути в решении греческой темы.

Ключевые слова: Чехов, рассказы, греческая тема, филэллизм, Таганрог.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(1): 16-25

DOI: 10.13187/rs.2019.1.16
www.ejournal15.com

Outstanding Artists in the History of the Rostov Cathedral of the Nativity of the Virgin

Alla V. Shadrina ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Don State Technical University, Russian Federation

Abstract

Cathedrals of major cities of Russia have traditionally been the centers of not only Church life, but also the focus of cultural life, which attracted outstanding artists. Rostov Cathedral of the Nativity of the virgin was no exception. Here in the last third of the XIX – first half of XX century carried his Ministry musicians and artists, whose names entered the history not only of Rostov-on-Don and the Soviet Union. The article is devoted to the return of forgotten names of outstanding artists whose life was associated with the Rostov Cathedral of the Nativity of the virgin.

Keywords: V.G. Sklyarevskii, K.K. Pigrov, M.A. Skripnikov, I.F. Kovalenko, I.G. Shershunov, I.I. Ivanov, A.V. Podorozhnaya.

1. Введение

До начала 2000-х гг. вопрос причастности выдающихся региональных деятелей культуры и искусства конца XIX – начала XX вв. к жизни Русской православной церкви не обсуждался. Только после 2000 г. эта проблема стала предметом исследования музыковедов и историков, концентрирующих свое внимание на региональном аспекте, поскольку именно эта область до сегодняшних дней отличается недостаточной изученностью и значительным числом лагун. Однако возникший интерес не получил широкого развития и резонанса, что обусловило скудость историографии. Сегодня можно говорить только о трех авторах, посвятивших этой проблеме работы, в основе которых лежит изучение архивных источников и проведение полевых исследований. Так, А.В. Вальченко, изучая музыкальную культуру Дона XVIII – начала XX вв. (Вальченко, 2014), открыла значительное число имен выдающихся деятелей, трудившихся, в том числе, в соборах крупных городов и станиц и внесших вклад в формирование донской культуры. У.В. Сорокина, изучая церковно-певческую культуру Ростова-на-Дону в начале XX в. (Сорокина, 2016), в качестве объекта исследования избрала личность и творчество М.Ю. Скрипникова (Сорокина, 2014), повлиявшего на формирование церковно-певческого пространства г. Ростова-на-Дону. В работах А.В. Шадринной предпринимаются попытки обобщения творческого пути и наследия выдающихся деятелей искусства, причастных к жизни Русской православной церкви донского региона (Шадринна, 2014; Шадринна, 2016).

* Corresponding author

E-mail addresses: shadrina@ssc-ras.ru (A.V. Shadrina)

2. Материалы и методы

Настоящая статья основана на изучении архивных источников, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), Латвийском государственном историческом архиве (ЛГИА) и архиве Ростовской и Новочеркасской епархии (Архив РиНЕ), а также дореволюционных периодических изданий и газеты времени оккупации Ростовской области «Голос Ростова». Анализируя источниковую базу проблемы, следует констатировать ее фрагментарность. Архивные источники, посвященные как культурной жизни региона, так и отдельным личностям, оказавшим влияние на ее формирование и развитие, рассредоточены по разным фондам и нередко попадают в поле зрения исследователя в ходе изучения другой темы. Это затрудняет формирование источниковой базы, но свидетельствует о ценности выявленных, часто случайно, сведениях, позволяющих по крупицам воссоздать картину культурной жизни Ростова-на-Дону конца XIX – начала XX вв.

Исследование опирается на традиционные для исторической науки принципы научной объективности, системности и историзма. Использован источниковедческий анализ документов. При цитировании документов сохранены их стилистические особенности. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с нормами современного русского языка. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

3. Обсуждение и результаты

Кафедральный собор Рождества Богородицы г. Ростова-на-Дону, созданный по образцовому проекту выдающегося архитектора XIX в. К.А. Тона, уже в период выбора проекта мыслился как центр не только духовной, но и общественной жизни южного города. Действительно, после освящения храма в 1860-х гг. там начало формироваться культурное пространство, оказывающее влияние не только на прихожан, но и на горожан.

Первой личностью, о которой до сегодняшних дней известно очень мало, но чье творчество получило высокую оценку ростовчан, был руководитель церковного хора собора Рождества Богородицы В.Г. Шкляревский, возглавлявший его с 1870-х гг. по 1904 г. По отзывам современника, скрывшего свое имя под псевдонимом Диез, богослужения, проводившиеся В.Г. Шкляревским, доставляли «эстетическое наслаждение. Глубокое понимание характера церковных песнопений В.Г. [Шкляревский – А.Ш.] воплощал в передаче каждой пьесы, а блестящее хоровое исполнение, несомненно, указывало на его большую эрудицию в области церковной музыки вообще и ставило его в ряд лучших церковных хормейстеров. Понятно после этого, что г[осподин] Шкляревский, управляя соборным хором чуть ли не 30, если не более лет, приучил посетителей собора к своему пению, даже более – воспитал их» (Диез, 1903: 2). Приведенный отзыв показателен тем, что аноним отмечает не просто блестящее хоровое исполнение, доступное на протяжении истории хорового дела весьма малому числу хоровых коллективов, но факт воспитания вкуса прихожан и тех, кто приходил на богослужение с целью получить эстетическое удовольствие. Впоследствии попытки духовенства ввести в соборе народное пение вызывали у прихожан резкое неприятие, жалобы во всевозможные инстанции с требованием вернуть хор (Шадрин, 2014:61).

С 1904 по 1909 гг. руководителем хора собора Рождества Богородицы был другой выдающийся хормейстер, в дальнейшем профессор Одесской государственной консерватории, заслуженный деятель искусств Украинской ССР Константин Константинович Пигров (1876–1862 гг.) (ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 197. Л. 51–51 об.)

Творческий путь Константина Константиновича начался в Санкт-Петербурге, где он окончил регентские классы Придворной певческой капеллы (ученик А. Лядова). После окончания этого известнейшего учебного заведения он руководил многими как церковными, так и профессиональными, учебными хорами (Ростов-на-Дону, Ставрополь, Одесса) (Романовский, 1972: 84). О времени пребывания К.К. Пигрова в качестве регента собора Рождества Пресвятой Богородицы Ростова-на-Дону осталось два свидетельства: донской периодики начала XX в. и священника И.К. Бутенко, который считал себя его учеником.

О начале деятельности К.К. Пигрова в качестве руководителя соборного хора писал в газете «Южный телеграф» аноним Диез. После того как К.К. Пигров возглавил хор собора, «слушатели насторожились, пошли суждения “за” и “против”, явились недовольные пением

протестующие, готовые даже письменно пред старостой собора высказаться против регента г[осподина] Пигрова, находя его причиной упадка пения соборного хора. Конечно, это простое заблуждение: хор поет и теперь довольно хорошо. Меня восхитило выполнение хором простого церковного пения, как известно, это камень преткновения многих регентов, так как это пение, несмотря на кажущуюся свою простоту, весьма трудное. Мягкость вступления, одновременные окончания, оттенки на грамматических ударениях слова всегда совпадали с ударениями музыкальными, и все это без подчеркиваний и излишних усиления, чего не могут избежать многие регенты. Это-то и показывает, что г[осподин] Пигров уже достаточно овладел хором. Далее мне пришлось прослушать “Ныне отпускаеши” сочинения Веделя (Артеми́й Лукьянович Веде́ль – известнейший церковный композитор XVIII в. – *А.Ш.*), музыку в совершенно противоположном простому церковному пению стиле. Как нарочно, образцами представились два самых противоположных стиля: простой церковной музыки, по характеру своему покойной и солидной, и музыки веделевской – бурной, страстной, давно признанной за свой характер нецерковной, однако допускаемой для исполнения как уступка вкусам слушателей. И с этой пьесой хор справился вполне. Несмотря на конструктивный антицерковный характер, пьеса “Ныне отпускаеши” пропета была и умело, и прилично. Такие две крайности как пение простое и веделевское, случайно послужившие для моей оценки, приводят меня к безошибочному заключению, что регент Пигров – человек, безусловно знающий свое дело, и под его руководством соборный хор будет совершенствоваться. Поэтому желательно было бы, чтобы прихожане отнеслись более сочувственно к его деятельности и не порицали незаслуженно» (*Диез, 1903: 2*).

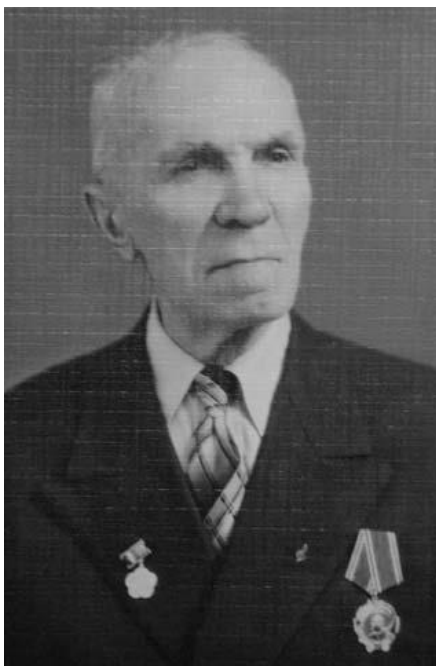

Рис. 1. Константин Константинович Пигров (*Шатова*)

Правомерность призыва анонима к ростовчанам впоследствии вполне подтвердилась. К.К. Пигров был признан выдающимся хормейстером и педагогом СССР. Его теоретическое знание хормейстерского дела было воплощено в учебном пособии «Руководство хором», которое до сегодняшних дней не потеряло своей актуальности.

Во время пребывания в качестве регента собора Рождества Богородицы К.К. Пигров занимался педагогической деятельностью. Именно его в качестве своего учителя называет священник Илья Кузьмич Бутенко, бывший регентом собора Рождества Пресвятой Богородицы в период с 1911 по 1917 гг. (*ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 197. Л. 51–510б.*).

Целой эпохой, давшей ростовскому собору Рождества Богородицы выдающихся деятелей культуры в лице руководителей хора Михаила Юрьевича Скрипникова и Ивана Федоровича Коваленко, было время пребывания во главе Ростовской и Таганрогской

(с 1946 г. Ростовской и Новочеркасской) епархии известного иерарха Русской православной церкви епископа Сергия (Ларина), назначенного на ростовскую кафедру 30 октября 1947 г. Со времени своего прибытия в Ростов-на-Дону он начал формировать переставший существовать в 1936 г. (год закрытия собора) Архиерейский хор, который до середины 1960-х гг. был выдающимся явлением в жизни не только собора, но и Ростова-на-Дону.

Епископ Сергей прибыл в Ростов-на-Дону не ранее ноября 1947 г., а уже 13 декабря 1947 г. благочинному градского округа протоиерею Иоанну Ковалевскому поступило следующее уведомление: «Согласно распоряжению Его Преосвященства № 134 от 13 декабря 1947 г. Вам надлежит вызвать хористов церковных хоров в Архиерейский хор немедленно же. Разъяснить о[тцам] настоятелям, что эта мера временная. Потом я постараюсь найти певцов в свой хор, не связанных с хорами указанных церквей. Регентов означенных церквей тоже прошу искать себе певцов. Е[пископ] Сергей» ([Архив РиНЕ. Личное дело Ковалевского. Л. 10](#)). Содержание приведенного документа необычно тем, что инициатива организации Архиерейского хора принадлежала епископу Сергию. Собранный к началу 1948 г. Архиерейский хор на протяжении двух десятилетий имел высокий статус, был самым большим по численности и стабильным коллективом, несмотря на смену регентов. Деятельность хора регламентировалась утвержденной епископом Сергием Хоровой комиссией ([Архив РиНЕ. Личное дело Коваленко. Л. 9](#)), которая следила за дисциплиной в коллективе и репертуарной политикой.

До создания Архиерейского хора обязанности регента собора Рождества Пресвятой Богородицы исполнял выдающийся ростовский регент и церковный композитор Михаил Юрьевич Скрипников, 4 апреля 1944 г. рукоположенный Преосвященным Елевферием (Воронцовым) в сан священника.

Рис. 2. Михаил Юрьевич Скрипников ([Архив Шварцман](#))

До революции М.Ю. Скрипников был руководителем хора ныне разрушенного собора Святого Благоверного князя Александра Невского ([ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 106. Л. 80–81об. Д. 23. Л. 73об., 102](#)) и Всехсвятской церкви ([ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 23. Л. 102](#)) Ростова-на-Дону. Во время Великой Отечественной войны, в первые месяцы оккупации, как только начали открываться храмы, он собрал церковный хор, который участвовал в освящении

возрожденных храмов ([Освящение храма, 1942: 2](#)). Будучи священником, отец Михаил не оставил поприще регента. По свидетельству его внучки Е.Е. Шварцман, он руководил хором кафедрального собора, но достаточно скоро был вынужден оставить это служение по причине частичной утраты слуха. В архивных документах сохранилась лишь краткая записка, подтверждающая то, что он действительно был регентом. В извещении «о явке на совещание по хоровым вопросам» значилось: «Извещение регентам: о[тцу] Михаилу Скрипникову и т[оварищу] Коваленко о явке на совещание по хоровым вопросам 21 декабря с[его] г[ода] в 12 час[ов] дня по распоряжению о[тца] Пимена» ([Архив РиНЕ. Личное дело Коваленко. Л. 10](#)).

Священник Михаил Скрипников внес значительный вклад в развитие церковной музыки ([Сорокина, 2014](#)), оставив большое число литургической музыки ([Шадрина, 2014: 82–159](#)).

1 апреля 1948 г. на должность руководителя Архиерейского хора ростовского кафедрального собора Рождества Богородицы был назначен широко известный в Ростове-на-Дону и за его пределами профессиональный хормейстер Иван Федорович Коваленко. Иван Федорович родился 10 ноября 1883 г. в г. Сумы. Он происходил из крестьян, его отец всю жизнь работал церковным регентом и учителем пения. В 1891 г. восьмилетним мальчиком Иван Коваленко был принят в Придворную певческую капеллу, где получил общее и специальное музыкальное образование под руководством известных музыкантов того времени: А.С. Аренского, Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Лядова, С.М. Ляпунова, С.В. Смоленского и др. Окончив капеллу в 1905 г., он до 1908 г. работал преподавателем пения в средних учебных заведениях г. Лебедин бывшей Харьковской губернии и регентом соборного хора. С 1908 по 1911 г. трудился в качестве преподавателя пения Коммерческого училища и регента Никольской церкви того же училища Ростова-на-Дону ([Архив РиНЕ. Личное дело Коваленко. Л. 3](#)).

Рис. 3. И.Ф. Коваленко с хором храма Святого Николая Чудотворца Коммерческого училища г. Ростова-на-Дону. 1908–1911 гг. ([Малаховский, Лаптев, 2003: 36](#))

С 1911 по 1913 г. И.Ф. Коваленко был регентом Боголюбского собора и преподавателем пения в г. Козлов (Мичуринск). С 1913 по 1920 г. работал регентом собора и преподавателем пения средних учебных заведений, а также дирижером профессиональной хоровой капеллы в г. Славянск. В 1920 г. И.Ф. Коваленко вернулся в Ростов-на-Дону, где до 1928 г. был регентом Архиерейского хора собора Рождества Пресвятой Богородицы и преподавателем музыкально-теоретических предметов в музыкальном училище. В это же время он возглавлял хоровую капеллу. С 1928 по 1934 гг. И.Ф. Коваленко возглавлял Северо-Кавказскую художественно-показательную капеллу, был художественным руководителем и дирижером Ансамбля песни и пляски Северо-Кавказского военного округа, ансамбля краевого общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству

(Крайсоавиахима), а также дирижером хора Азово-Черноморского радиокомитета. С 1934 по 1935 гг. он работал художественным руководителем и дирижером Ансамбля песни и пляски, дирижером хора радиокомитета в г. Куйбышев. С 1935 по 1938 гг. руководил самодеятельными хорами и студией сольного пения на Донбассе, в г. Славянске, г. Краматорске. С 1938 по 1946 г. был художественным руководителем и дирижером Ансамбля песни и пляски; директором Дома народного творчества; старшим преподавателем Суворовского училища г. Саратова. В 1946 г. И.Ф. Коваленко вновь вернулся в Ростов-на-Дону на место регента Всехсвятской церкви. 1 апреля 1948 г. он был приглашен секретарем Ростовского епархиального управления игуменом Пименом (Извековым) в качестве регента вновь созданного Архиерейского хора кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы ([Архив РиНЕ. Личное дело Коваленко. Л. 3–4](#)), где прослужил до своей кончины, предположительно, в 1954 г.

В 1948 г. в автобиографии И.Ф. Коваленко писал: «За период моей деятельности я демонстрировал хоровое искусство в г[ородах] Петербурге, Гельсингфорсе, Баку, Тифлисе, Эривани (Ереван), Батуме, Горьком, Харькове, Иванове, Владивостоке, Харбине, Хабаровске, Иркутске, Челябинске, Астрахани, Сухуме, Ново-Сибирске, Кисловодске и др. За период второй Отечественной войны мною проведено с Волжским Ансамблем песни и пляски 1800 концертов по обслуживанию воинских частей, госпиталей, агитпунктов фронта и спецзаданий. Оценка моей деятельности подкреплена сотнями отзывов: прессы, организаций и мастеров искусства» ([Архив РиНЕ. Личное дело Коваленко. Л. 6](#)). В годы Великой Отечественной войны он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и четырьмя грамотами «за активное участие в художественном обслуживании воинских частей Советской армии» ([Архив РиНЕ. Личное дело Коваленко. Л. 1–1 об.](#)).

Будучи выпускником Придворной певческой капеллы и практикующим хормейстером, Иван Федорович смог вывести созданный в 1947 г. Архиерейский хор кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы на высочайший уровень исполнительства.

Ныне живущие участники Архиерейского хора собора Рождества Богородицы, певшие под руководством И.Ф. Коваленко, вспоминают о нем как о непревзойденном хормейстере, работа с которым доставляла много радости.

В 1951 г. на Ростовскую кафедру был переведен выдающийся иерарх Русской православной церкви митрополит Вениамин (Федченков). Как он сам свидетельствовал, «в начале апреля 1951 г. я неожиданно был переведен в Ростов-на-Дону (для исправления епархии)» ([Вениамин \(Федченков\), 2002: 874](#)). Помимо организации епархиальной жизни и формирования клира, митрополит Вениамин уделял большое внимание реставрации ростовского кафедрального собора Рождества Богородицы. Так, по его инициативе в 1955 г. в соборе был возведен новый иконостас по проекту ростовского архитектора Л.Ф. Эберга взамен утраченного в 1936–1942 гг. Полагая, что ростовский кафедральный собор представляет собой копию московского храма Христа Спасителя, уничтоженного в 1931 г., митрополит Вениамин попросил Л.Ф. Эберга сделать проект иконостасов трех приделов собора в форме часовен по типу иконостасов храма Христа Спасителя. Новый иконостас был выполнен в Москве. Иконы нижнего яруса были написаны в стиле В.М. Васнецова московским художником Казанцевым. Иконы остальных трех ярусов были исполнены в стиле М.В. Нестерова московским художником Федоровым ([ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 1. Л. 267. Оп. 4. Д. 17. Л. 64](#)).

Митрополит Вениамин заботился не только о благолепии храма, но и о красоте богослужения. В 1950-х гг. он специально для ростовского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы закупил нотную библиотеку известного регента г. Риги Ивана Григорьевича Шершунова, благодаря чему имя этого неординарного человека и профессионального хормейстера вошло в историю ростовского собора.

Рис. 4. Иван Григорьевич Шершунов (ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 1. Д. 20736. Л. 2)

Предпринятые попытки поиска сведений об И.Г. Шершунове увенчались следующими результатами. Иван Григорьевич Шершунов родился в 1881 в г. Белый Смоленской губернии. В 1898 г. он окончил Рижское духовное училище, а в 1904 г. Рижскую духовную семинарию. По окончании семинарии он был направлен псаломщиком-учителем в храм святой великомученицы Екатерины в Верро, но вскоре был принят на должность помощника классного руководителя и учителя чистописания и пения Рижского духовного училища, где работал до 1918 г. В 1909 г. И.Г. Шершунов был утвержден в чине коллежского секретаря; в 1910 г. – титулярного советника; в 1912 г. – коллежского асессора; в 1915 г. – надворного советника. В 1915 г. И.Г. Шершунов был назначен учителем церковного пения при Рижском духовном училище с оставлением в должности надзирателя и учителя чистописания (ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 1. Д. 20736. Л. 5). С 10 марта 1918 г. по июль 1920 г. он работал в Образцовом училище Учительской семинарии г. Дмитриева Курской губернии. В 1920 г. вернулся в Латвию и поступил на работу в Рижскую 6-ю русскую основную школу, в которой работал до 1940 г. Одновременно с исполнением обязанностей учителя Иван Григорьевич Шершунов работал регентом в разных храмах г. Риги. Об этом свидетельствуют надписи на хоровых партитурах, которые он оставлял при переписывании. Партитуры, переписанные рукой И.Г. Шершунова, являются бесценным историческим источником, поскольку регент, следуя дореволюционной регентской традиции, оставлял на партитурах записи о своих впечатлениях, переживаниях и скорбях. Собственно нотная библиотека, волей митрополита Вениамина (Федченкова) оказавшаяся в ростовском кафедральном соборе, осталась в качестве реликвии. После смерти И.Ф. Коваленко Архиерейский хор, постепенно терявший свои профессиональные навыки, перестал исполнять образцы хоровой классики, предпочитая общепринятый репертуар, не отличавшийся вкусом.

В истории Ростова-на-Дону В.Г. Шклярский, К.К. Пигров, М.А. Скрипников, И.Ф. Коваленко и опосредованно И.Г. Шершунов, несмотря на то, что их имена были связаны в первую очередь с ростовским кафедральным собором Рождества Богородицы, внесли определяющий вклад в формирование культурного пространства южного города. Певцы, получившие опыт работы с ними, стали проводниками этого опыта в светские учебные заведения и учреждения культуры – Ростовское музыкальное училище (ныне Ростовский колледж искусств) и Ростовский театр музыкальной комедии (ныне Ростовский музыкальный театр), преподаватели и солисты которых были певчими Архиерейского хора.

Среди выдающихся деятелей искусства, связанных с ростовским кафедральным собором, необходимо назвать имена выдающихся художников-иконописцев Ивана Ивановича Волкова и его супруги Александры Васильевны Подорожной. Несмотря на то, что сегодня о них известно очень мало, их вклад в историю собора был значительным. Иван Иванович Волков обучался иконописному мастерству в Киево-Печерской Лавре. В середине

1920-х гг. он, совместно с супругой, художницей Александрой Васильевной Подорожной, выполнял росписи в новом притворе собора и реставрацию росписей, сделанных в 1890-х гг. За исполнение живописных работ Ивану Ивановичу Волкову 24 февраля 1929 г. была дана грамота, скрепленная печатью и подписью епископа Ростовского и Таганрогского Серафима (Силичева), в которой говорилось: «Во внимание к Вашим трудам по руководству внутренним капитальным ремонтом Р[остовского]-н[а]/Д[ону] кафедрального собора преподается Вам наше архипастырское благословение с выдачей настоящей грамоты с молитвенным благопожеланием, да дарует Господь Вам в жизни ту духовную радость, которую Он обещал добрым делателям виноградника Своего». Грамотой была награждена и Александра Васильевна. В 1943 г. она была репрессирована.

4. Заключение

Обращение к истории ростовского кафедрального собора Рождества Богородицы показывает, что этот храм был не только духовным центром города, но и центром его культурной жизни, благодаря тому, что начиная с последней трети XIX в. и до первой половины XX в. здесь трудились выдающиеся хормейстеры и художники. Несмотря на то, что, начиная с 1920 г., собор, как и все церкви СССР, подвергался антицерковным акциям, он не переставал быть центром притяжения творческой элиты города, во многом определив формирование историко-культурного облика южной столицы.

Литература

- [Архив РиНЕ](#) – Архив Ростовской и Новочеркасской епархии
[Архив Шварцман](#) – Личный архив внучки М.Ю. Скрипникова Е.Е. Шварцман
[Вальченко, 2014](#) – *Вальченко А.В.* Хоровое искусство на Дону (XVIII – начало XX века). Ростов-на-Дону: Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2014. 300 с.
[Вениамин \(Федченков\), 2002](#) – *Вениамин (Федченков)*, митр. Записки архиерея. М.: Правило веры, 2002. 1006 с.
[ГАРО](#) – Государственный архив Ростовской области
[Диез, 1903](#) – *Диез*. О пении ростовского соборного хора // Южный телеграф. 1903. № 126. С. 2.
[ЛГИА](#) – Латвийский государственный исторический архив
[Малаховский, Лаптев, 2003](#) – *Малаховский Е.И., Лаптев Г.Ф.* Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. Ростов-на-Дону: АКРА, 2003. 224 с.
[Освящение храма, 1942](#) – Освящение храма // Голос Ростова. 1942. № 32. С. 2
[Романовский, 1972](#) – *Романовский Н.В.* Хоровой словарь. Л.: Музыка, 1972. 142 с.
[Сорокина, 2014](#) – *Сорокина У.В.* Судьба композитора (о творчестве М.Ю. Скрипникова) // *Musicus: Вестник СПбГК им. Н.А. Римского-Корсакова*. 2014. № 4. С. 28–34.
[Сорокина, 2016](#) – *Сорокина У.В.* Церковно-певческая культура Ростова-на-Дону в начале XX столетия // Музыкальная культура Юга России. 2016. № 3. С. 5–10.
[Шадрина, 2014](#) – *Шадрина А.В.* Донские церковные композиторы второй половины XIX – середины XX века. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 248 с.
[Шадрина, 2016](#) – *Шадрина А.В.* Церковные хоры и регенты Дона 1920–1950-х гг.: к проблеме осмысления культурного наследия региона // Богослужбные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе: материалы Междунар. науч. конф. Майкоп: Изд-во Маргарин О.Г., 2016. С. 211–233.
[Шадрина, 2017](#) – *Шадрина А.В.* Нотный архив кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы Ростова-на-Дону: история формирования и особенности структуры // *Музыкальная культура Юга России*. 2017. № 2. С. 89–95.
[Шатова](#) – *Шатова И.А.* Школа Пигрова. URL: http://odessitclub.org/publications/almanac/alm_28/alm_28_207-212.pdf (дата обращения: 20.05.2019).

References

[Arkhir RiNE](#) – Arkhiv Rostovskoi i Novocheerkasskoi eparhii [Archive of the Rostov and Novocheerkassk Diocese]

- Архив Шварцман** – Lichnyy arkhiv vnuchki M.Y. Skripnikova Y.Y. Shvartsman [Personal archive of granddaughter's M.U. Skripnikova E.E. Schwartzman]
- Val'chenko, 2014** – *Val'chenko A.V.* (2014). Khorovoye iskusstvo na Donu (XVIII – nachalo XX veka) (2014) [Choral art on the Don (XVIII – early XX century)]. Rostov-on-Don: Rostovskaya gosudarstvennaya konservatoriya named by S.V. Rakhmaninov, 300 p. [in Russian]
- Veniamin (Fedchenkov), 2002** – *Veniamin (Fedchenkov), metr.* (2002) Zapiski arkhiereya [Notes of the bishop]. Moscow: Pravilo very, 1006 p. [in Russian]
- GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region]
- Diez, 1903** – *Diez* (1903) O penii rostovskogo sobornogo khora [On the singing of the Rostov Cathedral Choir]. *Yuzhnyi telegraf*. № 126, p. 2 [in Russian]
- LGIA – Latviiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Latvian State Historical Archive]
- Malakhovskii, Laptev, 2003** – *Malakhovskii E.I., Laptev G.F.* (2003) Khramy i kul'tovye sooruzheniya Rostova-na-Donu, utrachennye i sushchestvuyushchie [Temples and religious buildings of Rostov-on-Don, lost and existing]. Rostov-on-Don: AKRA, 224 p. [in Russian]
- Osvyashcheniye khrama, 1942** – *Osvyashcheniye khrama* (1942) [Temple consecration]. *Golos Rostova*. № 32, p. 2 [in Russian]
- Romanovskii, 1972** – *Romanovskii N.V.* (1972). Khorovoi slovar' [Choral dictionary]. Leningrad: Muzyka, 142 p. [in Russian]
- Sorokina, 2014** – *Sorokina U.V.* (2014). Sud'ba kompozitora (o tvorchestve M.Yu. Skripnikova) [The fate of the composer (about the work of M.Yu. Skripnikov)]. *Musicus: Vestnik SPbGK im. N.A. Rimskogo-Korsakova*. № 4, p. 28–34 [in Russian]
- Sorokina, 2016** – *Sorokina U.V.* (2016). Tserkovno-pevcheskaya kul'tura Rostova-na-Donu v nachale XX stoletiya [Church singing culture of Rostov-on-Don at the beginning of the XX century]. *Muzykal'naya kul'tura Yuga Rossii*. № 3. p. 5–10 [in Russian]
- Shadrina, 2014** – *Shadrina A.V.* (2014). Donskie tserkovnye kompozitory vtoroi poloviny XIX – serediny XX veka [Don church composers of the second half of the XIX – mid XX century]. Rostov-on-Don: Antei, 248 p. [in Russian]
- Shadrina, 2016** – *Shadrina A.V.* (2016). Tserkovnye khory i regenty Dona 1920–1950-kh gg.: k probleme osmysleniya kul'turnogo naslediya regiona [Church choirs and regents of the Don of the 1920s – 1950s: to the problem of understanding the cultural heritage of the region]. *Bogosluzhebnye praktiki i kul'tovye iskusstva v polietnicheskom regione: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Maikop: Margarina*, p. 211–233 [in Russian]
- Shadrina, 2017** – *Shadrina A.V.* (2017). Notnyi arkhiv kafedral'nogo sobora Rozhdestva Presvyatoi Bogoroditsy Rostova-na-Donu: istoriya formirovaniya i osobennosti struktury [Music archive of the Cathedral of the Nativity of the Blessed Virgin of Rostov-on-Don: history of formation and features of the structure]. *Muzykal'naya kul'tura Yuga Rossii*. № 2, p. 89–95 [in Russian]
- Shatova** – *Shatova I.A.* Shkola Pigrova [Pigrov's School]. URL: http://odessitclub.org/publications/almanac/alm_28/alm_28_207-212.pdf (accessed on: May 20, 2019).

Выдающиеся деятели культуры и искусства в истории ростовского кафедрального собора Рождества Богородицы

Алла В. Шадрина^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Донской государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Кафедральные соборы крупных городов России традиционно были центрами не только церковной жизни, но и средоточием культурной жизни, привлекавшей выдающихся деятелей искусства. Ростовский кафедральный собор

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: shadrina@ssc-ras.ru (А.В. Шадрина)

Рождества Богородицы не был исключением. Здесь на протяжении последней трети XIX – первой половины XX в. несли свое служение музыканты и художники, чьи имена вошли в историю не только Ростова-на-Дону, но и СССР. Статья посвящена возвращению забытых имен выдающихся деятелей культуры, чья жизнь была связана с ростовским кафедральным собором Рождества Богородицы.

Ключевые слова: В.Г. Шклярский, К.К. Пигров, М.А. Скрипников, И.Ф. Коваленко, И.Г. Шершунов, И.И. Иванов, А.В. Подорожня.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(1): 26-31

DOI: 10.13187/rs.2019.1.26
www.ejournal15.com

Vessel's Composition of the Plant Number 74 ("Izhmash") in 1930–1950-ies

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}, Anatoly N. Loshkarev ^d, Svetlana L. Bautina ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington (DC), USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Moscow Psychoanalyze Institute, Russian Federation

^d Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^e Moscow Economic Institute, Russian Federation

Abstract

In the 1930-s to 1950-s, a transition from mainly cargo to mostly passenger traffic took place on the Izhevsk pond. On the basis of the industrial plans and statistical reports of the Plant No. 74, the evolution of the vessel's composition was reconstructed. It was concluded that during the specified period the vessels of the plant solved approximately a constant range of tasks, since the numerical composition of 3-4 vessels remained unchanged during this period. In addition, the resolving problems were of approximately the same importance, since the composition of vessels is constantly updated. It is established that some of the vessels were built at the factory, for example, the vessel "Planeta".

Keywords: Izhevsk, River Transport, Cargo and Passenger Transportation, Plant No. 74, "Izhmash", Vessel.

1. Введение

Предвоенные годы стали для Ижевска периодом модернизации в структуре речных перевозок. Первые пароходы на Ижевском пруду появились в связи с тем, что потребности Ижевских заводов в древесине превысили максимально возможные для сплава объемы. Дерево использовалось в качестве основного энергоносителя в виде дров, как строевой лес для разнообразных построек и, наконец, как полуфабрикат для ружейного производства при изготовлении лож-болванок. Увеличение заводской флотилии, неизменно происходившее в период с 1892 по 1917 гг., практически соответствует увеличению объемов потребления древесины. Поэтому вслед за пароходом «Иж», приобретенным в 1892 г. под программу Главного артиллерийского управления производства винтовок Мосина, последовала покупка парохода «Шрапнель» под программу увеличения объема производства шрапнели для армии 1904 г. Незадолго перед мировой войной Ижевские заводы приобрели баркас для перевозки пиломатериалов, после чего уже под военные заказы в начале Первой мировой войны купили пароход «Шторм».

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

Развитие сети железнодорожного транспорта сделало процесс подвоза древесины более гибким. Теперь лес не обязательно было рубить с учетом последующего сплава по реке Иж, а можно было использовать даже отдаленные лесосеки. Кроме того, с дров можно было перейти на более эффективные энергоносители (мазут, уголь). В связи с этим объемы сплаваемой по Ижу и Ижевскому пруду древесины неуклонно уменьшаются и практически полностью прекращаются в 1960-е гг.

С другой стороны, если до революции водный транспорт для доставки к своим дачам на берегу пруда использовало лишь ограниченное число лиц из администрации завода, состоятельных рабочих и ижевских предпринимателей, то с начала 1920-х гг. поездки на природу и пикники в выходные дни стали практиковаться для простых рабочих. В связи с этим в 1921 г. создается Ижевское пароходство, и заводские пароходы «Иж» и «Шрапнель» (в советское время «Красная звезда» и «Свобода» соответственно) начинают совершать регулярные пассажирские рейсы. К 1960-м гг. пассажирские перевозки стали основным видом перевозок по Ижевскому пруду. Поэтому период 1930–1950-х гг. характеризуется с одной стороны уменьшением объема грузовых перевозок и увеличением пассажирских.

2. Обсуждение и результаты

Судовой состав хозяйств Ижевского пруда в 1920-х гг. Перед революцией крупнейшим и практически единственным перевозчиком на Ижевском пруду стали Ижевские оружейный и сталелитейный заводы. Ижевский краевед Г.М. Кутузов, описывая судовой состав, упоминает о четырех судах: «Иж», «Шрапнель», «Шторм» и «Граната» (Митюков, Баутина, Лошкарёв, 2018). Как было показано нами, Г.М. Кутузов ошибочно связал лодку для доставки пиломатериалов и пароход «Шторм», представлявшие собой разные суда. С другой стороны, в 1915 г. заводы приобрели у Торгово-промышленного товарищества пароход «Пчелка» (Митюков, Баутина, Адиняев, 2018), название которого Г.М. Кутузов не упоминает. В связи с этим уместно предположить, что именно «Пчелка» и стала «Гранатой». К сожалению, достоверные источники о судьбе указанных пароходов в 1920–1930-е гг. отсутствуют. Хотя Г.М. Кутузов упоминает, что лодка для перевозки пиломатериалов в 1921 г. передана в Сарапул, т.е. перевезена на Каму, более ни один источник об этом не сообщает. Кроме того, поскольку он эту лодку называет «Штормом», бывшим заводским пароходом, это походит на правду, поскольку оставшийся на Каме заводской пароход «Шторм» пострадал при эвакуации Колчаковской армии в Левшино (Коробейников, 2014) и в 1921 г. вполне мог быть переданным в Сарапул в Пермское районное управление водного транспорта. В 1922 г. пароход числится в делопроизводственной документации Воткинского завода как поступивший туда на ремонт (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 154). Причем, как явствует из имеющегося архивного дела, завод к ремонту так и не приступил. Между тем, в 1923 г. пароход числился в списке рабочего ядра (Список, 1923), это может свидетельствовать, что повреждения, полученные при пожаре в Левшино, были не фатальными и судно вполне могло эксплуатироваться в 1921 г. Кроме того, против гипотезы Г.М. Кутузова, что «Шторм» и лодка для перевозки пиломатериалов – одно судно, играет факт отсутствия судна с подобными лодке характеристиками в довольно подробном речном регистре 1926 г. (Регистр, 1926). Суда замкнутых акваторий типа Ижевского пруда там не упомянуты, так что данная лодка вполне могла быть там.

Относительно парохода «Иж» Г.М. Кутузов говорит, что его в 1931 г. передали в Воткинск, не указывая причины этого (на разборку или на ремонт). С одной стороны, в книге С.Н. Селивановского приводится фотография парохода, бывшего «Ижа», которая датирована маем 1932 г. (Селивановский, 2014: 182), но с другой стороны, имеется информация о наличии в Воткинске парохода «Азин». Но вот кем именно он был до революции – пароходом «Иж» или однотипным ему пароходом «Шаркан», до революции ходившим на Воткинском пруду, – пока не понятно.

В середине 1920-х гг. в составе треста «Ижлес» на Ижевском пруду появляется пароход «Красный сплавщик» (Митюков, Баутина, Адиняев, 2018), находившийся в эксплуатации до 1960 г. Таким образом, через 1920–1930-е гг. проходят лишь два судна: «Шрапнель» («Свобода») и «Красный сплавщик» («Звезда»).

Промфинплан завода № 74. В 1939 г. некогда единое предприятие Ижевские заводы (завод № 10) разделилось на два: № 71 (ныне «Ижсталь») и № 74 (ныне «Ижмаш»). Поскольку пароход «Свобода» числился в составе железнодорожного цеха, он перешел заводу № 71, где в 1940-е гг. был единственным судном. С другой стороны, транспортный цех перешел заводу № 74 и, несмотря на то, что он стал самостоятельным лишь в 1939 г., более ранние промышленно-финансовые планы транспортного цеха находятся в архивных фондах этого завода.

В штате завода на 1936 г. числится старший моторист-бригадир в течение 11,25 месяцев (получается, весь год за вычетом отпуска), а также 5 мотористов катеров «Темп», «Буффало», «Эпрон», «Беспощадный» (у последнего – два). Кроме того, имеется в штате еще один моторист без указания катера и штурвальный. Все – сезонные на 8 месяцев (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 98. Л. 57). В фондах имеется промышленно-финансовый план на предыдущий год, названия катеров там не сообщаются, но в штате числятся бригадир моторной станции, 8 мотористов и штурвальный. Все – круглогодично. Это можно расценить, как сокращение судового парка или сокращение штата в 1936 г. (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 68. Л. 38). Тем не менее, пока состав плавательных средств на 1936 г. – самый ранний сохранившийся документ.

На 1937 г. в штате идет дальнейшее сокращение. В составе транспортного цеха (отдел № 4) числится Моторо-лодочная станция, в плане имеются должности старшего моториста-бригадира и мотористов катеров «Темп», «Буффало», «Эпрон». Должность моториста «Беспощадного» объединена с «мотористом прочих лодок». И снова имеется должность штурвального. Количество мотористов – 4 единицы (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 136. Л. 20).

На конец 1936 г. балансовая стоимость Моторо-лодочной станции составляла 30,76 тыс. руб. При этом на следующий год было запланировано ее снижение до 27,92 тыс., т.е. примерно на 10 %. (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 136. Л. 71).

На 1941 г. были запланированы штатные единицы 2 мотористов катера «Буффало», еще 2 мотористов других лодок, 2 штурвальных и одного кладовщика (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 358. Л. 15). Однако в апреле план откорректировали: должность кладовщика была упразднена, остались один моторист «Буффало», моторист прочих лодок и штурвальный. Все – только в период навигации. Выходит, что среди названий катеров прямо указан лишь один «Буффало», хотя не исключена возможность, что в этот период имелись еще катера. Балансовая стоимость станции в 1941 г. составляла 23,4 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 358. Л. 410б).

Таким образом, анализ промышленно-финансового плана говорит о постепенном сокращении личного состава заводских плавсредств, что может свидетельствовать и о сокращении количества самих судов. Кроме того, поскольку команда «Буффало» была явно больше остальных, можно предположить, что он был самым крупным катером заводской флотилии.

При анализе оказанных услуг видно, что водные перевозки не находились в числе приоритетов завода. Так на 1940 г. их объем был всего 6,4 тыс. руб., что составляло примерно 1 % от общих перевозок цеха. Для сравнения – эта статья соизмерима лишь с перевозками легким конным транспортом, использовавшимся в основном для посылной службы (5,6 тыс. руб.) (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 359. Л. 520б).

Получается следующая картина: завод № 74 избавляется от водного транспорта, находящегося на его балансе. Но так ли это на самом деле? К сожалению, в анализируемых делах отсутствуют характеристики имеющихся плавсредств. Но зато приведены расходы на заработную плату их команд. Из документации видно, что команды всех лодок состояли из одного человека, в то время как в «Буффало» числились два моториста и штурвальный (в плане на 1937 г. – моторист-бригадир). Это позволяет сделать вывод, что «Буффало» был более крупным и мощным катером, чем остальные. В связи с этим снижение основных фондов на 2,84 тыс. руб. в 1937 г. вполне можно интерпретировать как списание одного из катеров. Но все три мелких катера могут стоить около 6 тыс. руб., что и наблюдается в плане 1941 г. Безусловно, балансовая стоимость в 23,4 тыс. руб. – это не одна стоимость «Буффало». В штатной ведомости присутствует еще должность кладовщика, что может свидетельствовать о наличии у лодочной станции склада, скорее всего ГСМ.

То, что катер «Буффало» крупнее остальных, доказывается также самим его названием. Во время Первой мировой войны в Россию было завезено много мощных двигателей «Буффало» (до 70 л.с.), так что катер вполне мог получить свое довольно странное название исключительно благодаря мотору.

Таким образом, анализ предвоенной статистической документации показывает, что модернизация услуг речников с грузовых на пассажирские перевозки произошла уже в конце 1930-х гг. Другое дело, что из-за подготовки к войне государство не имело достаточных ресурсов для производства пассажирских катеров, поэтому их осуществлял заводской пароход «Свобода», специально переоборудованный из буксирного в буксирно-пассажирский еще до революции. Остальные катера, вероятно, были грузо-пассажирские.

Судя по документации сектора статистики промышленности, группы транспорта Удмуртской АССР, в 1940 г. перевозки на Ижевском пруду, кроме заводских, осуществлял лишь один пароход с мощностью машин 115 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 153. Л. 3). Речь явно идет о пароходе «Красный сплавщик».

Статистические отчеты. Источники о составе плавсредств в военное время пока не обнаружены, а вот послевоенные свидетельства могут базироваться на статистических отчетах, подаваемым в ЦСУ. Наибольшую ценность имеют формы № 26-вод и пояснительные записки к ним.

Именно в пояснительной записке к отчету 1949 г. содержатся наименования катеров. На 19 января 1950 г. на заводе числились катера «Кировец» (75 л.с.), «Стальной» (50 л.с.), катер «Планета» (90 л.с.) был построен в 1949 г. взамен списанного в тот же год «Эпрона» (50 л.с.). Имелся также один полуглиссер (63 л.с.). Последний указан как грузо-пассажирский, а остальные – буксирные. Завод также располагал 4 баржами общей грузоподъемностью 255 т.

Выходит, что в военное и послевоенное время завод полностью обновил свои плавсредства. Последний из довоенных катеров, имевшихся в Промфинпланах, – это «Эпрон», который был списан в 1949 г., на замену ему построен катер «Планета».

Хотя отчет 1949 г. – хронологически первый, где все катера прописаны поименно, имеется еще отчет 1947 г., указывающий, что завод имеет два грузо-пассажирских катера суммарной мощностью двигателей 113 л.с., два буксирных со 125 л.с. и упомянутые выше четыре баржи. Грузо-пассажирским явно показан полуглиссер (63 л.с.) и, очевидно, списанный «Эпрон» (50 л.с.). Так что буксирными получаются «Кировец» (75 л.с.) и «Стальной» (50 л.с.).

Статотчет 1951 г. полностью повторяет таковой 1949 г. Наконец, в отчете 1956 г. фигурируют как грузо-пассажирский один катер в 63 л.с. (получается, что полуглиссер) и два буксирных в 165 л.с. Последние – явно «Кировец» и «Планета», что свидетельствует о списании «Стального» в период с 1952 по 1955 гг. Наконец, в этом же году на заводе имелись только три баржи суммарной грузоподъемностью 95 т. Но это может свидетельствовать как о списании одной баржи в 160 т., так и полном обновлении парка барж, причем последнее более вероятно, учитывая особенности навигации на Ижевском пруду (баржа в 160 т. для него слишком крупная).

При этом можно уточнить время этой реорганизации. Имеются также отчеты по всем хозяйствам УАССР за 1952, 1953 и 1956 гг., хотя без детализации по заводам, но с детализацией по министерствам. Там завод № 74 фигурирует в строке «прочие перевозчики». Если в 1952 и 1953 гг. по ним указывается 5 барж суммарной грузоподъемностью 290 т., то в 1956 г. – заявленные заводом № 74 три в 95 т. Таким образом, обновление парка барж произошло в период с 1954 по 1955 гг.

3. Заключение

Промфинпланы и статотчеты дают возможность реконструировать состав заводской флотилии по годам (Таблица 1). Получается, что среди неназванных в 1941 г. катеров имелся также «Эпрон».

Таблица 1. Состав заводской флотилии с 1936 по 1956 гг.

Катер	1936 г.	1937 г.	1941 г.	1947 г.	1949 г.	1951 г.	1956 г.
«Темп»			?				
«Буффало»				X			
«Эпрон»					X		
«Беспощадный»			?				
Полуглиссер							
«Кировец»							
«Стальной»							
«Планета»							

Поскольку в период 1930–1950-е гг. состав катеров на «Ижмаше» остается по численности примерно постоянным (3–4 катера), с непрерывным обновлением материальной части, анализ судового состава завода позволяет сделать выводы, что в указанные хронологические рамки:

1. Транспортный цех решал круг неизменных задач из года в год, о чем свидетельствует постоянная численность катеров.
2. Эти задачи не теряли своей важности, поскольку обновление судового парка происходило регулярно.
3. Имеются неоспоримые свидетельства о наличии судостроения на заводе (построен катер «Планета»).

4. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

- [ЦГА УР](#) – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
[Коробейников, 2014](#) – Коробейников А.В. О мартирологе Волго-Камского флота // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2014. № 6 (23). С. 168-193.
[Митюков и др., 2018](#) – Митюков Н.В., Баутина С.Л., Лошкарев А.Н. Рукопись Г.М. Кутузова как источник по ижевским пароходам // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2018. № 2 (14). С. 50-53.
[Регистр, 1926](#) – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1-е марта 1926 г. / под ред. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 632 с.
[Селивановский, 2014](#) – Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотографов. Ижевск: КнигоГрад, 2014. 292 с.
[Список..., 1923](#) – Список судов рабочего ядра речного флота СССР. Ч. 1. Транспортный флот волжского бассейна / под ред. П.Е. Кульгана. М.: Центральное управление речного транспорта НКПС, 1923. 151 с.
[Mitiukov et al., 2018](#) – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. Steamers of the Izhevsk's plants on the 1910-s // *Bylye Gody*. 2018. № 49 (3). pp. 1307-1320.

References

- [CGA UR](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].
[Korobejnikov, 2014](#) – Korobejnikov A.V. (2014). O martirologe Volgo-Kamskogo flota [On the martyrology of the Volga-Kama fleet]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii*. № 6 (23). pp. 168-193. [in Russian]

[Mityukov et al., 2018](#) – Mityukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. (2018). Steamers of the Izhevsk's plants on the 1910-s. *Bylye Gody*. № 49 (3), pp. 1307-1320. [in Russian]

[Mityukov i dr., 2018](#) – Mityukov N.V., Bautina S.L., Loshkarev A.N. (2018). Rukopis G.M. Kutuzova kak istochnik po izhevskim parohodam [The manuscript G.M. Kutuzov as a source for Izhevsk steamers]. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi vestnik*. № 2 (14), pp. 50-53. [in Russian]

[Registr, 1926](#) – Registr Soyuzа SSR. Spisok rechnyh sudov. Sostavlenn po dannym Mestnyh Byuro Registra Soyuzа SSR na 1-e marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926]. Ed. N.Ya. Volpyansky. M.: Transpechat', 1926. 632 p. [in Russian]

[Selivanovskij, 2014](#) – Selivanovskij S.N. (2014). Staryj Izhevsk. Sobytiya i lyudi v ob'ektive fotografov [Old Izhevsk. Events and people in the lens of photographers]. Izhevsk: KnigoGrad, 292 p. [in Russian]

[Spisok..., 1923](#) – Spisok sudov rabocheho yadra rechnogo flota SSSR (1923) [List of ships of the working core of the river fleet of the USSR]. Part. 1. Transportnyj flot volzhskogo bassejna [Transport fleet of the Volga basin]. Pod red. P.E. Kul'gana. M.: Tsentral'noe upravlenie rechnogo transporta NKPS, 1923. 151 p. [in Russian]

Судовой состав завода № 74 («Ижмаш») в 1930–1950-е гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}, Анатолий Николаевич Лошкарев ^d,
Светлана Леонидовна Баутина ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^c Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^d Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Российская Федерация

^e Московский экономический институт, Российская Федерация

Аннотация. В 1930–1950-е годы на Ижевском пруду произошел переход от преимущественно грузовых перевозок к преимущественно пассажирским. На основе промфинпланов и статотчетов завода № 74 реконструирована эволюция судового состава завода. Сделан вывод, что в указанный период катера завода решали примерно постоянный круг задач, поскольку численный состав в 3-4 катера остается неизменным в течение этого периода. Кроме того, решаемые задачи имели примерно одинаковую важность, поскольку состав катеров постоянно обновлялся. Установлено, что некоторые из катеров построены на самом заводе, например, катер «Планета».

Ключевые слова: Ижевск, речной транспорт, грузопассажирские перевозки, завод № 74, Ижмаш, катер.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(1): 32-63

DOI: 10.13187/rs.2019.1.32
www.ejournal15.com

“Photos are the Greatest Joy...”. Role of Photography in the Correspondence Between the Front and Rear. On the Pages of World War II Correspondence and Diaries. Part 2

Leonid L. Smilovitsky ^{a, *}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article is devoted to the study of a rarely examined topic: the role of photography in wartime correspondence between the front and rear as a historical source. The state and citizen have different attitudes to the photography. Photographs in wartime could simultaneously act not only as witnesses, but also as prosecutors. Soldiers and commanders and their families gave the photograph an exceptional value. The photograph was more valuable than the letters and must be kept. The photographs were taken on the road even when there was not enough time for the collections, their place was next to documents, money and a modest stock of things and provisions in hand luggage. Soldiers wore photos of relatives and friends in the pocket of their uniform at the heart or in a knapsack behind their backs. The coverage of the circumstances in which the soldiers and the Red Army commanders made and sent photographs to their homes, relatives, friends and neighbors and comrades in arms draw a true picture of a military everyday life, provide the necessary details for understanding the behavior of a person in war, and reveal his inner world. The article is based upon the data from the letters and diaries of the Soviet Jews – soldiers of the Red Army – which were collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University over the last five years (2012–2018) and are herein introduced into academic circulation for the first time.

Keywords: Jews and the Red Army, the Great Patriotic War, World War II, photography, pictures, military field post, military daily life.

Качество фото. Большинство фото в годы войны были сделаны при случайных обстоятельствах и случайными людьми, которые не могли отвечать за их качество. Это понимали, как фронтовики, так и их близкие в советском тылу. Найти аппаратуру, фотобумагу и фотореактивы было трудно, поэтому не стоит удивляться зачастую низкому качеству снимков. Приходилось довольствоваться тем, что было. Тем не менее, потребность в фотографии все годы войны оставалась настолько великой, что люди, порой отправляли снимки, которые этого не заслуживали. Семен Литвин писал своей семье с дороги на фронт в Харьков 17 июля 1941 г.: «Посылаю свою фотографию, правда, очень скверную (здесьняя работа), так что не делайте по ней окончательного суждения о моем состоянии» ([Письмо Семена Литвина, 17.07.1941](#)). Миша Найман писал своей жене 1 февраля 1942 г.: «Снимали на морозе, был сильный ветер, словом, не подумай, что я действительно такой измученный»

* Corresponding author

E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

и скучный» (Письмо Миши Наймана, 1.02.1942). Менаше Ваил 7 мая 1942 г.: «В письмо я вкладываю фотокарточку. Она довольно плохо изготовлена из-за отсутствия хорошей фотобумаги, но черты лица можно разобрать. Это я снимался на красноармейскую книжку» (Письмо Менаше Ваила, 7.05.1942). Наум Бейлин 4 ноября 1942 г. пытался объяснить жене, почему он не может отправить фото: «...если у вас есть фотографии, хотя ты их называешь “сапожниками”, то здесь нет никаких. Есть у меня приятель, любитель этого дела, работу которого я давно отослал тебе, но она видно затерялась в дороге. Это, пожалуй, к лучшему, ибо там трудно отличить человека от печки. Сейчас же и такую нельзя сделать» (Письмо Наума Бейлина, 4.11.1942).

Очень часто люди ценили даже не само фото, а то внимание, которое оно несло. В письме можно было встретить такую приписку – посылаю не совсем удачное фото, но любите таким, каков я есть. Или – посылаю фото, на котором вышел довольно несуразно, но зато это будет новым напоминанием обо мне. Анатолий Авин 20 марта 1943 г. писал своей подруге, от которой добивался взаимности: «Белла! Спасибо за фото. Относительно оценки качества карточки я до некоторой степени согласен, что снимок не совсем удачен. Но я ценю не снимок, а внимание» (Письмо Анатолия Авина, 20.03.1943).

Зачастую на плохую работу фотографа авторы писем списывали отсутствие собственного бравого вида, усталость, изможденность, пришедшую в негодность униформу, старые гимнастерки, шинели и сапоги. О профессиональном фото речи не велось. Редкой удачей считалось встретить фотокорреспондента или журналиста с фотоаппаратом – они из дружеского расположения могли изготовить фотографии, которыми можно было остаться довольными. Владимир Зинченко писал своей возлюбленной 24 июня 1943 г.: «Милая Дорусенька! Вчера приезжал армейский фотокорреспондент, если будет бумага, вышлю фото, а нет – вышлю негатив, отпечатаешь?» (Письмо Владимира Зинченко, 24.06.1943).

Недовольство сделанными фотографиями выражали не только военнослужащие, но и их родные в тылу, которые тоже испытывали в этом большие затруднения. В фотоателье часто были заняты работники без необходимых навыков и опыта, в распоряжении которых находилось устаревшее оборудование. Несмотря на это, спрос на эти услуги был так велик, что за качеством не успевали уследить. Неумелых фотографов часто называли «сапожниками», «портачами», «фотографщиками», что не меняло сути дела. Качество большинства фото не отвечало ожиданиям, и люди уходили разочарованными. Полина Лукашевская писала Александру Черному 15 декабря 1943 г.: «Я сфотографировалась совсем недавно. Как видишь, очень изменилась, хоть и времени уж не так много прошло, но недаром говорят, что этот год в наше время стоит других нескольких. Да и ничего не поделаешь, лета идут. Стареем. Похвалить фотографа за хорошую работу тоже не стоит» (Письмо Полины Лукашевской, 15.12.1943).

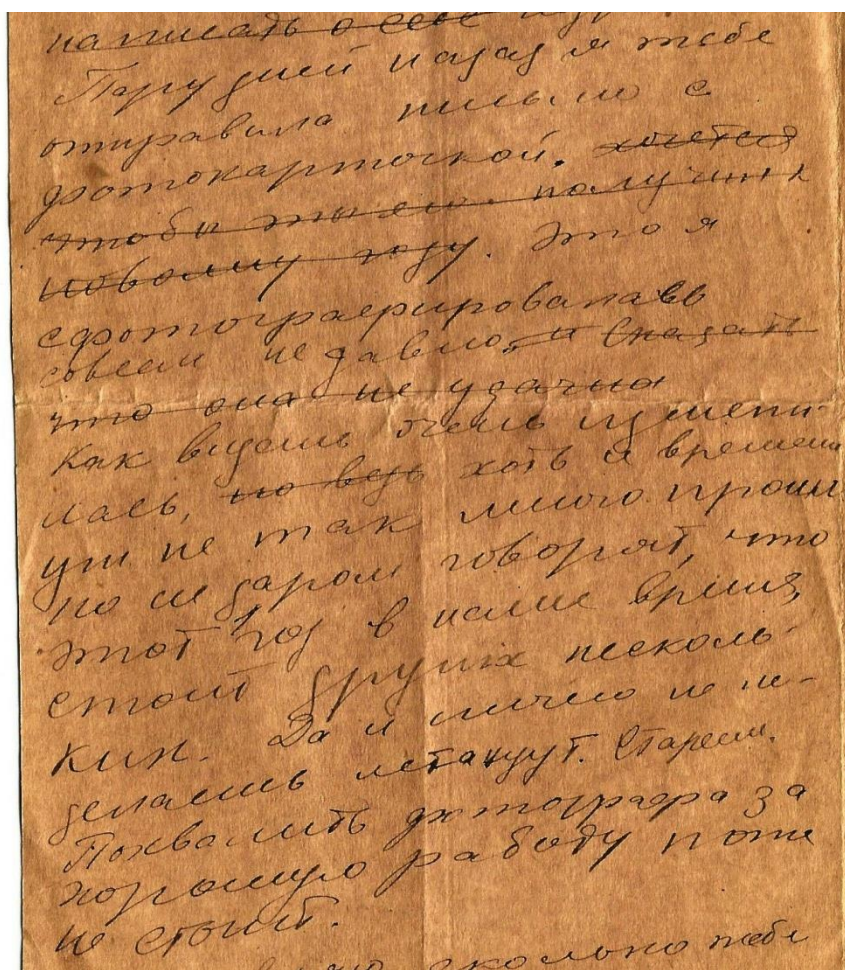

Рис. 1. Письмо Полины Лукашевской Александру Черному, 15 декабря 1943 г. (здесь и далее приводятся письма и фотографии из Архива военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете).

Часто родные бойцов и командиров становились перед дилеммой. С одной стороны, от них требовали фото, а с другой, они располагали далеко не тем, на что рассчитывали их респонденты. Поэтому в некоторых семьях искали предлог, чтобы не фотографироваться вообще – все равно приедешь в отпуск, тогда вместе и снимемся на память. Исаак Каган писал жене Соне 8 июня 1942 г.: «Фотокарточки получились нехорошо, но все-таки я решил послать. Когда вернусь домой, то сфотографируемся все вместе и у хорошего мастера, пока надо довольствоваться тем, что есть» ([Письмо Исаака Кагана, 8.06.1942](#)). Любовь Зантович 11 октября 1942 г. в письме Алесю (Айзику) Кучару продолжала: «Насчет фотографий, снимают здесь отвратительно, очереди огромные. Может, не надо, тем более что если приедешь? А то фото, да еще плохое не обрадует» ([Письмо Любви Зантович, 11.11.1942](#)).

В поисках выхода некоторые люди, как в армии, так и в советском тылу, пытались сами изготовить фотографии. Хорошо, если отправляясь в эвакуацию, время позволяло, пакуя багаж, не забыть про фотоаппарат и принадлежности для печати. Матвей Айзенштат¹ писал 8 марта 1942 г.: «Из вещей в Харькове остались: вся мебель, часть пластинок, которая была на Сумской, большая часть книг, ФЭДовский фотоувеличитель, почти все фотопринадлежности, но я сумел забрать с собой только оба фотоаппарата, всю фотобумагу и часть фотопленок проявленных, которые оказались дома» ([Письмо Матвея Айзенштата, 8.03.1942](#)). Однако подобное случалось редко. Гораздо чаще военнотруженики просили

¹ Автор письма перед войной работал на Харьковском электромеханическом заводе (ХЭМЗ) и был эвакуирован в Уфу. Вместе с Матвеем в эвакуацию уехали его родители и сестра Маня. Братья Матвея – Гриша и Фима – воевали на фронте.

домашних прислать необходимое, чтобы изготовить фото на месте. Абрам Лукашевский в письме родителям 2 июня 1942 г. сообщал: «На комсомольском собрании я познакомился с одним любителем и договорился сфотографироваться, но для этого нужен материал. Пачка пластинок стоит рубль восемьдесят, и это очень трудно достать. У вас есть пленка 6 x 9 и пачка бумаги, которую пришлите заказным письмом ценным, а то подумают, что махорка, и вскрыют» ([Письмо Абрама Лукашевского, 2.06.1942](#)).

К началу 1945 г. ситуация коренным образом изменилась, в распоряжении у солдат и командиров Красной армии появились собственные трофейные фотоаппараты, которыми они не преминули воспользоваться. Михаил Гинзбург писал из Германии своим родителям в Баку 1 мая 1945 г.: «Посылаю мою первую фотокарточку, завтра вышлю в другом виде. У меня теперь есть хороший фотоаппарат, и я могу сниматься. С Берлином скоро покончим, недалеко и полная победа». 22 мая 1945 г. он продолжал: «Имею два фотоаппарата. Часто фотографируюсь. В этом письме я посылаю вам свою фотокарточку. Вашу фотокарточку я у себя храню» ([Письма Михаила Гинзбурга, 1.05.1945 и 22.05.1945](#)).

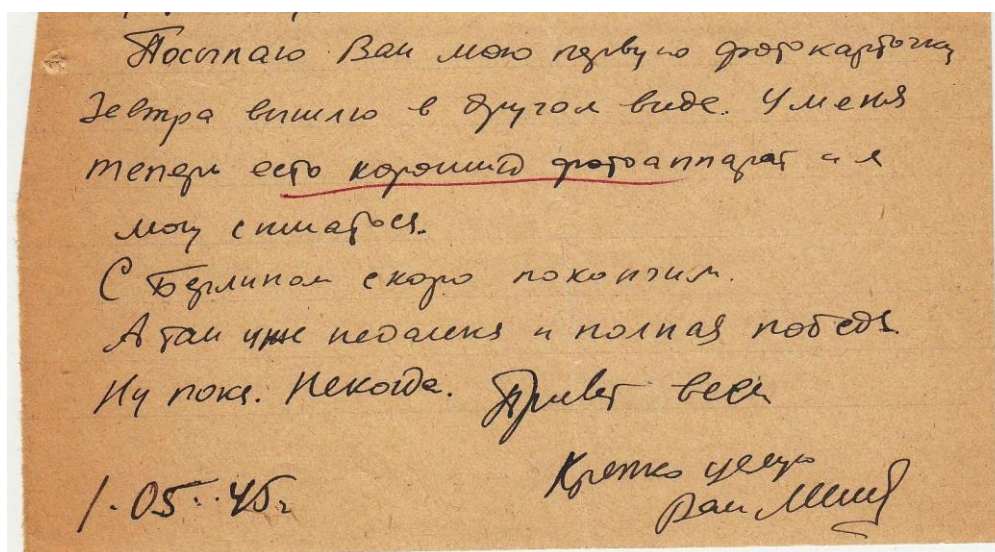

Рис. 2. Письмо Михаила Борисовича Гинзбурга из Германии, 1 мая 1945 г.

Расходы на фото. Отправка фото была сопряжена с материальными затратами. Деньги на фотографию были далеко не лишними, как в солдатском, так и семейном бюджете, и траты эти необходимо было спланировать заранее. Для фронтовика, который находился на полном государственном обеспечении и дополнительно имел денежное довольствие, сделать это было проще. Однако если солдата переводили в запасной полк, на переформирование, в учебную роту или военное училище, то расходы его были урезаны до минимума. В таком случае денежное довольствие задерживалось, выплачивалось частично, или было минимальным, и тогда солдат сам просил домашних послать ему деньги на фото. Александр Зингерман, обучавшийся в школе младших командиров в городе Горьком (в настоящее время – Нижний Новгород), пытался оправдаться перед сестрой 2 февраля 1944 г.: «Ты просишь фотографию. К сожалению, у меня нет гроша за душой. Если продам дневную пайку хлеба, тогда смогу сфотографироваться» ([Письмо Александра Зингермана, 2.02.1944](#)). Элишева Канцедикас в письме к мужу 18 июня 1944 г. сообщала: «Когда будут деньги, обещаю, сфотографируюсь. Не сердись, что все время не могла себе этого разрешить» ([Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944](#)). Тем не менее, солдаты просили родных пойти на эти издержки, ужаться в расходах и изыскать средства, отказывая себе в необходимом. Подобное означало отказать семье в тылу в самом необходимом – питании, одежде, оплате жилья, топливе, учебниках для детей, гигиенических принадлежностях и пр. Все это было хорошо известно, поэтому часто просьба выслать фото высказывалась настойчиво, но деликатно. Яков Скульский писал жене 1 сентября 1941 г.: «Почему ты не фотографируешься? Если денег нет, то я из моих оставшихся рублей 180 пошлю тебе

100 рублей, которые не отправил мамочке» ([Письмо Якова Скульского, 1.09.1941](#)). Исаак Каган писал домой 5 июня 1942 г.: «Если недорого будет стоить и не затруднительно, то сфотографируйтесь на одной карточке и пришлите мне. Это мне доставит большое удовольствие – хочется на вас посмотреть» ([Письмо Исаака Кагана, 5.06.1942](#)). 19 января 1943 г. Менаше Ваил уговаривал свою жену Бэлу: «Если есть возможность, пришли фотографию вас всех. Я понимаю, что это может влететь вам в “копеечку”, и хотя я не хочу вводить в лишние расходы, но для меня это так дорого, что ради этого я даже не хочу жалеть ваших скудных средств. Думаю, что и вы их не пожалеете ради меня» ([Письмо Менаше Ваила, 19.01.1943](#)).

Фото предпочитали посылкам и денежным переводам. Когда денег не хватало на индивидуальное фото каждого члена семьи, то предлагалось объединиться для совместного фото. Лев Цепенюк писал своим родителям 18 января 1942 г.: «Прошу не делать глупостей и не посылать денег и посылок, ибо я всем обеспечен. Вы уже вместе лучше сфотографируйтесь и пришлите карточку. Это для меня будет самое хорошее, что Вы мне можете сделать» ([Письмо Льва Цепенюка, 18.01.1942](#)). Иногда просьба, поступавшая от «своего» солдата высказывалась категорически – обязательно пошли, сколько бы это ни стоило! Или искали варианты. Афанасий Чернин 9 июля 1943 г. писал: «Мама, вы не беспокойтесь, что на почте не принимают деньги, если нельзя послать, то напишите отцу, пусть он вышлет, а если нет, то как-нибудь перетерплю, уж терпеть осталось недолго. Есть деньги – хорошо, а нет, то и еще лучше. Но жалко одно, что не сфотографируюсь» ([Письмо Афанасия Чернина, 9.07.1943](#)).

Оплата фотографа сильно отличалась. Рыночная стоимость этой услуги намного превосходила государственные расценки. Михаил Гинзбург 5 марта 1944 г. делился со своими родителями: «Сфотографироваться я здесь имею возможность, но на 4 карточки надо 300 руб., а у меня есть только 130 руб.» ([Письмо Михаила Гинзбурга, 5.03.1944](#)). Проще всего было сделать фото раненым в госпитале, если там существовала ставка штатного фотографа. Такие услуги оплачивались чисто номинально, и плата становилась символической. Леонид Мирош в письме к родителям писал 11 февраля 1945 г.: «В госпитале есть... фотограф. Я получил 4 карточки по 2 руб. за штуку. Одну высылаю вам, Насте и Девятуху, и одну оставляю себе» ([Письмо Леонида Мироша, 11.02.1945](#)).

Общим для военного времени было то, что желание иметь личное фото дорогого человека, как на фронте, так и в тылу, чаще всего возобладавало. Деньги находились, услуги оплачивались, и фото, к немалому удовлетворению обеих сторон, отправлялись, что считалось в семейной переписке событием.

Фото и любовь. Фото на войне, полученное от любимого человека, служило еще одним поводом заявить в своих чувствах, рассказать о душевных переживаниях, найти слова, которые еще не были произнесены, или подтвердить признание, уже сделанное однажды. Письма, посланные как с фронта, так и из тыла с комментариями к полученным фото, дарят необыкновенные примеры возвышенных человеческих отношений. Все это представляло разительный контраст на фоне разрушений и смерти, которая оставляла свои бесконечные следы на войне. Николай (Ноах) Тельжинский 14 октября 1941 г. писал своей жене Эмме: «Часто уголком вынимаю твое фото, и... большие глаза смотрят на меня. И ты всегда вместе со мною» ([Письмо Николая Тельжинского, 14.10.1941](#)). Менаше Ваил признавался жене Бэле 23 марта 1942 г.: «На фотокарточке я тебе показался постаревшим. Сам я этого не замечаю, но вполне возможно – так как прошло уже около года, да еще какого года. Но зато моя любовь к тебе ничуть не постарела. Тебя люблю по-прежнему, или вернее – сильнее прежнего» ([Письмо Менаше Ваила, 23.03.1942](#)). Вениамин в письме к жене Зое 25 мая 1944 г. делился мечтой: «Передо мной горит свеча, и стоят две фотокарточки, твоя и нашей дорогой, неоценимой дочурки. Мои дорогие, я еще буду вместе с вами в комнате, озаренной светом и великолепного уюта¹» ([Письмо Вениамина Финкельштейна, 25.05.1944](#)).

Солдат обращался к фотографии любимого человека неоднократно, как в минуты отдыха, так и тяжелых испытаний. Любимый образ вдохновлял и придавал силы, которые были настолько необходимы вдалеке от дома и семьи. С помощью фотографии делались

¹ Так в документе.

признания в любви мужа к жене, жены к мужу, к возлюбленной, внимания которой добивался солдат. Соломон Канцедикас в письме к жене Элишеве 18 марта 1944 г. сообщал, что нет дня, чтобы он не смотрел на фотографии и не перечитывал ее письма: «Любимая ты моя девочка. Каждый день приближает час нашей встречи, а сердце так истосковалось, все труднее жить в одиночку» (Письмо Соломона Канцедикаса, 18.03.1944), а 11 августа 1944 г. он продолжал: «Шевинка! Вот твоя новая фотография. Как ты хороша! Прижаться бы к этим губам. Ты пишешь: обидно за молодость. Я знаю это чувство. Верю: твоя молодость еще будет счастливой, мы будем вместе, я вернусь к тебе насовсем» (Письмо Соломона Канцедикаса, 11.08.1944). Элишева отвечала своему мужу: «В письме я нашла фотокарточку, где ты был в полном военном снаряжении. Это фото пахнет войной. Но когда я смотрела на тебя, дорогой, мне так ужасно хотелось, чтобы ты встал возле меня, строгий, прямо с войны, чтобы я сняла каску, сняла шинель и крепко-крепко прижала к себе» (Письмо Элишевы Канцедикас, 20.11.1944). 19 марта 1945 г. Элишева добавляла в письме к Соломону: «Рахкович пошутил, что у тебя там есть одна женщина, но потом добавил, что она немая, и лежит в кармане, на карточке» (Письмо Элишевы Канцедикас, 19.03.1945).

Фото давали повод еще раз повторить, что принято решение соединить две судьбы в одну, стоило только дождаться конца войны. Зяма Савиковский писал своей невесте Риве Сосланд 21 апреля 1945 г.: «Получил твое заказное письмо с фотокарточкой и теперь хожу под этим впечатлением. Я живу надеждой, что в недалеком будущем мы встретимся и навсегда станем самыми близкими людьми. Ты увидишь, что я твой единственный и настоящий друг» (Письмо Зиновия Савиковского, 21.04.1945).

Счастлив был солдат, имевший карточку от ожидавшей его любимой, которой можно было посвятить свои надежды, связать свою судьбу после победы. Фото напоминали солдату, что любовь и жизнь как понятие были неразделимы. Ефим Чечик делился со своей знакомой Леной Глозман 9 февраля 1945 г.: «Пишу эти строки, и в глазах встаешь ты – молодая, жизнерадостная и веселая, и становится очень жаль (а об этом я часто вспоминаю), что не захватил из дому, когда уходил, твое фото, а ведь оно у меня было, правда, потайное от тебя, но все же ценное. Поэтому сейчас, заканчивая письмо, не теряю надежды на то, что в следующем письме вместе с твоим знакомым почерком, напоминающим много о чем, найду и твое фото... Если это будет только так, то я буду очень рад, а пока до свидания. С нетерпением жду ответа» (Письмо Ефима Чечика, 9.02.1945).

В целом, частное фото в годы войны давало представление о человеческих отношениях и идеале, который стремились сохранить, как гимн жизни. Это давало надежду, что после войны все устроится для тех, кто останется жить.

Фото под огнем. В случае необходимости фото могли делать даже в боевой обстановке, на передовой, под обстрелом противника. Это говорило о том, что люди привыкли к опасности, научились воевать, готовы к любым неожиданностям, которыми была чревата реальность, в которой они должны были выжить. Для необстрелянного гражданского человека это казалось невообразимым. В то же время это не было свидетельством напрасного риска, как казалось на первый взгляд. Лев Нехамкин отвечал своей жене Мэре 5 января 1942 г.: «Я тебе тоже написал несколько писем и даже послал фотографию с фронта. Настоящую фронтовую, сделанную на передовой линии... Дорогая моя, тревогу обо мне я чувствую в любой открытке, даже когда ты не пишешь об этом прямо» (Письмо Льва Нехамкина, 5.01.1942).

Соломон Канцедикас признавался своей жене Элишеве 16 октября 1944 г.: «Даже сейчас, под непрерывным огнем, часто смотрю на фото, вспоминаю тебя, родную, любимую, и становится так радостно оттого, что есть такой друг, но как тяжело, что нет тебя рядом, что давно уже не видел и неизвестно, увижу ли скоро? И все же в любых условиях не теряю веры, что обязательно буду с тобой» (Письмо Соломона Канцедикаса, 16.10.1944). Менаше Ваил рассказывал своей жене и детям 15 августа 1944 г.: «Два дня тому назад меня вызвали на командный пункт, чтоб участвовать в заседании партийного бюро части. К этому же времени на КП¹ полка прибыл из штаба дивизии фотограф запечатлеть лучших людей для истории нашей части. Начался бой, снаряды стали рваться вблизи, и вся земля содрогалась. Несмотря на это, съемка ни на минуту не приостановилось, пока всех, кого было нужно,

¹ КП – контрольный пункт.

не сфотографировали. В том числе, под звуки этой музыки снялся и я» ([Письмо Менаше Ваила, 15.08.1944](#)).

Подобные эпизоды, повествовавшие о том, как фото делались под огнем врага, не только вносили разнообразие в переписку фронта и тыла, подчеркивали значимость фото, присланного в конверте. Это подтверждало, что человек, будничным тоном и без показной героики рассказывавший о том, где и когда его фотографировали, знает себе цену. Он прекрасно ориентировался в прежде совершенно незнакомой для него обстановке войны. Порой, рассказывая об обстоятельствах съемки, фронтовики приводили эпизоды, напоминавшие о смертельной опасности. Наум Кунин писал своей невесте в 1944 г.: «Во время обстрела в трех метрах взорвался снаряд, и меня привалило сильным слоем земли. Спасло то, что заметили бойцы, которые быстро откопали. Еще немножко – и пропал бы, но спасли. Я всего несколько дней болел, а потом снова таким же стал, как прежде. Так вот такое лицо, как на фото, у меня было после этой аварии. В настоящее время я поправился» ([Письмо Наума Кунина, 1944](#)). Можно представить себе впечатление от подобного рассказа у людей, находившихся в тылу, где не слышали свиста пуль и разрывов снарядов, воя мин и бомб. Люди понимали, что у них в руках снимок человека, который не просто любит и скучает, но защищает, рискуя при этом жизнью ради них самих. Фото с войны были маленькой материальной частичкой мира, в котором жил близкий человек за сотни и тысячи километров и поэтому ими так дорожили. Все это усиливало силу чувства, необходимость ожидания, жажду встречи, рождало терпение, делало людей ближе, дороже, преданнее друг другу.

Фото детей. Можно без преувеличения сказать, что детские фотографии стали украшением переписки военных лет. Для этого в тылу приходилось проявить известную предприимчивость. Предстояло добраться до места фотоателье или найти человека, который бы этим занимался, заплатить деньги, которые лишними не были. После съемки ожидать неделю или две, и снова приехать забирать заказ. Часто от места проживания эвакуированных до города было несколько десятков километров. Если учесть неразвитую сеть сообщения в советском тылу, сезонную распутицу, зной летом и снег зимой, нехватку транспорта, ненормированный рабочий день при отсутствии отпусков, праздничных и выходных дней в годы войны¹, загруженность на работе и дома, то найти время для фото было нелегко. Качество не было гарантировано, в зависимости от фотореактивов и бумаги снимки могли быть черно-белыми или ржаво-коричневого цвета.

Фотографий было мало, и посылали их редко. Однако когда отцы их получали на фронте, это искупало все, эмоций не скрывали. Моисей Флинк в письме домой 10 октября 1941 г. делился своими чувствами: «Я был безгранично рад, когда получил долгожданное письмо, за фотографию Луизы. Когда я увидел фотографию моей дорогой племянницы, то у меня на глазах показались слезы» ([Письмо Моисея Флинка, 10.10.1942](#)). Менаше Ваил в письме к жене 13 июня 1942 г. тоже не скрывал своих чувств: «Разве существует большее удовольствие, чем смотреть на глазки-вишенки, на круглый маленький ротик, на пухлые ручки и ножки своей маленькой дочурки? Во сне я слышу ее детский лепет Олюсенки², я вижу ее курчавую головку и чувствую теплоту ее маленького, нежного тела. Иногда приходит черная мысль о том, что своего отца она будет знать только по рассказам, и тогда становится больно и за нее, и за себя» ([Письмо Менаше Ваила, 13.06.1942](#)). Соломон Канцедикас выражал радость от получения фото сына по-своему: «Как я благодарен за фотографию Алика. Какой красивый, веселый мальчик, и здоровяк. Я, безусловно, исполню его просьбу и буду истреблять фашистов, чтобы он мог вырасти счастливым человеком [родительское преувеличение, сыну исполнился на момент написания письма один год – Л.С.]. Я уже успел многим товарищам показать его фотографию, и всем он очень нравится. Расти его, милая, хорошим, веселым, мальчиком. Поцелуй его крепко-крепко и скажи, что от папки» ([Письмо Соломона Канцедикаса, 13.06.1942](#)). Не скрывал своих эмоций Юлий

¹ 26 июня 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР своим Указом «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» постановил отменить во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях очередные и дополнительные отпуска, заменив их денежной компенсацией. Прежний порядок был восстановлен только 1 июля 1945 г.

² Ольга Мордвинова (Ваил), 1940 г.р. – младшая дочь Менаше Ваила.

Аронсон, который писал к жене Эдле 5 мая 1943 г.: «Сегодня у меня большой день. Я получил Павлушин снимок. Вышел он точно такой, какой есть. Немножко только свет неудачно падает. Но он тут, как живой – мой сынок, такой, каким я его помню. Представьте, при том всем – не радость мне доставила эта карточка, а печаль. Еще больше захотелось к вам, увидеть сыночка не на снимке, а живого, схватить его, помять, как следует, посадить на плечи» (Письмо Юлия Аронсона, 5.05.1943). Вениамин Финкельштейн 23 февраля 1944 г. отмечал: «Светочкину [1941 г.р. – Л.С.] фотокарточку я получил, которая шла 3 месяца и 10 дней, и вот сейчас она стоит передо мной, и я люблю ее красотой, по-моему, что на свете не может быть лучше, приятней и красивее, чем наша дорогая доченька» (Письмо Вениамина Финкельштейна, 23.02.1944). Давид Пинхасик 21 мая 1944 г. указывал: «Я получил письмо, в котором клад. Всю ночь напролет рассматривал фотокарточки нашего Сережи. Сказать что я восхищен? Восхищен безумно!» (Письмо Давида Пинхасика, 21.05.1944) Шевах Лapidус сообщал 26 октября 1944 г.: «Несказанно благодарен, что выслала мне твою фотокарточку, заснятую с Марином [1940 г.р. – Л.С.]. Как я счастлив, что я уже дожид, когда сын мой уже большой. Поверь мне, если бы я нашел где-нибудь карточку одного Марика (без тебя), я бы не мог сказать, что это мой ребенок, которого я оставил в Намангане» (Письмо Шевах Лapidуса, 26.10.1944). Наум Бейлин в письме к жене Гите 30 сентября 1944 г. писал: «Любимая, несколько дней тому я получил высланные тобой фотографии, радости нет меры. В день тысячу раз поглядываю на Бориса» (Письмо Наума Бейлина, 30.09.1944).

Фотографии детей служили темой для разговора, размышлений и воспоминаний. Некоторые отцы-солдаты в письмах старались составить для себя психологический портрет детей, запечатленных на снимке, угадать при каких обстоятельствах шла съемка, оценивали одежду, позу, антураж. Юрий Пинский 7 августа 1942 г. писал своей жене Гисе: «Получил фотокарточки нашей славной девочки – большое тебе спасибо за них. Из карточек выглядит чудная крошка Зиночка [1941 г.р. – Л.С.] с чрезвычайно серьезным личиком, можно подумать, что этот 7-ми месячный человечек сознает всю грозность и серьезность того времени, в котором она появилась на свет..., а “большая” Софочка¹ сидит с крепко озабоченным лицом и грозными мыслями в головке! Пишу эту открытку и продолжаю всматриваться в карточку, в эти сощурившиеся глазенки на милом личике, какие чувства ощущаю в данный момент – трудно передать!» (Письмо Юрия Пинского, 7.08.1942).

На фотографиях писали посвящения, скрупулезно указывали, кто именно на них изображен, место и дата съемки. Поэтому современному исследователю не трудно идентифицировать персонажей фото. Фото детей были наиболее выразительными и «говорящими». И не только потому, что это были детские лица, по которым соскучились фронтовики, не видевшие вокруг себя месяцами ни детей, ни женщин, ни гражданских лиц. Это были родные черты, в которых бойцы и командиры узнавали себя и жен – облик маленького человека, с которым они связывали свое будущее. Менаше Ваил 4 мая 1944 г. делился своими впечатлениями от фотографий, полученных из дома: «Сегодня у меня исключительно радостный день. Я получил от тебя наилучший подарок – фотографию детей. На меня глядят серьезные, немного задумчивые, умные глаза Мишуня, который стремится сойти с фотокарточки и поделиться всем, что накопилось. Рядом курчавая, непередаваемо милая головка Олюси с чуть-чуть заметно косящим глазом, удивленно смотрящим в объектив фотоаппарата. Так и хочется снять ее с этой карточки, взять на руки и, прижимая головку к груди, гладить курчавый волос и целовать чуть косящие милые глазки. Обнимая Олюську одной рукой, с чуть прищуренными глазами пристально смотрит на меня моя “самая старшая дочка” Циля². Ее лицо заметно возмужало и похорошело. Широкий открытый лоб говорит о том, что в голове теснятся всякие мысли, которые перерабатываются и по-своему воспринимаются. Отличные отметки – не случайное явление. Видны черты упрямства на лице, следствием чего являются “конфликты”, которые возникают у тебя с ней. Чувствуется, что и ей уже хочется скорей увидеться со мной и рассказать многое-многое из того, что узнала и увидела за прошедший год. А у меня еще сильнее желание всех их увидеть, увидеть тебя, Басю, всех родных и друзей, вдали от

¹ Софья Ароновна (Головчинер) Факторович, 1939 г.р., троюродная сестра Зины Пинской.

² Циля Михайловна Грузенская (Ваил), 1932 г.р. – старшая дочь Менаше Ваила.

грохочущей смерти, следующей по пятам день в день в течение трех долгих лет. Исполнится ли мое желание???» (Письмо Менаше Ваила, 4.05.1944).

Юрий Пинский в письме к жене Гисе 16 января 1945 г. сообщал: «Сегодня мне вручили заказное письмо с фотокарточками. Целый час я вглядывался в милые лица, и что перечувствовал при этом – трудно передать. Какая очаровательная наша крошка с широко раскрытыми глазками. Я искал и, кажется, не нашел никакого сходства ни на тебя, ни на меня. Если только карточка отражает оригинал, то ты мало изменилась, чуть-чуть похудела. Наша Зиночка мне напомнила старую карточку, где ты, Гиська, маленькая с мячом. Долго я всматривался в карточки и мысленно уносился к вам, в далекий Копейск, и чувства острые овладевали мною до боли в душе! Сколько я отдал бы за то, чтобы побывать сейчас с вами хоть денек, хоть один час, настанет ли это время для меня и когда?» (Письмо Юрия Пинского, 16.01.1945).

Иногда матери проявляли смекалку и преподносили отцам на фронте настоящий сюрприз с помощью фото. Рива Ройтенберг прикрепила миниатюрный снимок их двухгодовалого ребенка к почтовой карточке и написала текст от имени малютки. В письме искрилась любовь молодой женщины к своему мужу Маркусу Шмульскому, выражалась вера в победу над врагом и надежда на скорую встречу. Портрет рядом с написанным текстом создавал впечатление, что ребенок «говорил» с отцом. На почтовой карточке стоит обязательный штамп «Просмотрено. Военная цензура» – открытка попала по назначению. Можно представить себе эффект при получении такого «детского» письма. Приведем его текст полностью:

«30 ноября 1942 г., Уфа

Дорогой мой папенька, мой самый любимый!

Скоро год как мы не виделись. Соскучился я очень. Я все твержу: папа, дорогой, я скучаю, приезжай скорей домой, а ты не приезжаешь. Мне недавно два годика, познакомься со мной вновь, я очень изменился, даже больше, нежели ты, дорогой папенька, в твоём лице поздравляю всю нашу Красную Армию с нашими победами!

Маменька и я глубоко верим, что очень скоро и на нашей улице будет праздник. Мой тебе подарок – моя плутоватая рожица и заверение, что в жизни плутом не буду. Крепко тебя целую. Я все, все сам свободно излагаю своими словами.

От маменьки привет и поцелуй горячий. Леня Шмульский» (Письмо Ривы Ройтенберг, 30.11.1942).

Фото на документы. Фотографии на документы с точки зрения военного командования нужны были для «дела», а не для «развлечения». 7 октября 1941 г. был издан приказ о введении красноармейской книжки в войсковых частях и учреждениях в тылу и на фронте с фотографической карточкой владельца (ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 274–277). При этом на руках всегда оставалось несколько копий, от 4 до 6 штук, тоже для «дела». Солдаты же, как правило, посылали их родным и друзьям в силу того, что других не было. Они торопились это сделать, поскольку не было уверенности, что завтра человек останется жив, и важно было оставить о себе память. Никто не собирался умирать, но то, что происходило с товарищами-однополчанами, говорило фронтовику о том, что ниточка жизни человека на войне тонкая и не прочная, способная оборваться в любой момент. Лев Цепенюк сообщал своим родителям 5 августа 1943 г.: «У меня сейчас есть фото, хотя и бракованное (это когда я фотографировался на кандидатскую карточку¹), но все же, решил послать. Увидите хоть, какой я есть. Правда, довольно неудачно вышел. Очень уж усталый» (Письмо Льва Цепенюка, 5.08.1943).

Для отправки домой фотографии снимали со старых документов, членских билетов, пропусков и удостоверений, которые в силу военного времени становились ненужными, такие например, как профсоюзный билет. 25 сентября 1941 г. Николай Лазюк писал домой: «Посылаю фотокарточку – оторвал от профбилета. Военную посылать как будто нельзя. Твоя и Маюшкина карточки у меня есть, я их снял со стены, уходя из Смоленска, и теперь

¹ Кандидатская карточка — документ, выдававшийся кандидатам в члены ВКП(б). По истечении кандидатского срока кандидат мог быть принят в члены партии. Первоначально это был листок бумаги, но в дальнейшем оформлялся в виде небольшой книжки с фотографией кандидата, на документе присутствовал серийный номер.

ношу всегда с собой. Часто смотрю и вспоминаю о вас» ([Письмо Николая Лазюка, 25.09.1941](#)).

Фото на документы были своего рода компромиссом, отдушиной, имели официальный статус по сравнению с любительскими снимками, которые считались личным делом каждого. Но у них был ряд ограничений, и не только по своему размеру 3 x 4 см. Сидя перед фотографом, нельзя было улыбаться. Нужно было делать серьезное лицо, не разрешалось менять ракурс, снимали всегда анфас, но не в профиль, все были одинаково одеты и причесаны, или стрижены наголо. Но лучше было иметь такое формальное фото, чем ничего, и потом бесплатно, что для скудного бюджета молодого солдата было существенным. Шевах Лapidус в письме к жене 30 ноября 1943 г. сообщал: «Раечка! Посылаю тебе мою фотокарточку. Снимался я прямо сходу для партбилета¹. Сейчас я выгляжу не хуже. Храни на память. Пусть Марик хотя бы знает своего отца пока по фотокарточке» ([Письмо Шеваха Лapidуса, 30.11.1943](#)). Инна Фруг сообщала своей матери 11 февраля 1944 г.: «Дорогая мамочка! Наконец, шлю тебе фотокарточку. Это я снималась на партдокументы. Мамуся! Такой я редко бываю. Обычно рожа веселая. И гимнастерка не своя. Вообще мало похожа. На днях вступаю. Уже все готово» ([Письмо Инны Фруг, 11.02.1944](#)).

Наум Кунин писал своей возлюбленной 8 августа 1944 г.: «Генечка, завтра я тебе вышлю свое фото. Меня месяца четыре тому назад фотографировали на удостоверение, готовые фотокарточки тогда вручил товарищ по работе. Сегодня мне пришлось с ним встретиться. В разговоре о себе я рассказал, что установил связь с любимой подругой, и фотокарточки даже у меня нет. Он тогда признался, что припрятал одно фото. Так вот завтра он принесет, и я тебе сразу вышлю» ([Письмо Наума Кунина, 8.08.1944](#)).

Сами солдаты, понимая материальные трудности родных в эвакуации, просили порой членов семьи прислать фото-пятиминутки, как самый дешевый и доступный, быстрый в изготовлении вид фотографий. Кроме того, некоторые люди предпочитали фото, которые готовили на документы, из-за их размера. Они не занимали места, и можно было легко хранить на себе, имея всегда под рукой. Сергей Дрейзин писал своей семье из военного училища в Москву 14 января 1942 г.: «Ах, родные мои. Я так люблю вас и так надеюсь, что все тяготы и трудности вы стойко перенесете, и мы снова все будем вместе спать на террасе нашей голубятни и глядеть, разговаривать, касаться друг друга. Родные, пришлите мне еще какие-нибудь ваши фото – для удостоверения (пятиминутки)» ([Письмо Сергей Дрейзина, 14.01.1942](#)). Дрейзин продолжал эту тему 15 мая 1942 г.: «Наконец, я могу послать вам свою фотографию. Снимались мы коллективно всей ротой, фотографии нужны, очевидно, для документов. Вышел я, кажется, хорошо, хотя насколько похож, не знаю. Надо предполагать, что похож, т.к. фотография была хорошая и мастер пожилой уже. Как видите, выгляжу я замечательно. Так хочется увидеть ваши фотографии, но боюсь просить, т.к. они могут пропасть, не найдя меня. Так чаю, пожалуйста, не высылайте. Верочка, напиши, снимался ли папочка после моего отъезда? Целую тысячу раз» ([Письмо Сергея Дрейзина, 15.05.1942](#)).

Фото, предназначенные для документов, выслали, как «компромиссные», когда исполнение заказа в фотоателье задерживалось, а послать требовалось срочно, солдат менял место службы или отправлялся на фронт, откладывать было нельзя. Давид Пинхасик писал своей жене Марии Вагановой 22 апреля 1942 г.: «Хотел и фотокарточку свою послать, но она еще не готова. Придется теперь маленькую, что для документов делал, в конверт бросить. Личность, правда, невыносимо мутная, не весенняя, и может повлиять на настроение, но все равно пошлю. Пиши, дорогая чаще, чтобы я не грустил, а то даже фотографу по стандарту улыбнуться не сумел, несмотря на его категорические требования» ([Письмо Давида Пинхасика, 22.04.1942](#)).

В целом, в годы войны фото на документы, как и фото-пятиминутки, оказались своего рода выходом из положения. Они широко использовались фронтовиками и членами их семей в тылу, как дешевое, быстрое и оперативное решение «вопроса». Это снимало напряжение в переписке, позволяло дожидаться «нормального» фото из гражданского

¹ Партийный билет — документ, удостоверяющий партийную принадлежность его владельца, в СССР являлся одним из главных документов наряду с паспортом.

фотоателе, сделанного умелым мастером на хорошей бумаге, за что, правда, приходилось уплатить назначенную цену.

Рисунок-портрет. Когда нельзя было отправить фото, посылали рисунок, выполненный простым и, намного реже, цветными карандашами, краски было взять негде. При этом сходство с оригиналом достигалось не обязательно, в лучшем случае можно было признать общее сходство. В то же время это было не баловство, а необходимость после того, как месяцами не удавалось сделать фотографии. В полевых условиях бумага и карандаш служил единственным средством, которое могло послужить этой цели.

Были случаи, когда военный человек рисовал портрет любимой, находившейся от него за тысячи километров, по фотографии или по памяти, чтобы скрасить однообразие и скуку военных будней, успокоить себя, обрести равновесие или наоборот, дать выход тревоге и волнению. Примером может служить письмо Наума Бейлина, отправленное на Украину из пустыни Гоби в Монголии. Здесь старший лейтенант Н. Бейлин, проходивший кадровую службу с 1939 г., узнал о начале войны с Германией. 17 июля 1941 г. он писал жене: «Здравствуй, родная! Вчера я нарисовал портрет самого любимого для меня человека — твой. Не стану хвастать, но мне доставляет удовольствие глядеть ежеминутно на нарисованную мной Гиту. То, что я имею возможность заниматься такими вещами, как рисование портретов, говорит, что жизнь моя проходит совсем не беспокояно. С каким колоссальным удовлетворением я сменил бы эту относительно спокойную жизнь на боевую там, на западе, в борьбе с теми, кто бомбит мой город Киев» ([Письмо Наума Бейлина, 17.07.1941](#)). Наум Бейлин добился перевода в действующую армию и провоевал до конца войны, участвовал в освобождении стран Южной и Центральной Европы, дожил до победы ([Берлин, 2011](#)).

Рисунок-портрет мог оказаться своего рода благодарностью или знаком внимания к человеку, который этого заслуживал. Выполнить карандашный портрет предлагали старшему по званию и не исключено, что если эта инициатива исходила от подчиненного, то у последнего был свой интерес, хотя проверить это мы не можем. Николай Лазюк сообщал домой 8 августа 1942 г.: «Посылаю вам свой портрет. Тут у меня есть один художник Цветков из Москвы. Он сделал портрет, который я решил послать вам. Ну, доча, узнаешь ты своего папку? Храни этот портретик и помни своего папку, который воюет и бьет фашистов. Будь хорошей девочкой, слушай мамусю и крепко ее люби. Пиши папке, как ты живешь» ([Письмо Николая Лазюка, 8.08.1942](#)). Иногда это делали сами авторы писем непосредственно в тесте письма. Инна Фруг писала 28 марта 1943 г.: «Дорогая мамуся. Вот тебе вместо фотокарточки [– карандашный рисунок на письме от руки – Л.С.]. Конечно, точно нельзя. Ты сама разбери, что верно, а что нет. Как-нибудь еще нарисую, когда пилотки получим» ([Письмо Инны Фруг, 28.03.1943](#)).

Конечно, рисунок-портрет воспринимался не как точная копия и, конечно, не шарж, поскольку смеяться на войне не очень хотелось, скорее, как шутливый взгляд на самого себя. Так к этому и просили относиться фронтовики, посылая рисунки-портреты домой. Моисей Гинзбург в письме к родителям 13 апреля 1944 г. рассуждал: «Исполняя просьбу о присылке фотокарточки, решил, ввиду невозможности выполнить ее в точности (из-за финансов и времени), заменить рисунком. По моей просьбе наш художник Иванов вчера начал и сегодня окончил мой «портрет». Конечно, он не блещет особенным художеством из-за скороспелости и отсутствия материалов, по мнению многих товарищей не особенно расхочется с оригиналом, поэтому прошу не взыскать» ([Письмо Моисея Гинзбурга, 13.04.1944](#)).

То же самое мы находим в письме Наума Кунина 8 августа 1944 г. своей невесте: «Генечка, я тебе писал о том, что мне обещал товарищ нарисовать меня. Ну, получился я, конечно, плохо, сходство есть, но маленькое, ибо неправильно нарисованы глаза и нос, а это в портрете основное. Потом еще скучный вид, на самом деле я бываю веселым. Когда художник начал меня рисовать, черты лица были с улыбкой, но к концу принял такой вид, что я сам удивляюсь, как я выдержал такое наказание – три часа подряд быть недвижимым. Но ничего, понять можно» ([Письмо Наума Кунина, 8.08.1944](#)).

Одновременно рисунки являлись приятным разнообразием в переписке, когда ничего не было под рукой. Поэтому когда боец или командир вкладывали портрет от местного

умельца, то было известно заранее, что это вызовет интерес домашних или любимой девушки. Мы узнаем это из лаконичных комментариев, прилагавшихся в письме. Вот как это выразил Менаше Ваил 12 января 1945 г.: «Бэлуныка! В отдельном конверте я высылаю тебе свой портрет. Он написан фронтовым художником [Худобой – Л.С.] на бумаге. Если ты получишь его, то храни как память» ([Письмо Менаше Ваила, 12.01.1945](#)).

В коллекции военных писем 1941–1945 гг. Центра диаспоры при Тель-Авивском университете хранятся несколько десятков карандашных рисунков-портретов. Но далеко не все из них имеют пояснения. Не исключено, что комментарии существовали, но не сохранились, тогда как рисунки дошли и находятся в нашем распоряжении.

В редких случаях портреты рисовали профессиональные художники или студенты художественных вузов, которые отправились в Красную армию добровольно, но служба этих людей никак не была связана с искусством. Для них это было воспоминанием о довоенном прошлом, мирном времени, получении профессии. Они пробовали свои силы и были приятно удивлены, что руки «помнят», глаз «держит». Это была надежда вернуться к любимому делу после победы. Натан Воронов¹ писал своим родителям 12 февраля 1943 г.: «Еще одно знаменательное событие произошло... у дочери одной из хозяек я достал три цвета масляных красок, белила, акварельную кисточку и на полированной [поверхности]... написал первый портрет после букета..., написанного в Могилеве. Я сейчас частенько делаю наброски или же портреты карандашом (но не всегда имею такую возможность). Прихожу к мысли, что месяца два бы интенсивной работы над собой, и, пожалуй, удалось бы восстановить хотя бы прежнюю силенку» ([Письмо Натана Воронова, 12.02.1943](#)). В данном случае речь не идет о профессиональных художниках, которые направлялись Политуправлением РККА на фронт, чтобы с натуры запечатлеть подвиг участников великой битвы с нацизмом. Речь идет о самоучках-любителях, которые с помощью карандаша и бумаги, иногда угля, оставили нам свое представление о товарищах-однопольчанах, воевавших с ними бок о бок. Часто эти пробы пера не отличались художественными достоинствами. Однако в них было много искренности и самобытности.

Карандашные рисунки фиксировали настроение людей, стремление поддержать друзей и себя, сохранить бодрость духа, найти силы для победы над врагом. Их авторы передавали свое восприятие окружающего мира и то, что они видели вокруг себя. Взяться за рисунок толкала практическая необходимость, чтобы заменить фото, которого негде было сделать. Но в ходе этой работы вступали в действие другие силы – желание творчества, стремление себя проявить, необходимость самовыражения. И нужно признать, что в той или иной степени это удавалось. Конечно, для того, чтобы рисовать, нужны были навыки, ведь тем, кто никогда этим не занимался, такое было не под силу. Людей, пробовавших свои художественные возможности в годы войны среди солдат и командиров Красной армии, было мало, еще меньше этих работ сохранилось, поэтому каждый такой пример по-своему уникален. Карандашные рисунки-портреты, конечно, не могли заменить фотографии ни по своему количеству, ни по качеству. Однако они решали ту же задачу – сохранить облик бойца, защитника своей семьи, своего народа, своей страны.

Трудности жизни в тылу. Фотографии, присланные на фронт, свидетельствовали о трудностях и лишениях, которые испытывали семьи военнослужащих в тылу. Они служили дополнительным поводом для откровенного разговора. Рассказы домашних о том, как они пережили дорогу, как были встречены в районах эвакуации, как устраивались на необжитых местах, и что они при этом пережили, не могли оставить равнодушными. Вещи, о которых писалось в письмах, считались общеизвестными, поэтому авторы писем на фронт не могли предположить, что за это могут упрекнуть. Писали о холоде, голоде, неустроенности, плохих жилищных условиях. Все так натерпелись, что казалось, кто за это осудит? Любовь Зантович сообщала своему мужу Алесю (Айзику) Кучару из города Уральска

¹ Натан Моисеевич Воронов (1916–1987) – белорусский советский художник, педагог, заслуженный деятель искусств Беларуси, до войны учился до войны на факультете живописи в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина в Ленинграде, окончил Всероссийскую академию искусств 1948. Работал доцентом Театрально-художественного института в Минске, заместителем председателя Союза художников БССР, специализировался в области исторической картины, лирического и индустриального пейзажа, портрета, натюрморта.

Западно-Казахстанской области в декабре 1941 г.: «Посылаю тебе наше фото. Получились настоящие беженцы. Выглядим мы ужасно. Я долго думала, посылать ли? Мы мало похожи. Не правда ли? Все очень похудели. Особенно Лена К. Ты прямо не узнать. “Элегантная” дама стала. Очень мучается Аня Б. Ее девочка чуть-чуть не умерла. Вот больше месяца как она в больнице. Да, всем приходится переживать» (Письмо Любове Зантович, 16.12.1941). 24 января 1942 г. она продолжала: «Дорогой мой! Еще раз высылаю фото Феликса – старое. Я его фотографировала вторично, он вышел хорошо, но через 8 дней сказали, что надо пересниматься. Ну, морозы сейчас такие, что нечего об этом и думать. Ознобились все. Чуть на улицу, смотришь, и побелеет нос. У нас таких не бывало. Вчера Феликс угорел, чуть отходили» (Письмо Любове Зантович, 24.01.1942).

Меньше писали об отношениях между людьми в эвакуации, антисемитизме, еврейской традиции и праздниках. В этом больше доверяли дневникам, чем почте, хорошо сознавая, что каждое письмо, перед тем как попасть в руки дорогого человека на фронте, будет прочитано цензором. И не было понятно, как это будет оценено, несмотря на то, что все писалось от сердца, искренне. Не обернется ли допущенное откровением обвинением в антисоветской клевете и пораженческих настроениях, не возьмут ли после этого автора на заметку с вытекающими отсюда последствиями? Поэтому в письмах о жизни в эвакуации люди аккуратно подбирали слова и выражения, избегали критики органов власти. Они хотели писать правду, чтобы не грешить против истины, но так, чтобы за нее не пострадать. 12 декабря 1942 г. Любовь Зантович писала мужу, намекая, что смысл нужно искать между строк: «Сегодня, наконец, сфотографировались. Жизнь здесь дорогая, как прожить – не знаю. Уезжать теперь нельзя никуда. Да и так натерпелись. Нигде с нами не считаются» (Письмо Любове Зантович, 12.12.1942).

Сами мужчины-солдаты, отцы семейств, старшие братья, сыновья прекрасно понимали, почему изменилась внешность их близких. Наум Бейлин писал своей жене Гите 5 февраля 1942 г.: «Я окончательно решил забрать тебя, хоть мне очень тяжело сжиться с мыслью, что ты бросишь учебу [в мединституте Перми – Л.С.]. Мое решение еще больше усилилось с получением твоих карточек, я увидел, как много ты пережила, моя дорогая любовь, ведь это первая фотография, где отсутствует твоя улыбка. Да, мы должны быть вместе, помогая друг другу пережить все трудности, все лишения» (Письмо Наума Бейлина, 5.02.1942). Но что было в силах солдат-мужчин? Они были связаны долгом, воинской присягой и тысячами километров. Поэтому в письмах мы часто читаем сожаление о том, что они пока не в состоянии оказать срочную действенную помощь, что женам, матерям и престарелым родителям придется справляться самостоятельно. Наиболее дальновидные признавали, что их долг защищать страну, воевать, победить, вернуться домой живыми и невредимыми, чтобы скорее подставить свое плечо. Яков Скульский выражал свое беспокойство в письме к жене, находившейся в эвакуации г. Кустанай в Казахстане 31 августа 1944 г.: «Как страшно вы похудели. Эдик – это... не могу и выразиться. Худенький и слабенький. На кого он похож, не могу даже определить. Губки тоненькие, сжаты, как у бабушки¹. Профиль также напоминает Сему². Вот тебя, Геничка, не узнать. Да, что говорить! И меня ты б узнала. Но... три с лишним года!.. Да какие года! Мосеньку я узнал. Однако если бы я встретил на улице такого парнишку, то, кажется, прошел бы мимо него. Это, судя по фото, ведь Мосеньку никогда нельзя было видеть столь суровым. Жизнерадостность, улыбка всегда озаряли его личико. Страшно смотреть. Но ничего. За дальнейшее военное счастье, и уже недалек час, когда я вновь буду с вами» (Письмо Якова Скульского, 31.08.1944).

Самые большие опасения у фронтовиков, «читавших» фото из дома, были связаны со здоровьем детей. Потерять ребенка, который заболел в условиях эвакуации, когда не хватало ни врачей, ни лекарств, ни полноценного питания, было очень просто. Тысячи людей, и в первую очередь детей умерли в годы войны в тылу от недоедания, переохлаждения, инфекционных заболеваний и несчастных случаев. Вот почему письмо Израиля Пинского своей семье, эвакуированной в г. Копейск Челябинской области 28 января 1945 г. было полно такой тревоги: «Получил письмо с фотокарточкой Зиночки, прекрасная карточка.

¹ Яков впервые увидел Эдика на фото 31 августа 1944 г. за месяц и девять дней до гибели, когда ребенку исполнилось два года.

² Сема – старший брат Яши Скульского.

Больно только, что она слабенькая и болеет. Мне, пожалуй, не приходится тебя просить, чтобы ты поддерживала ее всеми возможными средствами. Не жалела ничего, и со временем она выправится. Если мне суждено будет остаться в живых, и я вернусь домой, а этот час скоро наступит, нам тогда легче будет ее воспитать и улучшить ее здоровье» (*Письмо Израиля Пинского, 28.01.1945*).

В целом фотографии военных лет объективно отражали трудности, переживавшиеся миллионами людей, вынужденных бежать от врага. Но одновременно – это было свидетельство огромных усилий выдержать эти испытания, выжить самим, спасти детей и дать все необходимое фронту. Это был тихий каждодневный подвиг, который воспринимался без патетики, как должное.

Стихи на фото. Значимость фотографий в переписке между фронтом и тылом нашла отражение в стихах. Фотографии и стихи были подчинены общей цели. Они помогали запечатлеть образ человека, подчеркивали его значимость на войне, помогали сохранить веру в дружбу и любовь, дарили надежду и память. В стихах существовала потребность, они пользовались большой популярностью. Фотографии подписывали стихами, как посвящение или пожелание. Стихами можно было выразить общие мысли и настроение, делать это лаконично, образно, убедительно, а иногда и афористично. Они позволяли сказать главное и нужными словами об отношениях между людьми, веру в то, что победа обязательно будет достигнута даже, если не всем придется до нее дожить. Шевах Лapidус в письме к жене 30 ноября 1943 г. сообщал: «Раечка! Посылаю тебе мою фотокарточку. Храни на память. Пусть Марик хотя бы знает своего отца пока по фотокарточке. Заканчиваю стихотворением, напечатанным в нашей фронтовой газете:

Снова осень, снова ветер,
Снова кружатся листья,
И опять при лунном свете
В голове мой сын и ты.

Путь далек и неизвестен
В переходах и боях.
И идет со мною вместе
Фотография твоя.

И обычно после боя
(Знаю, завтра снова в бой),
Я бумажник свой открою,
Посмотрю на облик твой.

Я не скоро к вам приеду,
Но, когда вернусь в семью,
Привезу я вам победу,
Нами взятую в бою (*Письмо Шеваха Лapidуса, 30.11.1943*).

Большая часть стихов сочинялась любителями, и только немногие принадлежали профессиональным поэтам, командированным на фронт. Яков Эпштейн писал своей дочери Рут 9 марта 1943 г.: «Эх, Ма! Когда мне очень тоскливо, я смотрю на ваши карточки, которые всегда у меня в правом кармане гимнастерки. Знаешь ли ты песенку “Любимая моя” и слова “В маленьком кармане там карточка твоя, и мы всегда вдвоем с тобой, любимая моя”¹. Поешь ли ты? Я вспоминаю, как ты дома, просыпаясь, всегда пела и, ложась спать, тоже пела, а засыпала ты как быстро! А сейчас ты большая, большая. И не узнать будет тебя» (*Письмо Якова Эпштейна, 9.03.1943*).

Стихи писали сами солдаты, и командиры или переписывали в блокнот, печатали в армейских многотиражках. Далеко не все из них имели художественное значение, и чаще напоминали рифмованные слова, но, сколько там было искренности и надежды. Менаше Ваил 1 сентября 1943 г. подписал друзьям фотографию стихами собственного сочинения:

Закончится война, и мы за чашкой чая,

¹ Стихи Евгения Долматовского «Я уходил тогда в поход в суровые края» (1939).

Быть может, встретимся, как старые друзья.
 И сможем мы сказать о днях сих, вспоминая:
 Боролись и трудились мы, как одна семья.
 Но коль в бою погибну (ведь может так случиться),
 И даже не успев на письма дать ответ,
 (Приходится, как всем, с такой судьбой мириться) –
 Пусть памятью о мне вам будет мой портрет ([Письмо Менаше Ваила, 1.09.1943](#)).

Стихи на фото считались хорошим тоном, а если их подписывал автор, то такое фото считалось уникальным. Каждое такое фото становилось дороже, ценнее, подчеркивало значимость человеческой личности, непреходящее значение жизни, в которой должны быть любовь, успех и счастье. Григорий Павловский в апреле 1945 г. посвятил следующие стихи своего сочинения девушке, за которой хотел ухаживать:

Затихло все... Лишь я один не сплю,
 И ветер бродит робкими шагами.
 Я вынимаю фотокарточку твою,
 Касаясь к ней горячими губами.
 Кольшет даль апрельскую траву,
 И душу рвут тревога и волнение,
 И будто ты со мною наяву:
 Я чувствую твое прикосновение.
 О, черноокая! Случайная моя!
 Зачем ты сердце рвешь мое на части!
 Ведь так страдаю, мучаюсь я,
 Что у меня в руках чужое счастье ([Письмо Григория Павловского, 19.04.1945](#)).

Фото в госпитале. Фотографии, присланные из госпиталя, радовали и огорчали одновременно. Радость заключалась в том, что солдат был жив, получил передышку, мог прийти в себя и спокойно общаться с семьей, пусть даже с помощью почты. Огорчение в том, что он ранен, испытал боль и мучение, страдает. После первого известия из госпиталя семью интересовало, насколько серьезным оказалось ранение, возможно ли выздоровление, вернется в строй или останется калекой и будет комиссован. Фронтовики, предвидя эти вопросы, торопились сообщить о характере своего ранения. Хорошо, если были основания успокоить – ранение не серьезное, скоро поправлюсь и вернусь в строй. По статистике солдат-новобранец воевал в среднем около 10–12 дней. Затем он погибал, или получал ранение, был эвакуирован для лечения в тыловой госпиталь и, как правило, возвращался на фронт. В годы Великой Отечественной войны советские медики вернули в строй свыше 70 % раненых и 90 % больных воинов (около 18 млн чел.), что является абсолютным рекордом за всю историю человеческих войн. В вермахте в строй вернулась почти половина раненых, в Красной армии – около трех четвертей ([Гриф секретности снят, 1993: 14](#); [Кропачев, Кринко, 2012: с. 137](#)).

Лейба Смиловицкий вспоминал, что после ранения его повезли в Тимирязевскую академию под Москвой, которую превратили в сортировочный госпиталь¹. Принять, обмыть, сменить повязку, кому нужно, срочно прооперировать и отправить дальше. Если человек мог терпеть, его не трогали: «Побыли мы в том госпитале недолго, но я запомнил его на всю жизнь. Палата, белоснежная постель, чистые простыни, наволочка, одеяла. Койка к койке, человек по 20. Но мы все равно почувствовали себя как в раю. После того, когда спишь в землянке, не раздеваясь, кругом грязь, помыться негде, все чешется, - и такие условия! Можете представить мои ощущения. Мы только лежали и улыбались, конечно, кто был способен на улыбку, у кого не было диких болей» ([Смиловицкий, 1988–2017: 53–55](#)).

Однополчанин Натана Воронова писал домой родным своего друга: «Товарищ Воронов, посылаю фотокарточки Вашего сына. Они остались у меня, а его ранило, но не тяжело, в руку осколком, так что через месяц он выздоровеет. Вы не беспокойтесь за ним, он вам, наверно, писал уже с госпиталя» ([Письмо Верютина, 1943](#)). Зяма Савиковский сообщал

¹ После начала войны в здании Академии и расположенной рядом школы № 213 разместили крупнейший сортировочный эвакогоспиталь № 2386 Западного и 3-го Белорусского фронтов, в котором в 1941–1943 гг. лечились около 12 тыс. бойцов и командиров.

весной 1944 г. в Ташкент своей знакомой Риве Сосланд: «Ранение получилось серьезней, чем можно было себе представить. Мне сделали операцию под общим наркозом: достали много гноя, вытянули ногу в коленном суставе, и случайно достали осколок. После этого все пошло хорошо и через 2,5 месяца я выписался. Теперь я уже давно забыл обо всем этом. Нога не изуродована, а такая же, как и была, только немного согнута в колене. И ничего. Могу ехать на велосипеде, прыгать, бегать, много ходить – в общем, с ногами у меня все в порядке. О наружности можешь судить по тем двум фотокарточкам, которые я тебе выслал заказным. Роста я высокого и вид солидный. Как видишь, я неплохо пишу, и уже даже в нескольких словах могу нарисовать» ([Письмо Зиновия Савиковского, май 1944](#)).

Когда человек приходил в себя, начинал вставать и выходить из палаты, то спешил фотографироваться. Внешний вид солдата в больничном халате, тапочках вместо сапог, без пояса, не был бравым, как в военной форме с оружием в окружении однополчан. Но это было то же родное лицо и, самое главное, с улыбкой, которая присутствовала на большинстве фото из госпиталя. Натан Воронов 13 апреля 1945 г. сообщал своей семье: «Дорогие, посылаю вам две фотокарточки. Снимался здесь, в госпитале, как видите, даже в больничном халате. Немного скучновато получился. Очевидно, временами такой и есть. Жду известий с нетерпением. Получаете ли Вы мои письма?» ([Письмо Натана Воронова, 13.04.1945](#)).

Иногда в письмах домой из госпиталя солдат сообщал, что при ранении у него пропали фотографии и просил возместить эту потерю. 9 октября 1943 г. Яков Спивак просил своих родных, эвакуированных в Азербайджан: «Дорогие мои, очень прошу выслать ваши фотокарточки. Знаете, когда я был первый раз ранен, то в санбате у меня все имеющиеся фото кто-то отобрал. Я тогда был в таком состоянии, что даже забыл, что у меня они есть. Таким образом, у меня нет ни одной вашей карточки. Очень жаль, но ничего не поделаешь» ([Письмо Якова Спивака, 9.10.1943](#)).

Сделать фото в госпитале было гораздо проще, чем на передовой, где приходилось почти ежедневно менять позицию, думать не о фото, а как дожить до вечера. Когда дело шло на поправку, выздоравливающий солдат должен был занимать свободное время, общался, читал книги, смотрел кино, играл в шахматы или карты, некоторые начинали вести дневник. Над госпиталями шефствовали школы и учреждения, давали концерты художественной самодеятельности или писали письма под диктовку тех, кто еще самостоятельно не держал ручку и карандаш. Именно в госпитале солдат вспоминал о невыполненной обещании выслать фото и торопился это сделать. Не случайно в семейных альбомах большинства участников Великой Отечественной войны часто можно увидеть фото из госпиталя. Лейба Смиловицкий вспоминал: «Персонал госпиталя внимательно нас опекал. Читали книги вслух, была там самодеятельность, кое-кто выступал, школьники приходили. Там же меня и сфотографировали с товарищами. На фотографии фамилии надписаны, с кем я в палатах находился» ([Смиловицкий, 1988–2017: 56](#)).

Фото из госпиталя свидетельствовали, что война еще не закончилась, и все предстояло повторить сначала, но неизвестно, ожидает ли фронтовика подобная передышка в будущем.

Подписи к фото. Особого внимания заслуживают подписи, которые оставляли участники переписки на личных фотографиях. Их содержание состояло, в основном, из двух частей, посвящений и пожеланий. В нескольких скупых строках необходимо было назвать, кто изображен на фото и кому оно было адресовано. Как правило, снимки дарили родным и близким, с которыми предстояло расставание, сослуживцам и однополчанам, друзьям и тем к кому испытывали симпатию, немало вместе пережили вместе.

Самуил Непомнящий 12 августа 1941 г. подписал фотографию, сделанную в городе Геническе Херсонской области перед отбытием на фронт жене Анелии и дочери Розалии: «На память горячо любимой женушке и другу, дорогой дочурке от мужа, отца и лучшего друга Мили»¹. Григорий Пугач – 15 июня 1942 г.: «На долгую добрую память любимой сестричке от любящего брата. Ривочка! Жди, я вернусь»². Изя Каплан 7 июля 1943 г. –

¹ Капитан Самуил Семенович Непомнящий пропал без вести в 1942 г. ([Письмо Анелии Самуиловны Бельняк 17.05.2012](#)).

² Григорий Исаакович Пугач 15.03.1944 г. погиб в деревне Турск Рогачевского района Гомельской области Белорусской ССР ([БГАМЛИ. Папка «Зайденкоп»](#)).

Абраму Шепельскому: «Вспоминай меня в свободную минуту» (Письмо Иззи Каплана, 7.07.1943). Шимшон Контуашвили (Письмо Шимшон Контуашвили, 24.10.1943) 24 октября 1943 г. написал: «Любимой женушке Басеньке. Пусть эта физия будет символом нашей скорейшей встречи. Жди меня. Я скоро вернусь к тебе. Целую, Шимша»¹. В других случаях подпись под фотографией позволяли судить о настроении человека в момент отправки письма. Давид Пинхасик 23 сентября 1944 г. сообщал своей жене Марии: «Вчера и сегодня получил твои письма. Одно – коротенькое, злое, с фотокарточкой, на обороте которой нервная, холодная надпись. И второе – длинное, теплее, написанное, видимо, в минуты, когда нервы несколько успокоились» (Письмо Давида Пинхасик, 23.09.1944).

Фото часто подписывали несколькими или одновременно всем членам семьи – жене, детям, матери и отцу. Персональное перечисление родных имело большое значение, поскольку личное обращение подчеркивало степень уважения, что никто не был обойден вниманием, что помнят обо всех. Подписи говорили о любви, дружбе, преданности, верности, искренности отношений. При этом часто использовались уменьшительные имена в память о детстве, или кем приходился автор – сыном, братом, дядей, мужем, отцом. В некоторых случаях оставались патриотические надписи, подчеркивалась вера в победу – враг будет разбит. Евсей Пугачев, курсант Киевского артиллерийского училища, подписал 11 сентября 1941 г. Изе С.: «Подруге детства от Семы П. Враг будет разбит!»².

В посвящениях на фотографиях часто использовались слова «копия» и «оригинал», высказывались пожелания о «встрече», хотя никто не мог предположить, когда она произойдет и состоится ли вообще, ведь человек уходил на войну. Все надеялись жить, но вернуться обратно, было суждено далеко не многим. Шмуль-Лейб Хайкин³ 3 апреля 1943 г. написал любимому семейству: «Храните и наслаждайтесь пока копией. Недалек час победы, когда вместо копии появиться и оригинал. Любящий вас папка». На фотографии Шмуль-Лейб стоял у стены деревенского дома с автоматом ПППШ⁴ в капитанских погонах и трубкой во рту⁵.

С фотографий 1941 г. глядели молодые люди в военной форме, которые еще не знали, что такое война, но были полны решимости стать грудью на защиту семьи, родного края, малой родины и страны. С фотографий 1942–1943 гг. смотрели лица людей, которые на собственном опыте познали трагедию войны, стали свидетелями ее ужасов, пережили смерть товарищей, утратили иллюзии, но не потеряли веры в победу. На фото 1945 г. подписи разительно отличаются – в них речь идет о скорой победе, неизбежной встрече, о планах на мирную жизнь. Подписи к фото позволяли проследить, какой путь прошел фронтовик. Моисей Флинк 1 сентября 1941 г. подписал: «На долгую память родителям, сестрам и племянницам от их сына, брата и дяди». Второе фото 15 сентября 1945 г. было сделано им на фоне «Катюши»⁶ в погонах старшего лейтенанта⁷.

Часто было принято писать, что фото сделано в годы Отечественной войны или Великой Отечественной войны или особо подчеркивалось – в тяжелые (суровые) годы войны. Это позволяет предположить, что большинство людей ставили подобную запись, отдавая себе отчет, что они были участниками исторического события в жизни страны.

¹ Ш.Ш. Контуашвили прошел всю войну без единого ранения и закончил ее в Магдебурге в 1946 г. комендантом города, был награжден орденами Александра Невского, Боевого Красного Знамени и Отечественной войны 1 степени, медалями, включая «За взятие Кенигсберга».

² Евсей (Сева) Борисович Пугачев (1922 г.р.), сын Боруха Наумовича, воевал на Ленинградском фронте, был ранен, в 1949 г. окончил военный факультет Московского института физкультуры.

³ Шмуль-Лейб Израилевич Хайкин (1902–1962), воевал на Южном и Волховском фронтах, дважды ранен, после 1945 г. работал в системе местной промышленности УССР в Одессе.

⁴ ПППШ – советский пистолет-пулемет, разработанный Г.С. Шпагиным под патрон 7,62 × 25 мм ТТ, принятый на вооружение Красной армии 21 декабря 1940 г.

⁵ Жена Хайкина – Ася Наумовна, вместе с детьми Геной (1936 г.р.) и Эрой (1929 г.р.) и двумя бабушками в 1941 г. из города Любеч Черниговской области эвакуировалась в город Черепаново Новосибирской области, дочь Эра умерла от брюшного тифа в 1942 г.

⁶ «Катюша» – неофициальное название бесствольных систем советской полевой реактивной артиллерии.

⁷ Моисей Аронович Флинк (1918 г.р.) – воентехник 2-го ранга, воевал на Сталинградском, 2-м Украинском и других фронтах, после 1945 г. – инженер-металлург.

Ефим Фих 15 мая 1943 г. послал с фронта своей жене Хане фото со словами: «На память верному другу жизни в трудные дни Великой Отечественной войны» ([Письмо Ефима Фиха, 15.05.1943](#)). Анна Владимировна Зисина, 22 мая 1944 г. снялась вместе с боевыми подругами, а фото подписала так: «Дарю на память маманьке, брату и сестренкам. Посылаю изображение моей рожицы в дни Отечественной войны с фронта, после ранения просто вышла нехорошо. Коль убьют меня, то вспоминай» ([БГАМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 4](#)).

Подписи к фото давали повод к диалогу. Лиля Левина, получив фотографию своего мужа Менделя Мовшевича Левина с фронта, писала 5 июня 1943 г.: «Спешу поделиться с тобой радостью, которую ты доставил мне сейчас. Пришла домой с работы и застала дома письмо-фотокарточку, где ты стоишь со своими бойцами на берегу реки. Трудно описать на этих несколько строчках, что пережито. Твое бледное лицо так пристально смотрит на меня и хочет мне что-то сказать» ([Письмо Лили Левиной, 5.06.1943](#)). На фотографии, которую получила Лилия от своего мужа в эвакуации в Киргизии, где она находилась с двумя детьми, рукой капитана Менделя Левина была сделана следующая надпись: «Со мной сфотографирована группа красноармейцев, бывалых солдат, которые воюют с немцами не впервые. Воевали в 1914–1917 гг., в годы Гражданской войны, некоторые были ранены в той войне, а некоторые в этой Отечественной. Большая часть – белорусы и со мной с первых дней 15 мая 1943 г.» [следует перечисление фамилий – Л.С.].

Переписывали модные штампы, которые были очень популярны – «если любишь, то храни, а если нет, то порви», или

«Если встретиться нам не придется
И настолько жестока судьба,
Пусть на память тебе остается
Неподвижная личность моя».

Фотографии содержали подписи, в которых фронтовики подводили своеобразный итог пройденного жизненного пути. Майор Михаил Абрамович¹ 1 октября 1944 г. вложил в конверт фотографию, которую подписал: «Милые мои, Моня, Женя, Рита, Боря, Зяма, Инна, Вова. Сегодня исполнилось 18 лет (восемнадцать!), как я надел эту форму. Люблю ее, как подобает офицеру, пока буду жить, не сниму ее. Сейчас 1 час ночи, пришел с совещания, понаписал вам письма, справляю свой юбилей. Любящий вас, сын, муж, папа» ([Письмо Михаила Абрамовича, 1.10.1944](#)).

Уникальное фото прислал своей жене Аделе Абрамовне сотрудник дивизионной газеты старший лейтенант Самуил Иосифович Лерман. Подпись на фотоснимке гласила: «Это кладбище немецкой части. Когда все они займут приготовленные места на кладбищах, тогда мы с победой возвратимся домой, 1943 год»². Были фотографии-реквиемы в память о самых близких людях, не вернувшихся с войны (муж, отец, сын, брат). Эти посвящения были обращены в будущее. Рая Лейбовна Гольдштейн в 1944 г. написала довоенное фото, где она была снята рядом с мужем Ароном Цесарском: «Надписываю в 1944 г., когда прошло столько времени. Так много пережито. Как для нас было не заметно счастье, как мы не ценили те счастливые дни, когда были с тобой. Теперь я одна! Как мне тяжело, когда смотрю на нашу фотокарточку. Не могу без слез думать о тебе. Как бы мы были счастливы вдвоем, имея такого чудного сыночка. Но радуюсь только я одна, а сыночек наш не знает своего папочку. Он один у меня, как красивый букетик, который украшает мою неинтересную жизнь»³. Ты мне навсегда оставил память, и этим я хоть утешаюсь»⁴ ([Письмо Раи Гольдштейн, 12.10.1944](#)).

Фотографии дарили родным и друзьям в памятные дни 8 и 9 мая 1945 г., которые по-своему символичны, или после окончания войны, когда ожидалась демобилизация и возвращение домой. Одновременно этим подчеркивался груз пережитого, боль утрат, героизм победителей. Александр Рейдман 8 мая 1945 г. послал семье свое фото со словами: «В добрую память любимым Оскару, Евочке и племянникам в день окончания Великой

¹ Майор М.А. Абрамович, начальник штаба 4-й гвардейской механизированной бригады, умер от ран 1 января 1945 г.

² Прислал Владимир Лившиц из Нацрат-Иллит 23 мая 2012 г.

³ В письме упоминается сын Александр (Неся) Аронович Цесарский, 1941 г.р.

⁴ Старший сержант Арон Наумович Цесарский (1914 г.р.) пропал без вести в ноябре 1941 г.

Отечественной войны. День победы, Братислава»¹. Евгения Моисеевна Контаржи 29 августа 1945 г. подписала фото словами из города Вальденбурга: «Моим дорогим родным! Находясь далеко от вас в какой-то серой Германии, я не перестаю скучать и думать о вас» ([Письмо Розы Хворостюк \(Рейдман\), 9.11.2012](#)).

В целом, подписи на фотографиях давали представление о культурном уровне, грамотности, кругозоре, воображении, характере человека, которому они принадлежали.

Фотографии после гибели. В случае смерти солдата, его фотографии, личные вещи, документы и деньги, отправляли семье в тыл. Об этом командир сообщал немедленно после составления официального извещения и гибели военнослужащего («похоронки»). Фотографии высылались вместе с письмами, которые хранились у умершего, или продолжали поступать на его имя после смерти. Часто фотокарточки, которые хранились у погибшего солдата, оказывались в единственном экземпляре и становились последним напоминанием о нем при жизни, превращаясь в семейную реликвию, которая бережно передавалась из поколения в поколение. В мае 1942 г. Мордехай Трайнин сообщал из Казахстана в Уфу: «Дорогие мои! Вчера мы получили открытку о трагической смерти Гриши. Что могу вам писать в утешение, когда горе так велико? Трудно описать, как ошеломило это неожиданное сообщение. Гриши нет, у нас только имеется его фотокарточка, которую мы поочередно держим, как бы прощаясь навсегда. Я себе представляю, когда Поля и Сима [сестры Рахили – Л.С.] узнают – дрожь проходит по телу, слезы туманят глаза, мешают писать. Крепитесь, мои дорогие, это общее несчастье, а, следовательно, наполовину утешение» ([Письмо Мордехая Трайнина, 10.05.1942](#)).

От человека, не пришедшего с войны, семья и его близкие хранили любые предметы, но главными навсегда оставались фотографии. Они не только напоминали родным о постигшем их горе, но и помогали сохранить облик фронтовика. Особенно важно это было для малолетних детей, которые успели забыть черты своих отцов, ушедших на фронт. Фотография оказывалось подтверждением известных слов «навечно остался молодым». Когда солдат не успел жениться, то о нем горевали только родители, если у него не было любимой девушки, то горе от этой потери удваивалось. В июне 1942 г. сотрудник редакции фронтовой газеты, где служил Лев Нехамкин, писал его жене Мэри Шифриной: «Мне, как самому близкому товарищу Вашего мужа, поручено отослать фото и деньги, которые Вы поручаете сдать в оборону страны. Я это попробую сделать, если мне удастся, а если нет, я тогда вышлю их Вам». Лева был всегда веселый, никогда при редакции он не болел ничем, все терпел, или у него ничего не болело <...> я не знал, что раньше у него были такие болезни². На передовую он сам всегда просился, ибо с нас каждый горел желанием быть там» ([Письмо из редакции газеты «За победу», июнь 1942](#)).

Настоящей трагедией оказывалось, если с войны не возвращался единственный сын. 23 февраля 1944 г. Дарья Черная писала знакомой девушке своего погибшего сына: «Дорогая Полина! Кто верит, но мертвецы с того света не возвращаются. Как бы мне хотелось, чтобы мой ненаглядный мальчик был жив, но вот уже полгода, как мы ничего не получаем от него. А вот от его части получили его вещи, т.е. письма и песни и несколько фотокарточек. Бедный мой мальчик, что мне осталось от него одни бумажки. Какое горе у меня. Вся наша надежда и жизнь была в этом сыне, но, как видно, так создано, чтобы я осталась жить на одни страдания. У меня есть Ваше письмо, где Вы писали, я его храню, т.к. в память Вы после подписали “твоя жена” – правда ли это? Как так, что не сбылись наши мечты, когда он был в Чернушке, и перед самым отъездом он мне сказал: “А жаль, тетя Даша, я Полю не застал, а мне все-таки хочется ее увидеть”! Как у меня тогда сердце сжалось, он ведь Вас любил, об этом я давно знала. Как видно – такое Ваше и мое счастье, но Вы еще молодая и друга найдете, но я уже такого сына потеряла навек!» ([Письмо Дарьи Черной, 23.02.1944](#)).

¹ Евгения Моисеевна Контаржи в 1941–1945 гг. служила военным врачом в госпиталях ([Письмо Анелии Беленькой, 17.05.2012](#)).

² По свидетельству Сергея Нехамкина, внука Льва Шахновича Нехамкина, его дедушка страдал язвой желудка и болезнью почек. Однако, несмотря на медицинские противопоказания, он настоял на своей мобилизации в Красную армию и ушел на фронт добровольцем с коммунистическим батальоном.

На войне в первую очередь погибали лучшие, наиболее достойные, цвет нации, которые первыми шагнули под огонь врага. Погибший солдат, фото которого бережно хранилось у родных, считалось личным горем семьи, тогда как на деле это было частичкой общего несчастья для всей страны. Каждая невосполнимая потеря выходила далеко за пределы отдельно взятой семьи. Понимание этого пришло с годами, когда начали ощущаться демографические последствия войны.

4. Заключение

Значение фотографии для переписки между фронтом и тылом трудно переоценить. Она сопровождала мужчин и женщин с самого начала, когда они надели военную форму, и до тех пор, пока не вернулись домой с победой через четыре года. Фотографии запечатлели на лицах людей весь груз тревоги, надежды, испытаний, разочарования, страха смерти, огромного физического и духовного напряжения. И все это, несмотря на желание выглядеть молодыми, здоровыми, энергичными, стройными, подтянутыми и оптимистичными. Четыре года испытаний сделали из юношей или подростков, вступавших в жизнь, взрослых мужчин или женщин, которые узнали себе цену и сделали все от них зависевшее, чтобы защитить тех, кто остался дома, выжить и победить.

Переписка между фронтом и тылом для человека, который годами не был дома, не могла стать полноценной без фотографий, поскольку без них трудно было хранить в памяти родной облик, к которому он неоднократно обращался. С личными фотографиями солдаты предпочитали никогда не расставаться, не держали в багаже, в обозе, не доверяли даже друзьям. Снимки из дома носили с собой, на груди, у сердца, и умирали в бою вместе с ними. Долгом чести считалось отослать домой фото погибшего вместе с личными вещами, документами и деньгами убитого, что часто сопровождалось рассказом о последнем дне и часе своего товарища.

Частное фото – это взгляд со стороны, из глубины народного сознания. В них нет общепринятых формальных штампов, каждый фотографировался так, как считал нужным по тем представлениям, которые тогда существовали. Вряд ли возможно определить, кто нуждался в фотографиях больше, фронтовики или члены их семей, друзья и родные. Скорее всего, наиболее правильным будет поставить знак равенства между этими величинами. Солдату очень трудно было воевать, не удерживая в памяти родные образы, точно также как его семье ждать, не имея перед глазами фото любимого человека.

Все дошедшие до нас частные фото были черно-белыми. Цветное фото отсутствовало как недоступная роскошь. Сам размер фотографии, как правило, не превышавший 10 x 15 см, говорит о строгой экономии фотобумаги и фотореактивов. Каждое фото имело свою историю – по заказу кого, где, когда и кем оно было выполнено. Как ждали это фото, как оно было послано, получено, принято и оценено. Вопрос о том, нужно или нет делать фото, никогда не вставал, когда появлялась такая возможность. Единственным сдерживающим фактором было опасение показаться не таким привлекательным, мужественным, красивым, уверенным, физически развитым, как это можно было представить по письмам. Фотография разоблачала, вносила в поле зрения детали и штрихи, которые участникам переписки не всегда казались уместными. Поэтому фотографий было меньше, чем можно было ожидать, ограничения существовали не только финансовые, технические, но и субъективного характера. Охотнее снимались молодые люди, чем люди старшего возраста, и тем более пожилые. Мужья снимались охотнее, чем жены, которые часто предпочитали посылать фотографии детей, чем свои собственные.

Государство с первого до последнего дня войны самоустранилось от того, чтобы помочь солдату сделать фото для его родных в тылу. Частное фото военнослужащего считалось личным делом, не принималось во внимание как неотъемлемая часть заботы о нем для сохранения душевного комфорта солдата, наравне с полноценным питанием и добротным обмундированием, медицинским обслуживанием и исправным вооружением. Тогда как солдат и гражданин делали для государства и страны все от них зависевшее, не жалея времени, здоровья, сил и самой жизни.

Фотографии играли воспитательную, педагогическую, этическую, нравственную роль и одновременно выступали как исторический источник, что стало понятно во всей полноте только после окончания войны. Обращение к фотодокументу, как свидетельству войны – это

обращение к первоисточнику. Не случайно, по образному выражению Константина Симонова, человек, который смотрит на жизнь через глазок фотоаппарата, всегда, в конечном счете, глядит через него в историю ([Антология советской фотографии, 1987: 4](#)). Мы всматриваемся в снимки людей военной поры спустя много лет и испытываем ощущение, будто лица оживают, а прошлое на какой-то миг становится настоящим. Рассказы людей о том, что они пережили на войне, становятся понятными, когда мы видим лица и глаза тех, кто остался на фото.

Историки имеют сегодня в своем распоряжении достаточно фотографий, чтобы составить объективную картину эпохальных событий 1941–1945 гг., как на фронте, так и в тылу. Однако в семейных архивах продолжает храниться еще большое количество частных фото, которые должны быть введены в научный оборот. Идентифицировать фотографии по силам только членам семей, они укажут место, время и автора съемки. Сами по себе фото мало расскажут без военных писем, знания предыстории и судьбы участников переписки. Историкам очень важны эти сведения, чтобы проследить, что стало с солдатом и его потомками, какой генетический, нравственный заряд был передан и дал всходы через детей и внуков, насколько народная память о войне имеет значение с точки зрения преемственности поколений. Именно так необходимо относиться к частному фото, которое стало неотъемлемой частью переписки военных лет.

Литература

[Антология советской фотографии, 1987](#) – Антология советской фотографии. В 3 т. Т. 2. 1941–1945. М.: Планета, 1987. 264 с.

[Бейлин, 2011](#) – *Бейлин Б.* Здравствуй, Гита (Переписка родителей Гиты Чарной и Наума Бейлин). СПб: Новый геликон, 2011. 587 с.

[БГАМЛИ](#) – Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства

[Гриф секретности снят, 1993](#) – Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Военное издательство, 1993. 423 с.

[Кропачев, Кринко, 2012](#) – *Кропачев С.А., Кринко Е.Ф.* Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 353 с.

[Письмо Абрама Лукашевского, 2.06.1942](#) – Письмо Абрама Лукашевского, 2.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Александра Зингермана, 2.02.1944](#) – Письмо Александра Хаимовича Зингермана Доре (Доне) Хаимовне Самойлович в рудник Кок-Янбак Джалалабадской области Киргизской ССР, 2.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Анатолия Авина, 20.03.1943](#) – Письмо Анатолия Авина, 20.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Анелии Беленькой 17.05.2012](#) – Письмо Анелии Самуиловны Беленькой из Берлина, 17.05.2012 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Афанасия Чернина, 9.07.1943](#) – Письмо Афанасия Савельевича (Зевелевича) Чернина Евгении Иосифовне Черниной в город Кызыл-Кия Киргизской ССР, 9.07.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Вениамина Финкельштейна, 23.02.1944](#) – Письмо Вениамина Хоновича Финкельштейна Зое Николаевне Бурденко, 23.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Вениамина Финкельштейна, 25.05.1944](#) – Письмо Вениамина Хоновича Финкельштейна Зое Николаевне Бурденко, 25.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Верютина, 1943](#) – Письмо Верютина Моисею Абрамовичу Воронову в город Куйбышев, 1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Владимира Зинченко, 24.06.1943](#) – Письмо Владимира Зинченко Доре Исааковне Лядской в город Магнитогорск, 24.06.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Георгия Павловского, 19.04.1945](#) – Письмо Григория Павловского, 19.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Давида Пинхасика, 22.04.1942](#) – Письмо Давида Пинхасика, 22.04.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Давида Пинхасика, 21.05.1944](#) – Письмо Давида Пинхасика, 21.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Давида Пинхасика, 23.09.1944](#) – Письмо Давида Пинхасика, 23.09.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Дарьи Черной, 23.02.1944](#) – Письмо Дарьи Черной из города Красноярска Полине Лукашевой в город Караганду, 23.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ефима Фиха, 15.05.1943](#) – Письмо Ефима Фиха, 15.05.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ефима Чечика, 9.02.1945](#) – Письмо Ефима Чечика из Восточной Пруссии Лене Глозман в город Житковичи Полесской области Белорусской ССР, 9.02.1945. Папка «Гительман» // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Зиновия Савиковского, 21.04.1945](#) – Письмо Зиновия (Зямы) Савиковского, 21.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Зиновия Савиковского, май 1944](#) – Письмо Зямы (Зиновия) Савиковского Риве Сосланд, май 1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо из редакции газеты «За победу», июнь 1942](#) – Письмо из редакции газеты «За победу» 226-й стрелковой дивизии на Юго-Западном фронте Мэре Гилеровне Шифриной, июнь 1942 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Изи Каплана, 7.07.1943](#) – Письмо Изи Каплана Абраму Шепельскому, 7.07.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Израиля Пинского, 28.01.1945](#) – Письмо Израиля Пинского, 28.01.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Инны Фруг, 28.03.1943](#) – Письмо Инны Фруг Екатерине Маневич в село Усть-Гаревая Добрянского района Молотовской (в настоящее время – Пермской) области, 28.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Инны Фруг, 11.02.1944](#) – Письмо Инны Фруг, 11.02.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Исаака Кагана, 5.06.1942](#) – Письмо Исаака Кагана, 5.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Исаака Кагана, 8.06.1942](#) – Письмо Исаака Рафаиловича Кагана Софье Борисовне Каган в город Пензу, 8.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Леонида Мироша, 11.02.1945](#) – Письмо Леонида Андреевича Мироша Андрею Семеновичу Мирошу в местечко Плисса Вилейской области Белорусской ССР, 11.02.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Лили Левиной, 5.06.1943](#) – Письмо Лили Левиной со станции Кара-Балты Калининского района Фрунзенской области Киргизской ССР Менделю Левину 5.06.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Нехамкина, 5.01.1942](#) – Письмо Льва Нехамкина с Юго-Западного фронта, 5.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Цепенюка, 18.01.1942](#) – Письмо Льва Владимировича (Вольфовича) Цепенюка Вольфу Цепенюку и Фейге Левиковне Кирпичниковой в поселок Луначарский города Ташкента Узбекской ССР, 18.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Льва Цепенюка, 5.08.1943](#) – Письмо Льва Владимировича (Вольфовича) Цепенюка Фейге Левиковне Кирпичниковой и Вольфу Лейбовичу Цепенюкам в Ташкент, 5.08.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 16.12.1941](#) – Письмо Любви Зантович, 16.12.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 24.01.1942](#) – Письмо Любви Зантович, 24.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 11.11.1942](#) – Письмо Любви Зантович Алесю (Айзику) Кучару, 15.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Любви Зантович, 12.12.1942](#) – Письмо Любви Зантович, 12.12.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Матвея Айзенштата, 8.03.1942](#) – Письмо Матвея Евгеньевича Айзенштата – Фиме и Грише Айзенштатам в действующую армию, 8.03.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 23.03.1942](#) – Письмо Менаше Ваила, 23.03.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 7.05.1942](#) – Письмо Менаше Ваила, 7.05.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 13.06.1942](#) – Письмо Менаше Ваила, 13.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 19.01.1943](#) – Письмо Менаше Ваила, 19.01.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 1.09.1943](#) – Письмо Менаше Ваила, 01.09.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 4.05.1944](#) – Письмо Менаше Ваила, 4.05.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 15.08.1944](#) – Письмо Менаше Ваила, 15.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Менаше Ваила, 12.01.1945](#) – Письмо Менаше Ваила, 12.01.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Абрамовича, 1.10.1944](#) – Письмо Михаила Абрамовича, 1.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 5.03.1944](#) – Письмо Михаила (Моисея) Гинзбурга, 5.03.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 13.04.1944](#) – Письмо Моисея Гинзбурга, 13.04.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 1.05.1945](#) – Письмо Михаила (Моисея) Гинзбурга, 1.05.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Михаила Гинзбурга, 22.05.1945](#) – Письмо Михаила Гинзбурга, 22.05.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Миши Наймана, 1.02.1942](#) – Письмо Миши (Шая) Гиршевича Наймана Бизе Фроимовне Перепечай в Новосергеевский район Чкаловской (в настоящее время – Оренбургской) области, 1.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Моисея Флинка, 10.10.1942](#) – Письмо Моисея Ароновича Флинка Клавдии Ароновне Флинка в Андижан (Узбекистан), 10.10.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Мордехая Трайнина, 10.05.1942](#) – Письмо Мордехая Трайнина со станции Мерке Джамбульской области Казахской ССР Евно Хаимовичу Айзенштату и Рахили Янкелевне Айзенштат (Трайниной) в Уфу, 10.05.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Натана Воронова, 12.02.1943](#) – Письмо Натана Воронова, 12.02.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Натана Воронова, 13.04.1945](#) – Письмо Натана Воронова, 13.04.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 17.07.1941](#) – Письмо Наума Бейлина, 17.07.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 5.02.1942](#) – Письмо Наума Бейлина, 5.02.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 4.11.1942](#) – Письмо Наума Бейлина, 4.11.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Бейлина, 30.09.1944](#) – Письмо Наума Бейлина, 30.09.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Кунина, 8.08.1944](#) – Письмо Наума Кунина, 8.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Наума Кунина, 1944](#) – Письмо Наума Кунина, 1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Николая Лазюка, 25.09.1941](#) – Письмо Николая Лазюка, 25.09.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Николая Лазюка, 8.08.1942](#) – Письмо Николая Лазюка, 8.08.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Николая Тельжинского, 14.10.1941](#) – Письмо Николая (Ноаха) Тельжинского Эмме Ульман в город Котельнич Кировской области, 14.10.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Полины Лукашевской, 15.12.1943](#) – Письмо Полины Иосифовны Лукашевской из города Караганды Казахской ССР Александру Шойловичу Черному, 15.12.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Ривы Ройтенберг, 30.11.1942](#) – Письмо Ривы Петровны Ройтенберг из Уфы Маркусу Давидовичу Шмуйльскому в действующую армию, 30.11.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Розы Хворостюк \(Рейдман\), 9.11.2012](#) – Письмо Розы Александровны Хворостюк (Рейдман), 9.11.2012 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Семена Литвина, 17.07.1941](#) – Письмо Семена Моисеевича Литвина Бейле Михайловне Берест в город Харьков, 17.07.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Сергей Дрейзина, 14.01.1942](#) – Письмо Сергей Дрейзина, 14.01.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Сергея Дрейзина, 15.05.1942](#) – Письмо Сергея Дрейзина, 15.05.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 13.06.1942](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 13.06.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 18.03.1944](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 18.03.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 11.08.1944](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 11.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Соломона Канцедикаса, 16.10.1944](#) – Письмо Соломона Канцедикаса, 16.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 30.11.1943](#) – Письмо Шеваха Лapidуса, 30.11.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шеваха Лapidуса, 26.10.1944](#) – Письмо Шеваха Лapidуса, 26.10.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Шимшон Контуашвили, 24.10.1943](#) – Письмо Шимшона Шамаевича Контуашвили, 24.10.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944](#) – Письмо Элишевы Канцедикас, 18.06.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Элишевы Канцедикас, 20.11.1944](#) – Письмо Элишевы Канцедикас из города Вильнюса, 20.11.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Элишевы Канцедикас, 19.03.1945](#) – Письмо Элишевы Канцедикас, 19.03.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юлия Аронсона, 5.05.1943](#) – Письмо Юлий Павловича Аронсона Эйдли-Риве Ицковнае Казимировской в город Москву, 5.05.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юрия Пинского, 7.08.1942](#) – Письмо Юрия Хацкелевича Пинского Гисе Исааковне Пинской в город Копейск Челябинской области, 7.08.1942 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Юрия Пинского, 16.01.1945](#) – Письмо Юрия Пинского, 16.01.1945 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 1.09.1941](#) – Письмо Якова Скульского Гене Брехман, 1.09.1941 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Скульского, 31.08.1944](#) – Письмо Якова Скульского, 31.08.1944 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Спивака, 9.10.1943](#) – Письмо Якова Иосифовича Спивака Иосифу Бенционовичу Спиваку в село Бегум Саров Тертерского района Азербайджанской ССР 9.10.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письмо Якова Эпштейна, 9.03.1943](#) – Письмо Якова Эпштейна, 9.03.1943 // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Смиловицкий, 1988–2017](#) – *Смиловицкий Л.* Из опыта пережитого. Воспоминания. Иерусалим: Цур Отг, 1988–2017. 193 с.

[ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

References

[Antologiya sovetskoj fotografii, 1987](#) – Antologiya sovetskoj fotografii (1987) [Anthology of Soviet photography]. In 3 vol. Vol. 2. 1941–1945. Moscow: Planeta, 264 p. [in Russian]

[Beilin, 2011](#) – *Beilin B.* (2011) *Zdravstvuj, Gita* (Perepiska roditel'ej Gity Charnoj i Nauma Bejlin) [Hello, Gita (Correspondence between parents Gita Charny and Naum Beilin)]. St. Petersburg: Novyj gelikon, 587 p. [in Russian]

[BGAMLI](#) – Belorusskij gosudarstvennyj arhiv-muzej literatury i iskusstva [Belarusian State Archives Museum of Literature and Art]

[Grif sekretnosti snyat, 1993](#) – Grif sekretnosti snyat: Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boevykh deistviyakh i konfliktakh. Statisticheskoe issledovanie (1993) [The neck of secrecy is removed: Loss of the USSR Armed Forces in wars, hostilities and conflicts. Statistical study]. Ed. G.F. Krivosheev. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 423 p. [in Russian]

[Kropachev, Krinko, 2012](#) – *Kropachev S.A., Krinko E.F.* Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya (2012) [The loss of the population of the USSR in 1937–1945: the scale and shape. Domestic historiography]. Moscow: ROSSPEN, 353 p. [In Russian]

[Pis'mo Abrama Lukashevskogo, 2.06.1942](#) – Letter from Abram Lukashevsky, June, 2, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Aleksandra Zingermana, 2.02.1944](#) – Letter from Alexander Haimovich Zingerman to Dora (Donya) Haimovna Samoilovich to Kok-Yangak mine, Jalalabad region, Kirghiz SSR, February, 2, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Anatoliya Avina, 20.03.1943](#) – Letter from Anatoly Avin, March, 20, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Anelii Belen'koi, 17.05.2012](#) – Letter from Anelia Samuilovna Belenkaya's from Berlin, May, 17, 2012. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Afanasiya Chernina, 9.07.1943](#) – Letter from Afanasy Savelievich (Zevelevich) Chernin to Evgenia Iosifovna Chernina in town Kyzyl-Kiya Kirghiz SSR, July, 9, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Veniamina Finkel'shteina, 23.02.1944](#) – Letter from Veniamin Khonovich Finkelstein to Zoya Nikolaevna Burdenko, February, 23, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Veniamina Finkel'shteina, 25.05.1944](#) – Letter from Veniamin Khonovich Finkelstein to Zoya Nikolaevna Burdenko, May, 25, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Veryutina, 1943](#) – Veryutin's letter to Moses Abramovich Voronov in city Kuibyshev, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Vladimira Zinchenko, 24.06.1943](#) – Letter from Vladimir Zinchenko to Dora Isaakovna Lyadskaya in town Magnitogorsk, June, 24, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Georgiya Pavlovskogo, 19.04.1945](#) – Letter from George Pavlovsky, April, 19, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Davida Pinkhasika, 22.04.1942](#) – Letter from David Pinkhasik, April, 22, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Davida Pinkhasika, 21.05.1944](#) – Letter from David Pinkhasik, May, 21, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Davida Pinkhasika, 23.09.1944](#) – Letter from David Pinkhasik, September, 23, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Dar'i Chernoi, 23.02.1944](#) – Letter from Darya Chernaya in city Krasnoyarsk to Polina Lukashhevskaya in city Karaganda, February, 23, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Efima Fikha, 15.05.1943](#) – Letter of Efim Fih, May, 15, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Efima Chechika, 9.02.1945](#) – Letter from Efim Chechik in East Prussia to Lena Glozman in town Zhitkovichi, Polesia region, Byelorussian SSR, February, 9, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Zinoviya Savikovskogo, 21.04.1945](#) – Letter from Zinovy (Zyama) Savikovsky, April, 21, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Zinoviya Savikovskogo, май 1944](#) – Letter from Zinovy (Zyama) Savikovsky to Riva Sosland, May, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo iz redaktsii gazety "Za pobedu", iyun' 1942](#) – Letter from the editorial office of the newspaper "For the Victory" of the 226th Infantry Division on the South-Western Front to Mjera

Gilerovna Shifrina, June, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izi Kaplana, 7.07.1943](#) – Letter from Easy Kaplan to Abram Shepelsky, July, 7, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Izrailya Pinskogo, 28.01.1945](#) – Letter from Israel Pinsky, January, 28, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Inny Frug, 28.03.1943](#) – Letter from Inna Frug to Ekaterina Manevich in village Ust-Garevaya, Dobriansky District, Molotov (currently – Perm) Region, March, 28, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Inny Frug, 11.02.1944](#) – Letter from Inna Frug, February, 11, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Isaaka Kagana, 5.06.1942](#) – Letter from Isaac Kagan, June, 5, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Isaaka Kagana, 8.06.1942](#) – Letter from Isaac Kafan to Sofia Borisovna Kagan in city Penza, June, 8, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Leonida Mirosha, 11.02.1945](#) – Letter from Leonid Andreyevich Mirosh to Andrei Semenovich Mirosh in town Plissa, Vileika Regon, Byelorussian SSR, February, 11, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lili Levinoi, 5.06.1943](#) – Letter from Lily Levina in village Kalininskoe, Kalininsky District, Frunze Region, Kara-Balty station Kirghiz SSR, to Mendel Levin, June, 5, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo L'va Nekhamkina, 5.01.1942](#) – Letter from Lev Nehamkin in the South-Western Front, January, 5, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo L'va Tsepenyuka, 18.01.1942](#) – Letter from Lev Vladimirovich (Wolfovich) Tsepenyuk to Wolf Tsepenyuk and Feiga Kirpichnikova in village Lunacharskoe, city Tashkent, January, 18, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo L'va Tsepenyuka, 5.08.1943](#) – Letter from Lev Vladimirovich (Wolfovich) Tsepenyuk to Feiga Levikovna and Wolf Leybovich Tsepenyuk in city Tashkent, August, 5, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 16.12.1941](#) – Letter from Lyubov Zantovich, December, 16, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 24.01.1942](#) – Letter from Lyubov Zantovich, January, 24, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 11.11.1942](#) – Letter from Lyubov Zantovich to Ales' (Aizik) Kuchar, February, 15, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori

pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Lyubovi Zantovich, 12.12.1942](#) – Letter from Lyubov Zantovich, December, 12, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Matveya Aizenshtata, 8.03.1942](#) – Letter from Matvey Evgenievich Aizenshtat to Fima and Grisha Aizenshtat in the Army, March, 8, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 23.03.1942](#) – Letter from Menashe Vail, March, 23, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 7.05.1942](#) – Letter from Menashe Vail, May, 7, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 13.06.1942](#) – Letter from Menashe Vail, June, 13, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 19.01.1943](#) – Letter from Menashe Vail, January, 19, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 1.09.1943](#) – Letter from Menashe Vail, September, 1, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 4.05.1944](#) – Letter from Menashe Vail, May, 4, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 15.08.1944](#) – Letter from Menashe Vail, August, 15, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Menashe Vaila, 12.01.1945](#) – Letter from Menashe Vail, January, 12, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Abramovicha, 1.10.1944](#) – Letter from Mikhail Abramovich, October, 1, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 5.03.1944](#) – Letter from Michael (Moses) Ginzburg, March, 5, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 13.04.1944](#) – Letter from Michael (Moses) Ginzburg, April, 13, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 1.05.1945](#) – Letter from Michael (Moses) Ginzburg, May, 1, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mikhaila Ginzburga, 22.05.1945](#) – Letter from Michael Ginzburg, May, 22, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mishi Naimana, 1.02.1942](#) – Letter from Misha (Shay) Girshovich Naiman to Biza Froimovna Perepechay in Novosergievsky District, Chkalov (currently – Orenburg) Region,

February, 1, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Moiseya Flinka, 10.10.1942](#) – Letter from Moses Aronovich Flink to Claudia Aronovna Flink in city Andijan Uzbek SSR, October, 10, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Mordekhaya Trainina, 10.05.1942](#) – Letter from Mordechai Trainin in station Merke, Dzhabul Region Kazakh SSR to Yevno Khaimovich Aizenshtat and Rakhili Yankelevna Aizenshtat (Trainina) in city Ufa, May, 10, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Natana Voronova, 12.02.1943](#) – Letter from Natan Voronov, March, 12, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Natana Voronova, 13.04.1945](#) – Letter from Natan Voronov, April, 13, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 17.07.1941](#) – Letter from Naum Beilin, July, 17, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 5.02.1942](#) – Letter from Naum Beilin, February, 5, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 4.11.1942](#) – Letter from Naum Beilin, November, 4, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Beilina, 30.09.1944](#) – Letter from Naum Beilin, September, 30, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Kunina, 8.08.1944](#) – Letter from Naum Kunin, August, 8, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nauma Kunina, 1944](#) – Letter from Naum Kunin, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nikolaya Lazyuka, 25.09.1941](#) – Letter from Nikolai Lazuk, September, 25, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nikolaya Lazyuka, 8.08.1942](#) – Letter from Nikolai Lazuk, August, 8, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Nikolaya Tel'zhinskogo, 14.10.1941](#) – Letter from Nikolai (Noah) Telzhinsky to Emma Ulman in town Kotelnich, Kirov Region, October, 14, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Poliny Lukashevskoi, 15.12.1943](#) – Letter from Polina Iosifovna Lukashevskaya in city Karaganda Kazakh SSR to Alexander Shoylovich Cherny, December, 15, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Rivy Roitenberg, 30.11.1942](#) – Letter from Riva Petrovna Reutenberg in city Ufa to Markus Davidovich Shmulsky in the Army, November, 30, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Rozy Khvorostyuk \(Reidman\), 9.11.2012](#) – Letter from Rosa Alexandrovna Hovorostuk (Reidman), November, 9, 2012. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Semena Litvina, 17.07.1941](#) – Letter from Semen Moiseevich Litvin to Beylf Mikhailovna Berest to city Kharkov, July, 17, 1941. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Sergei Dreizina, 14.01.1942](#) – Letter from Sergey Dreyzin, January, 14, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Sergei Dreizina, 15.05.1942](#) – Letter from Sergey Dreyzin, May, 15, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 13.06.1942](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, June, 13, 1942. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 18.03.1944](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, March, 18, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 11.08.1944](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, August, 11, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shimshon Kontuashvili, 24.10.1943](#) Letter from Shimshon Shamaevich Kontashashvili, October, 24, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Solomona Kantsedikasa, 16.10.1944](#) – Letter from Solomon Kantsedicas, October, 16, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Shevakhya Lapidusa, 30.11.1943](#) – Letter from Shevah Lapidus, November, 30, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Elishevy Kantsedikas, 18.06.1944](#) – Letter from Elisheva Kantsedikas, June, 18, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Elishevy Kantsedikas, 20.11.1944](#) – Letter from Elisheva Kantsedikas in Vilnius, November, 20, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time on the “in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Elishevy Kantsedikas, 19.03.1945](#) – Letter from Elisheva Kantsedikas, March, 19, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yuliya Aronsona, 5.05.1943](#) – Letter from Yuli Pavlovich Aronson to Eidley-Riva Itskovnae Kazimirovskaya to Moscow, May, 5, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'mo Yuriya Pinskogo, 7.08.1942](#) – Letter from Yuri Khatskelevich to Gise Pinsky Isaakovne Pinskaya in town Kopeisk Chelyabinsk Region, July, 7, 1942. Arkhiv voennykh pisem

Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yuriya Pinskogo, 16.01.1945](#) – Letter from Yuri Pinsky, January, 16, 1945. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 1.09.1941](#) – Letter from Jacob Skulsky to Genya Brohman, September, 1, 1941 // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Skul'skogo, 31.08.1944](#) – Letter from Jacob Skulsky, August, 31, 1944. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters of the the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Spivaka, 9.10.1943](#) – Letter from Jacob Iosifovich Spivak to Joseph Benzionovich Spivak on station Yevlakh, in village Begum Sarov, Terter District Azerbaijan SSR, October, 9, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Pis'mo Yakova Epshteina, 9.03.1943](#) – Letter from Jacob Epstein, March, 9, 1943. Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diasporы pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

[Smilovitskii, 1988–2017](#) – *Smilovitskii L.* (1988–2017). Iz opyta perezhitogo. Vospominaniya [From the experience experienced. Memories. Ierusalim: Tsur Ott, 193 p. [in Russian]

[TsAMO RF](#) – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]

«Фото – самая большая радость...». Роль фотографии в переписке между фронтом и тылом. По страницам писем и дневников 1941–1945 гг. Часть 2

Смиловицкий Леонид Львович ^{a *}

^a Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена редкой теме изучения роли фотографии в переписке между фронтом и тылом как историческому источнику. Государство и гражданин по-разному оценивали свое отношение к фотографии. Фото на войне одновременно могло выступать не только в роли свидетеля, но и обвинителя. Солдаты и командиры и их семьи придавали фото исключительное значение. Фото дорожили больше, чем письмами и обязательно хранили. Фотографии брали в дорогу даже, когда не хватало времени на сборы, их место было рядом с документами, деньгами и скромным запасом вещей и провизии в ручной клади. Солдаты носили фото родных и близких в кармане гимнастерки у сердца или в вещмешке за спиной. Освещение обстоятельств, в которых солдаты и командиры Красной армии делали и посылали фото домой, родным, друзьям и соседям, товарищам по оружию рисуют правдивую картину военной повседневности, дают необходимые детали для понимания поведения человека на войне, раскрывают его внутренний мир. Статья написана на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в 2012–2017 гг. и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: евреи и Красная армия, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, фотография, военно-полевая почта, военная повседневность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(1): 64-73

DOI: 10.13187/rs.2019.1.64
www.ejournal15.com

The Activities of the Regional Authorities on the Memorialization of the Places of the Military Glory in the South of Russia in 2017–2019 (on the Example of the Rostov Region)

Vladimir I. Afanasenko ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The Rostov Region for two years, from the autumn of 1941 until the autumn of 1943, was the site of the decisive battles of the Great Patriotic War at its most critical stage. The memorialization of the military history of the Rostov region has a systemic, multi-level character. On March 1, 2017, the Legislative Assembly of the Rostov Region adopted with the aim to preserve the historical memory of the nationwide feat and the glory of the Don the regional law No. 1012-ZS “On the honorary titles of the Rostov Region: ‘The City of Military Valor’, ‘The Settlement of Military Valor’, and ‘The Line of Military Valor’”. The main goal of this regional law was to give a new impulse to the patriotic education of children and young people in the Rostov region on the examples from the deep and recent history of each municipality. This article discusses the implementation of the law “On the honorary titles of the Rostov region” in 2017–2019.

Keywords: Great Patriotic War, Don's military glory, honorary titles, historical memory, memorialization, Rostov region.

1. Введение

В СССР особо отличившимся городам за массово проявленные мужество и героизм их защитников присваивали звание «Города-героя» Сейчас таких городов в Российской Федерации – 9, в том числе 4 на юге страны: Волгоград, Керчь, Новороссийск, Керчь и Севастополь. Мемориальные практики в них и социальные функции мемориальных сооружений выступают предметом специального изучения (Попов, Романько, 2019).

В 2006 г. в Российской Федерации было учреждено новое почетное звание «Город воинской славы». Звание «Город воинской славы» присваивается тем городам Российской Федерации, где в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм. В настоящее время это звание присвоено 45 городам. Последними его получили в апреле 2015 г. города Старая Русса, Грозный, Гатчина, Петрозаводск и Феодосия.

В преддверии празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне ряд регионов приняли свои законы, вводящие новые почетные звания: «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести». Пионерами выступили депутаты Законодательного Собрания Калужской области, которые

* Corresponding author

E-mail addresses: af521735@yandex.ru (V.I. Afanasenko)

1 июля 2013 г. приняли областной закон № 443-ОЗ. Через год, 31 июля, эту инициативу подхватили законодатели Воронежской области. В 2015 г. соответствующие нормативные акты появились в Рязанской (№8-ОЗ от 19 марта 2015 г.), Московской (№68/2015-ОЗ от 20 апреля 2015 г.), Смоленской, Мурманской, Липецкой, Орловской, Тульской (№2312-ЗТО) областях. В 2016 г. нормативные акты о почетных званиях были приняты Законодательными Собраниями в Тверской (4 августа 2016 г.) и Ленинградской (№095-ОЗ от 2 декабря 2016 г.) областях.

На заседании Совета законодателей Центрального федерального округа в Суздале 11 февраля 2015 г. председатель Законодательного Собрания Калужской области Виктор Бабурин рассказал о предпринимаемых в регионе мерах по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. В частности, о принятом областном законе о патриотическом воспитании молодежи, о введении на уровне региона почетных званий «Населенный пункт воинской доблести» и «Рубеж воинской доблести», а также об официальном празднике – Дне освобождения Калужской области от немецко-фашистских захватчиков. Первые почетные звания «Город воинской доблести» в Калужской области были присвоены Сухиничам и Юхнову в 2013 г. 16 апреля 2015 г. на сессии областного парламента звание «Город воинской доблести» было присвоено городам Кирову и Людинову ([Не слава – так доблесть](#)).

2. Материалы и методы

Основой для подготовки статьи стали нормативно-правовые акты, принятые Законодательным Собранием и Администрацией Ростовской области, справочные и другие материалы областной комиссии по присвоению населенным пунктам Ростовской области почетных званий «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести», публикации в печатных и электронных СМИ, а также собственный опыт работы автора в составе указанной комиссии в 2017–2019 гг. Принцип историзма позволил рассмотреть деятельность ростовских областных органов власти по мемориализации мест ратной славы в контексте современных процессов, происходящих на Юге России. При подготовке статьи автор использовал сравнительно-исторический метод анализа складывающихся мемориальных практик и проблемно-хронологический метод изложения материала.

3. Обсуждение и результаты

Ростовская область в годы Великой Отечественной войны стала местом ожесточенных сражений. На фронт ушли 665 тысяч жителей области. Среди многих соединений, сформированных на донской земле, особенно прославились 339-я Ростовская Таманская Бранденбургская Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия и 5-й гвардейский Донской казачий Будапештский Краснознаменный кавалерийский корпус. Война нанесла огромный урон жителям и хозяйству области. С полей сражений не вернулось 324 549 наших земляков ([Ростовская область. 70 лет созидания, 2007: 51](#)). 280 уроженцев Дона стали Героями Советского Союза, пять воинов удостоены этого звания дважды, а Маршал Советского Союза С.М. Буденный стал трижды Героем Советского Союза. Пятьдесят семь наших земляков стали полными кавалерами ордена Славы. За мужество и стойкость, проявленные трудящимися Ростова-на-Дону в годы войны, и успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, 25 февраля 1982 г. город был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. 5 мая 2008 г. Ростову-на-Дону, а 23 февраля 2012 г. Таганрогу были присвоены почетные звания «Городов воинской славы».

На территории области в течение двух лет, с осени 1941 г. и до осени 1943 г., гремели решающие сражения Великой Отечественной войны на самом критическом ее этапе. По интенсивности боевых действий и количеству задействованных войск и боевой техники в сражениях на территории области в 1941-1943 гг. аналогов в истории Великой Отечественной войны нет. На донской земле были проведены десять стратегических оборонительных и наступательных операций советских войск: Ростовская оборонительная и Ростовская наступательная операции 1941 г., Донбасско-Ростовская оборонительная, Сталинградская оборонительная и Сталинградская наступательная операции, Северо-Кавказская наступательная операция «Дон», Ростовская, Миллерово-Ворошиловградская,

Миусская и Донбасская наступательные операции в 1942–1943 гг. Потери противоборствующих сторон в сражениях на территории Ростовской области исчисляются многими сотнями тысяч убитыми и умершими от ран.

Даже семьдесят пять лет спустя на территории области сохраняются следы боев, «шрамы войны» – остатки противотанковых рвов, линии траншей, следы окопов и блиндажей, воронки, мотки колючей проволоки. Сохраняется и притаившаяся смерть в виде тысяч взрывоопасных предметов – мин, снарядов, бомб и других боеприпасов, что загружает опасной работой профессиональных саперов Вооруженных Сил Российской Федерации и Министерства по чрезвычайным ситуациям России, специалистов поисковых объединений и отрядов, вот уже третье десятилетие проводящих Вахты Памяти на полях отгремевших сражений. Ежегодно пополняется новыми именами областная Книга Памяти о воинах-земляках, не вернувшихся с огненных полей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В рамках содействия реализации государственной программе патриотического воспитания граждан Российской Федерации и сохранения мемориальной памяти о ратной славе Отечества, в Ростовской области сформировалась стройная система взаимодействия государственных структур и общественных патриотических организаций по увековечиванию памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны. В эту благородную работу включены сотни военно-патриотических групп, отрядов, клубов при учебных заведениях области (казацких кадетских корпусах, суворовских училищах, лицеях, гимназиях, школах, средних специальных и высших учебных заведениях), поисковые объединения «Память-Поиск» и «Миус-фронт» во главе с В.К. Щербановым и А.Ю. Кудряковым, Донской военно-исторический музей с уникальной коллекцией военной техники и оружия во главе с его создателем и директором И.Ю. Стреляевым, десятки военно-исторических клубов и отрядов, организации ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, ветеранов войны в Афганистане и участников боевых действий, казачья организация «Православное войско казаков Дона», ростовская региональная общественная организация «Ветераны специальных подразделений», ростовская городская общественная организация ветеранов МВД, организации ветеранов боевых действий на Кавказе и в других горячих точках, Росвоенцентр, патриотическое движение молодежи «Юнармия» и другие общественно-патриотические организации. С 2009 г. активную работу с поколением XXI в. проводит Ростовский духовно-патриотический центр святого Георгия Победоносца во главе с иеромонахом Валерием Волощуком и поэтом-казаком В.И. Чуцковым.

16 февраля 2017 г. Законодательное собрание Ростовской области приняло закон № 1012-ОЗ «О почетных званиях Ростовской области: “Город воинской доблести”, “Населенный пункт воинской доблести”, “Рубеж воинской доблести”». В пунктах 1 и 2 статьи первой этого закона изложены механизм его реализации, цели и основания для присвоения почетных званий – сохранение и увековечивание памяти о подвигах российских воинов, павших при защите Отечества, и, в первую очередь, подвигах советских воинов, советских граждан, отстаивавших свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Закон устанавливает правовые основы присвоения населенным пунктам Ростовской области почетных званий по трем вышеуказанным категориям. Почетные звания получают те населенные пункты, на территории которых либо в непосредственной близости от которых в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм ([Закон Ростовской области](#)).

31 марта 2017 г. в Доме офицеров Южного военного округа на расширенном заседании Комитета по законодательству донского парламента прошло обсуждение мер по реализации принятого закона. Заместитель председателя Законодательного Собрания области – председатель комитета по законодательству, государственному строительству и правопорядку И.В. Рукавишникова отметила, что главная цель данного закона – придание нового импульса патриотическому воспитанию детей и молодежи в Ростовской области на примерах из глубокой и недавней истории каждого муниципального образования. Одним из основных вопросов расширенного заседания комитета стало обсуждение того, какие именно исторические события могут послужить основанием для присвоения территориям региона одного из трех почетных званий – «Город воинской

доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести». В ходе развернувшейся дискуссии выяснилось, что каждый город, районный центр, село, станица, хутор Ростовской области имеют свои конкретные заслуги в ратной истории Дона. В конечном итоге было принято решение о том, чтобы первые территории воинской доблести на карте Ростовской области появились ко Дню Победы 9 мая 2017 г. В дальнейшем ходатайства о присвоении почетных званий должны приниматься специально созданной комиссией ежегодно, до 1 марта. В год планируется присваивать по одному почетному званию каждой категории. В обсуждении приняли участие представители администрации области, органов местного самоуправления, журналисты, авторитетные ученые-историки, краеведы ([Территории воинской доблести Дона](#)).

Как отметил заместитель губернатора Ростовской области – руководитель аппарата Правительства Ростовской области В.В. Артемов: «Губернатор распорядился сделать процедуру присвоения почетных званий предельно взвешенной и тщательно продуманной. На Дону много достойных городов, станиц и сел, которые по праву могут носить это звание. И работу с ними следует вести, учитывая мнение всех заинтересованных лиц, в том числе историков, ветеранов, поисковиков, представителей краеведческих музеев» ([Миллерово может стать городом воинской доблести](#)). Объективный подход к рассмотрению справок-обоснований стал принципом работы экспертной группы ученых-историков, вошедших в состав комиссии по присвоению населенным пунктам области почетных званий. Практически единодушным было мнение экспертного сообщества, какому населенному пункту быть первым «Городом воинской доблести»: «Многие эксперты были единодушны во мнении, что первым из донских населенных пунктов, заслуживающих этого статуса, является Азов. За почти тысячелетие своего существования старейший город Ростовской области не раз становился местом сражений, многие из которых меняли ход мировой истории», – говорится в сообщении пресс-службы администрации города ([Азову присвоили звание](#)).

Принятие закона «О почетных званиях Ростовской области» было принято на ура населением донского края и вызвало своеобразное соревнование между администрациями городов и муниципальных образований в подготовке и подаче заявок на первоочередное присвоение почетного звания. В течение нескольких месяцев после принятия закона № 1012-ОЗ в отдел наград управления по кадровой работе Правительства Ростовской области поступило 34 ходатайства со справками-обоснованиями. С учетом того факта, что в Ростовской области 43 сельских района и 9 городов, имеющих право претендовать на присвоение почетного звания, это количество заявок стало серьезной нагрузкой для историков-экспертов. Архитекторами были разработаны типовые знаки «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» для установки их в течение года в населенных пунктах, удостоенных этого почетного звания.

5 апреля 2017 г. на официальном сайте администрации Ростовской области было опубликовано «Положение об областной комиссии по присвоению населенным пунктам Ростовской области почетных званий “Город воинской доблести”, “Населенный пункт воинской доблести”, “Рубеж воинской доблести”», утвержденное Постановлением № 263 правительства региона. Это Положение определяет порядок деятельности комиссии, которая является совещательным органом, образованным для рассмотрения ходатайств о присвоении населенным пунктам Ростовской области почетных званий. Комиссия рассматривает внесенные губернатору Ростовской области ходатайства муниципальных образований о присвоении почетного звания и прилагаемые к ним документы, представляет губернатору мотивированные предложения о присвоении почетного звания или отклонении такого ходатайства, а также утверждает рекомендации по внешнему облику памятных знаков, связанных с присвоением населенным пунктам Ростовской области почетных званий Ростовской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести». Заседания комиссии считаются правомочными, если в них участвует более половины от общего числа ее членов. Решение принимается большинством голосов членов комиссии путем открытого голосования. Решение комиссии закрепляется в протоколе ее заседания, который подписывается председательствующим на заседании и секретарем комиссии. В протоколе заседания комиссии указываются: дата, время и место проведения заседания комиссии; имена и должности участвовавших в

заседании членов комиссии и иных приглашенных лиц; принятые решения по вопросу присвоения почетного звания. В случае принятия решения об отклонении ходатайства о присвоении почетного звания комиссия направляет главе местной администрации, внесшему ходатайство, мотивированное заключение о его отклонении. Организационно-техническое обеспечение деятельности комиссии (рассылка документов, назначение места и даты заседаний, сроки подачи экспертных заключений) осуществляет отдел наград управления по кадровой работе правительства Ростовской области ([Положение об областной комиссии](#)). В состав комиссии вошли 22 человека: восемь представителей законодательной и исполнительной власти области, восемь авторитетных ученых-историков и известных краеведов, руководители ветеранских организаций.

26 апреля 2017 г. комиссия по присвоению почетных званий территориям воинской доблести региона единогласно поддержала ходатайства семи муниципальных образований и направила на утверждение губернатору Ростовской области первых трех претендентов. Первым «Городом воинской доблести» в Ростовской области стал Азов, «Населенным пунктом воинской доблести» — станица Тацинская, а «Рубежом воинской доблести» — линия Миус-фронта (села Вареновка — Самбек — Советка Неклиновского района, районные центры Матвеев Курган и Куйбышево).

Как следует из представленных наградных документов, город Азов на протяжении XVII–XX вв. неоднократно становился местом кровопролитных сражений во многих войнах с Османской империей и другими государствами, в том числе и во время Великой Отечественной войны, являя примеры воинской доблести и массового мужества.

На территории Тацинского района и непосредственно в станицу Тацинскую в декабре 1942 г. был совершен легендарный рейд 24-го танкового корпуса под командованием генерала В.М. Баданова. Его итогом стало уничтожение крупнейшей авиабазы Люфтваффе, снабжавшей боеприпасами и провиантом окруженную под Сталинградом группировку Ф. Паулюса. Уже в декабре 1942 г. за этот рейд танковый корпус стал 2-м гвардейским и получил почетное звание «Тацинского» ([Миллерово может стать городом воинской доблести](#)).

Приоритет в присвоении почетного звания «Рубеж воинской доблести» населенным пунктам на линии Миус-фронта связан с длительностью и масштабностью сражений, огромными потерями противоборствующих сторон на этой территории. 445 суток, в октябре-декабре 1941 г., с января до середины июля 1942 г., с середины февраля до 30 августа 1943 г. на этом кровавом рубеже шли ожесточенные бои. 104 км хорошо оборудованной в инженерном отношении полевой обороны на южных отрогах Донецкого кряжа, на высотах вдоль западного берега реки Миус, от города Красный Луч до Таганрогского залива Азовского моря, стали местом последнего упокоения для 120 тысяч военнослужащих вермахта и их союзников — словаков, венгров, итальянцев, румын — и братской могилой для 280 тысяч воинов Красной армии, для тысяч мирных жителей примиусских сел и хуторов, оказавшихся на линии огня в собственном доме и подворье. Общие потери советских войск на Миус-фронте превысили 833 тысячи солдат и офицеров ([Матишов, Афанасенко, Кринко, 2011](#)).

К маю 2019 г., в рамках реализации вышеуказанного закона, почетных званий Ростовской области «Город воинской доблести» были удостоены города: Азов (Указ губернатора Ростовской области от 2 мая 2017 г. № 38); Миллерово (Указ губернатора Ростовской области от 26 апреля 2018 г. № 22); Белая Калитва (Указ губернатора Ростовской области от 29 апреля 2019 г. № 33). Населенными пунктами воинской доблести стали станица Тацинская, (Указ губернатора Ростовской области от 2 мая 2017 г. № 38) и поселок Чертково (Указ губернатора Ростовской области от 29 апреля 2019 г. № 33). Почетное звание «Рубеж воинской доблести» получили село Куйбышево Куйбышевского района ([Рисунок 1](#)), поселок Матвеев Курган Матвеево-Курганского района, села Вареновка, Самбек, слобода Советка Неклиновского района (Указ губернатора Ростовской области 2 мая 2017 г. № 38), поселок Войково, хутор Красновка, поселок Тарасовский Тарасовского района, станица Вешенская, станица Еланская Шолоховского района (Указ губернатора Ростовской области от 26 апреля 2018 г. № 22), станицы Боковская и Каргинская Боковского района (Указ губернатора Ростовской области от 29 апреля 2019 г. № 33).

В июле 1942 г. и в январе 1943 г. на территории Миллеровского района происходили ожесточенные бои. Отсюда началась Миллерово-Ворошиловградская наступательная операция по освобождению Донбасса и восточной Украины. В период временной оккупации (15 июля 1942 г. – 17 января 1943 г.) жители города проявили массовый героизм и самоотверженность. Всего миллеровцы потеряли в годы Великой Отечественной войны 8843 человека. Миллеровская земля во время войны дала стране тринадцать героев Советского Союза и пять полных кавалеров ордена Славы.

В Великую Отечественную войну, с 20 июля 1942 г. по 19 января 1943 г., рабочий поселок Белая Калитва находился в оккупации. Освобождение проходило в ходе наступления войск Юго-Западного фронта. В январе 1943 г., освобождая Белую Калитву, конногвардейцы сабельного эскадрона под командованием Аннаклыча Атаева из 112-й Башкирской кавалерийской дивизии ценой жизни отстояли отбитую у врага важную высоту, ныне именуемую высотой Бессмертия. Командиру сабельного эскадрона Атаеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, его именем назван один из поселков Белокалитвинского района. На высоте установлен соответствующий мемориал с указанием имен героев (см. рисунки 1-2).

Рис. 1-2. Мемориал героям-атаевцам (фото Е.Ф. Кринко)

Тяжелые, кровопролитные бои велись на территории Тарасовского района в июле 1942 г., когда немцы прорвали оборону советских войск, и зимой 1942–1943 гг. при освобождении территории от немецко-фашистских захватчиков. Период шестимесячной оккупации характеризовался народным сопротивлением. В Книге памяти Тарасовского района значатся 6368 имен жителей района, не вернувшихся домой с полей сражений. О славе и доблести советских солдат и офицеров, проявленных в боях в Тарасовском районе, красноречиво говорят архивные документы. Так, 13 июля 1942 г. экипаж танка КВ лейтенанта С.В. Коновалова в неравном бою уничтожил 16 немецких танков, 2 бронемашину и 8 грузовиков с пехотой.

15 января 1943 г. группа храбрецов в количестве 13 человек во главе с командиром роты И.С. Ликуновым под ураганным пулеметным и минометным огнем, в условиях численного превосходства врага, ворвалась на окраину поселка Донской у железнодорожной станции Красновка и захватил три дома. Когда подразделения 44-й гвардейской стрелковой дивизии, выбив противника со станции, 16 января освободили поселок, на краю станции догорали три дома. На месте сражения было обнаружено около 100 убитых военнослужащих вермахта. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. за образцовое выполнение заданий командования, проявленные мужество и героизм в боях с немецко-

фашистскими захватчиками всем 13 гвардейцам было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Во время Великой Отечественной войны Вешенский район остался единственным в области, не оккупированным захватчиками. Врага удалось остановить на реке Дон и пресечь все его попытки захватить левобережье. Захваченный советскими войсками на правом берегу Дона Еланский плацдарм имел важнейшее значение для успешных действий советских войск в ходе операции «Уран» по окружению 6-й армии генерала Паулюса под Сталинградом. В ноябре 1942 г. с территории нынешнего Шолоховского района началось освобождение первых населенных пунктов Ростовской области, наступление советских войск на станицу Тацинскую и город Миллерово.

В соответствии со статьей 4, пункт 1 закона №1012-ОЗ, в течение года после присвоения почетного звания устанавливаются и в торжественной обстановке открываются соответствующие памятные знаки. Так, знак «Рубеж воинской доблести» установили в селах Куйбышево и Самбек (см. [Рисунок 3](#)). Затем такие же памятные знаки были открыты в Неклиновском районе, в слободе Советка и в селе Вареновка. Торжественные церемонии посетили представители местной и областной власти, в том числе заместитель губернатора С.Б. Бондарев, а также ветераны, школьники и духовенство ([В Неклиновском районе открыли два памятных знака](#)). К лету 2019 г. установлено уже восемь таких памятных знаков. Деятельность законодательной и исполнительной власти Ростовской области по сохранению и увековечиванию памяти о ратных подвигах воинов, павших при защите Отечества, не ограничится юбилейной датой – 9 мая 2020 г., а будет продолжена в последующие годы.

Рис. 3. Открытие памятного знака «Куйбышево – рубеж воинской доблести» 19 августа 2018 г. ([Куйбышевская районная межпоселенческая центральная библиотека](#))

4. Заключение

Принятие областного закона «О почетных званиях Ростовской области “Город воинской доблести”, “Населенный пункт воинской доблести”, “Рубеж воинской доблести”» стало важной вехой в мемориальной деятельности органов власти Ростовской области. Эта мера позволила создать новые правовые основы для увековечивания памяти о защитниках Отечества в конкретных населенных пунктах и муниципальных образованиях, придала ему новый импульс в целом. При подготовке необходимой документации на местах проводится изучение материалов фондов государственных, ведомственных и муниципальных архивов и музеев, к этой работе привлекаются местные историки, краеведы,

поисковики. Собранный материал впоследствии может быть использован и в воспитательной, патриотической работе, в оформлении экспозиций и выставок в муниципальных и школьных музеях. При этом опыт собственной работы в составе областной комиссии по присвоению населенным пунктам Ростовской области почетных званий «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» в 2017–2019 гг. позволяет утверждать, что главное внимание уделяется при этом событиям Великой Отечественной войны. Это свидетельствует о том, что она сохраняют особое значение как место памяти российского общества в целом, населения Ростовской области и ее отдельных городов, районов и других населенных пунктах, находившихся в зоне кровопролитных боев в 1941–1943 гг., в частности.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, проект «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией», № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

Литература

Азову присвоили звание – Азову присвоили звание «Город воинской доблести» // Городской репортер. 2017. 28 апреля. URL: <https://cityreporter.ru/azovu-prisvoili-zvanie-gorod-voinskoj-doblesti/> (дата обращения: 30.03.2019).

Бессмертный полк – Бессмертный полк. Ростовская область. Официальная запись, 10 мая 2019 г. URL: https://vk.com/club68473853?w=wall-68473853_3058%2Fall (дата обращения: 12.05.2019).

В Неклиновском районе открыли два памятных знака – В Неклиновском районе открыли два памятных знака «Рубеж воинской доблести» // Официальный сайт ГТРК «Дон-ТР», 30 августа 2018 г. URL: <http://dontr.ru/novosti/v-neklinovskom-rayone-otkryli-dva-pamyatnykh-znaka-rubezh-voinskoj-doblesti/> (дата обращения: 04.04.2019).

Закон Ростовской области – Закон Ростовской области от 01 марта 2017 года № 1012-ЗС «О почетных званиях Ростовской области “Город воинской доблести”, “Населенный пункт воинской доблести”, “Рубеж воинской доблести”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444997061> (дата обращения: 25.02.2019).

Куйбышевская районная межпоселенческая центральная библиотека – Куйбышевская районная межпоселенческая центральная библиотека. URL: https://yandex.ru/images/search?pos=0&img_url=https%3A%2F%2Fkuib-biblioteka.rnd.muzkult.ru (дата обращения: 25.02.2019).

Матишов, Афанасенко, Кринко, 2011 – Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.

Миллерово может стать городом воинской доблести – Миллерово может стать «Городом воинской доблести» // ПИК. 2018. 20 апреля. URL: <http://www.gazetapik.ru/2018/04/20/millerovo-mozhet-stat-gorodom-voinskoj-doblesti/#ixzz5Fl7SZKNi> (дата обращения: 30.03.2019).

Не слава – так доблесть – Не слава – так доблесть! // Новые известия. 2015. 8 декабря. URL: <https://newizv.ru/news/society/08-12-2015/231790-ne-slava-tak-doblest> (дата обращения: 30.03.2019).

Положение об областной комиссии – Положение об областной комиссии по присвоению населенным пунктам Ростовской области почетных званий Ростовской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/95200193/> (дата обращения: 25.02.2019).

Попов, Романько, 2019 – Попов А.Д., Романько О.В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 55–62.

Ростовская область. 70 лет созидания, 2007 – Ростовская область. 70 лет созидания (1937–2007). Ростов-на-Дону: Омега-Принт, 2007. 276 с.

Территории воинской доблести Дона – Территории воинской доблести Дона – претендентов уже много // Большой Ростов. 2017. 2 апреля. URL: <https://bigrostov.ru/territorii-voinskoj-doblesti-dona-pretendentov-uzhe-mnogo/> (дата обращения: 04.04.2019).

References

Azovu prisvoili zvanie – Azovu prisvoili zvanie “Gorod voinskoj doblesti” (2017) [Azov awarded the title of “City of Military Valor”]. *Gorodskoj reporter*. April 28. URL: <https://cityreporter.ru/azovu-prisvoili-zvanie-gorod-voinskoj-doblesti/> (accessed on: March 30, 2019). [in Russian]

Bessmertnyi polk – Bessmertnyi polk. Rostovskaya oblast'. Ofitsial'naya zapis'. [Immortal regiment. Rostov region. Official record]. May 10, 2019. URL: https://vk.com/club68473853?w=wall-68473853_3058%2Fall (accessed on: May 12, 2019). [in Russian]

V Neklinovskom raione otkryli dva pamyatnykh znaka – V Neklinovskom raione otkryli dva pamyatnykh znaka “Rubezh voinskoj doblesti” [Two commemorative signs “Frontier of Military Valor” were opened in the Neklinovsky district]. The official site of “Don-TR”, August 13, 2018. URL: <http://dontr.ru/novosti/v-neklinovskom-rayone-otkryli-dva-pamyatnykh-znaka-rubezh-voinskoj-doblesti/> (accessed on: April 4, 2019). [in Russian]

Zakon Rostovskoi oblasti – Zakon Rostovskoi oblasti ot 01 marta 2017 goda № 1012-ZS “O pochetykh zvaniyakh Rostovskoi oblasti «Gorod voinskoj doblesti», «Naselennyi punkt voinskoj doblesti», «Rubezh voinskoj doblesti»” [The law of the Rostov region of March 01, 2017 № 1012-ZS “On the honorary titles of the Rostov Region: «City of Military Valour», «Town of Military Valour», «Frontier of Military Valour»”]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444997061> (accessed on: February 25, 2019). [in Russian]

Kujbyshevskaja rajonnaja mezhpоселенcheskaja central'naja biblioteka – Kujbyshevskaja rajonnaja mezhpоселенcheskaja central'naja biblioteka [Kuibyshev regional intersettlement central library]. URL: https://yandex.ru/images/search?pos=0&img_url=https%3A%2F%2Fkuib-biblioteka.rnd.muzkult.ru (accessed on: February 25, 2019). [in Russian]

Matishov, Afanasenko, Krinko, 2011 – *Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F.* (2011). *Mius-front v Velikoi Otechestvennoi voine 1941/1942 gg. 1943 g.* [The Mius Front Line in the Great Patriotic War. 1941/1942 and 1943]. 2nd ed., rev. and exp. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 228 p. [in Russian]

Millerovo mozhet stat' gorodom voinskoj doblesti – Millerovo mozhet stat' “Gorodom voinskoj doblesti” (2018) [Millerovo can become “City of military valour”]. *PIK*, April 20. URL: <http://www.gazetapik.ru/2018/04/20/millerovo-mozhet-stat-gorodom-voinskoj-doblesti/#ixzz5Fl7SZKNi> (accessed on: March 30, 2019). [in Russian]

Ne slava – tak doblest' – Ne slava – tak doblest'! (2015) [Not glory, so valor!]. *Novye izvestija*, December 8. URL: <https://newizv.ru/news/society/08-12-2015/231790-ne-slava-tak-doblest> (accessed on: March 30, 2019). [in Russian]

Polozhenie ob oblastnoi komissii – Polozhenie ob oblastnoi komissii po prisvoeniyu naselennym punktam rostovskoi oblasti pochetykh zvaniy rostovskoi oblasti “Gorod voinskoj doblesti”, “Naselennyi punkt voinskoj doblesti”, “Rubezh voinskoj doblesti” [Regulations on the regional Commission for the assignment of settlements of the Rostov region Honorary titles of the Rostov region “City of Military Valour”, “Town of Military Valour”, “Frontier of Military Valour” (Appendix to the Resolution of the Government of the Rostov region of April 05 No. 263). URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/95200193/> (accessed on: February 25, 2019). [in Russian]

Popov, Roman'ko, 2019 – *Popov A.D., Roman'ko O.V.* (2019) *Pamjatniki Velikoj Otechestvennoj vojny v pozdnij sovetskij period: mnogoobrazie social'nyh funkciy i praktik* [Monuments of the Great Patriotic War during the late Soviet period: of the Great Patriotic War in the late Soviet period: variety of social functions and practices. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 2 (179), pp. 55–62. [in Russian]

Rostovskaya oblast'. 70 let sozidaniya, 2007 – Rostovskaya oblast'. 70 let sozidaniya (1937–2007) (2007) [Rostov region. 70 years of creation (1937–2007)]. Rostov-on-Don: Omega-Print. 276 p. [in Russian]

[Territorii voinskoj doblesti Dona](https://big-rostov.ru/territorii-voinskoj-doblesti-dona-pretendentov-uzhe-mnogo/) – Territorii voinskoj doblesti Dona – pretendentov uzhe mnogo (2017) [Territories of Don's military glory – there are already a lot of applicants]. *Big Rostov*, April 02. URL: <https://big-rostov.ru/territorii-voinskoj-doblesti-dona-pretendentov-uzhe-mnogo/> (accessed on: April 4, 2019). [in Russian]

Деятельность региональных органов власти по мемориализации мест ратной славы Юга России в 2017–2019 гг. (на примере Ростовской области)

Владимир Иванович Афанасенко ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Ростовская область в течение двух лет, с осени 1941 г. и до осени 1943 г. была местом решающих сражений Великой Отечественной войны на самом критическом ее этапе. Мемориализация ратной истории Ростовской области имеет системный, многоуровневый характер. Для сохранения исторической памяти о всенародном подвиге и ратной славе Дона 1 марта 2017 г. Законодательное собрание Ростовской области приняло областной закон № 1012-ЗС «О почетных званиях Ростовской области: “Город воинской доблести”, “Населенный пункт воинской доблести”, “Рубеж воинской доблести”. Главная цель данного областного закона — придание нового импульса патриотическому воспитанию детей и молодежи в Ростовской области на примерах из глубокой и недавней истории каждого муниципального образования. В данной статье рассматривается реализация закона «О почетных званиях Ростовской области» в 2017–2019 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ратная слава Дона, почетные звания, историческая память, мемориализация, Ростовская область.

* Корреспондирующий автор

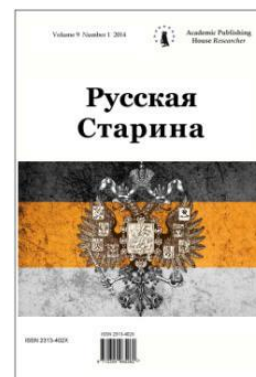
Адреса электронной почты: af521735@yandex.ru (В.И. Афанасенко)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(1): 74-82

DOI: 10.13187/rs.2019.1.74
www.ejournal15.com

Portraits

Ivan Timofeyevich Kokorev – Collector of Moscow Folklore and Ethnographic Material

Varvara E. Dobrovolskaya ^{a, *}

^a V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Russian Federation

Abstract

The article deals with the activities of Ivan Timofeyevich Kokorev on the collecting and studying folklore and ethnographic materials. Particular attention in his work was focused on materials related to the life and customs of Moscow burghers. Of particular interest are the descriptions of the types of Moscow artisans, their professional folklore (proverbs, prescriptions, professional jargon and signs). The author pays great attention to the description of the holidays and festivals, as well as the games. Kokorev published the songs of the citizens (round dance, table, ritual, cruel romances) and actively used them in his works. He showed great attention to the peculiarities of the costume of the urban lower classes, urban amusements, folk cooking, wedding ceremonies. The writer turned out to be a very attentive and scrupulous collector of folklore and ethnographic material. He was one of the few who paid attention to the folklore tradition and customs of the townsfolk. Kokorev's essays are especially interesting being based on his personal observations on the life of Moscow, its holidays and everyday life.

Keywords: Folklore and Ethnography of the City, Folklore and Literature, Folklorism, Moscow Studies

1. Введение

Знания об исследователях и собирателях фольклорных и этнографических данных, несмотря на появление в последнее время целого ряда работ ([Словарь фольклористов 1, 2, 3](#); [Богатырев 2006](#); [Бахтина 2000](#); [Мансикка 2005](#); [Соколовы 2007](#); [Соколовы 2011](#)), вряд ли можно считать полными. Даже для таких крупных ученых, как Н.С. Тихонравов, В.И. Мансикка или Н.Н. Виноградов, требуется своеобразный пересмотр их творческого наследия. Что же касается представителей сельской и городской интеллигенции, которые собирали фольклорные и этнографические материалы, то они в большей или меньшей степени остаются безвестными. Несколько иная ситуация с писателями, которые использовали в своем творчестве фольклорно-этнографические материалы. И если о фольклоризме А.С. Пушкина или Н.В. Гоголя написано немало, то писатели второго ряда редко привлекают внимание исследователей. Даже если на творчество такого автора

* Corresponding author

E-mail addresses: dobrovolska@inbox.ru (V.E. Dobrovolskaya)

обращают внимание литературоведы, то его деятельность как собирателя фольклорно-этнографического материала обычно в их исследованиях не затрагивается. Одним из таких «безвестных» собирателей деталей народной жизни оказался Иван Тимофеевич Кокорев, писатель и журналист, представитель натуральной школы, известный, прежде всего, как автор романа «Сибирка».

2. Материалы и методы

И.Т. Кокорев оставил после себя большое литературное наследие. Не будучи профессиональным фольклористом и этнографом, он фиксировал собранные данные в своих рабочих материалах и использовал их в своих литературных произведениях и публицистических очерках. Материалы Кокорева по народоведческой тематике охватывают многие стороны народного быта, традиций, обычаев и обрядов. В них широко представлена не только фольклорно-этнографическая, но историческая, искусствоведческая и статистическая информация. Поэтому в нашей работе основным методом исследования является биографический, т.е. исследование субъективной стороны общественной жизни человека, анализ личных документов. Поскольку данная работа в значительной степени имеет историографический характер, то используются методы, общие для всех общественных наук, применяемые с учетом своеобразия и задач историографии, и специфические, свойственные именно историографическому познанию. Основное внимание сосредоточено на использовании сравнительно-исторического метода. Он дает возможность изучить историографические факты в их сопоставлении и качественном изменении в процессе развития. Помимо этого, используется метод конкретного анализа, ориентированный на исследование отдельных историографических явлений в тесной связи с исторической обстановкой, с учетом условий их возникновения и взаимовлияния.

3. Биография

Иван Тимофеевич родился 6 (18) сентября 1825 г. в городе Зарайске Зарайского уезда Рязанской губернии. Его отец был крепостным полковника Д.В. Крюкова, которого тот вместе с семьей отпустил на волю. В 1827 г. семья была приписана к мещанскому сословию (Дементьев, 1853: 127–131).

В возрасте двух лет мальчика привезли в Москву, в дом его старшего брата Николая, который был иконописцем. Отметим, что иконописцы, живущие в Мещанской слободе, где поселилась семья, имели высокую квалификацию и выполняли заказы для крупнейших монастырей и храмов Москвы. Так что Иван Тимофеевич детские годы жил в достатке.

Мальчик был очень любознательным и легко освоил грамоту. В 1834 г. он поступил в Андриановское приходское училище, которое находилось при церкви Андриана и Натальи в Мещанской слободе. На самом деле, церковь с 1688 г., когда был построен каменный храм, была освящена в честь апостолов Петра и Павла, и только пристроенный к церкви предел был освящен во имя мучеников Андриана и Натальи, но именно это название стало и «народным» названием церкви, и дало имя приходскому училищу. Городская топонимика, которую Кокорев знал очень хорошо, сохранила название более древнего деревянного храма, который был освящен по именинах царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной.

По окончании училища Иван Тимофеевич продолжил учебу в Третьем уездном училище уже в Яузской части. Как видно, состояние семьи было достаточно благополучным для того, чтобы он получил обе ступени начального образования. Мальчика явно готовили к поступлению в гимназию, для чего были все основания: он имел два похвальных листа за успехи в учебе. При содействии первого директора Второй Московской гимназии Ивана Александровича Старинкевича он был принят во второй класс этого учебного заведения. Учился Иван Тимофеевич весьма прилежно, о чем свидетельствует книга, которой он был награжден в третьем классе гимназии «за успехи и благонравие». Однако финансовая ситуация в семье, видимо, изменилась и доучиться Кокорев не смог: он покинул гимназию в пятом классе «по недостатку средств» (Мейлах, 1952).

Уже с 1841 г. при содействии М.Н. Загоскина Иван Тимофеевич начал публиковать статьи в иллюстрированном сборнике «Живописное обозрение», который продолжал традиции закрытого «Московского Телеграфа». Его издавал Н.А. Полевой, но из-за цензурного запрета издателем считался А. Семин.

Хорошие знания и любовь к чтению позволили юноше устроиться секретарем к профессору А.Д. Черткову, а затем совместно с А.А. Стойковичем начать писать книгу о быте и нравах народов Кавказа. Он участвовал в издании А. Семина «Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара». Это издание не увидело свет, но, судя по письму от 8 июля 1843 г., Кокоревым были подготовлены разделы о быте и нравах Японии и Китая ([Письма, 1959: 237](#)).

Он поселился в районе Самотеки (Волконский пер., дом Гольденштейна) и с 1843 г. стал штатным сотрудником «Живописного обозрения». С 1846 г. он стал сотрудничать с журналом «Москвитянин», с 1848 – с «Ведомостями Московской городской полиции». В 1850 г. писатель становится сотрудником «молодой редакции» «Москвитянина», где руководит отделом «Внутреннее обозрение». Он писал не только под своей фамилией, но и под псевдонимами И.С., Л. Мей.

В 1846 г. Кокорев был посажен в «сибирку», специальную тюрьму для стоявших на рекрутской очереди, так как его брат, призванный на воинскую службу, скрывался. Но уже 7 февраля 1847 г. Иван Тимофеевич был выпущен из тюрьмы. На основе своих наблюдений в заключении он написал повесть «Сибирка. Мещанские очерки», которая была опубликована сначала в журнале «Москвитянин», а затем и отдельным изданием ([Сибирка, 1847; Сибирка, 1852](#)).

В различных изданиях с 1848 по 1852 гг. появляются физиологические очерки Кокорева о быте и нравах Москвы, которые после смерти автора были объединены в книгу «Очерки и рассказы» ([Очерки и рассказы, 1858](#)).

Постоянное недоедание и тяжелая работа привели к тому, что организм Ивана Тимофеевича ослаб. В 1853 г. он заболел тифом и умер в Екатерининской больнице для «чернорабочего класса людей» (3-я Мещанская улица / улица Щепкина, 61/2, в настоящее время – Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского (МОНКИ)). Ему был поставлен диагноз «организм здоровый, алкоголик». Вот как описывает его смерть В.А. Дементьев: «Скончался тихо, одиноко, между чужими лицами; ... 14 июня 1853 года, на 28-м году от рождения» ([Дементьев, 1959: 201](#)).

Отпели Ивана Тимофеевича в церкви во имя Божьей Матери Целительницы и похоронили на Лазаревском кладбище в Марьиной роще. В настоящее время кладбище уничтожено, на его месте разбит детский парк. Рукопись биографии Кокорева хранится в архиве М.П. Погодина в рукописном отделе РГБ ([РГБ. Фонд 231](#)). Эта биография подготовлена другом Ивана Тимофеевича В.А. Дементьевым, но в рукописи есть вставки, сделанные рукой Погодина (более подробно биографию Кокорева см.: [Пенская, 1990: 351–353; Добровольская, 2017: 644–647](#)).

4. Обсуждение и результаты

В 1848 г. в «Ведомостях Московской городской полиции» появляется очерк Кокорева «Свадьба в Москве». Этот очерк должен был войти в задуманную писателем книгу о Москве, нраве и обычаях ее жителей. Иван Тимофеевич набросал план своей работы, для которой он постоянно собирал материалы. Писатель указывал на такие детали городского быта, которые только сейчас становятся предметом исследования городских антропологов. Именно Кокорев впервые обратил внимание на такие городские забавы как игра в снежки, катание на коньках на Чистых прудах, игра в коровки, купание на Москве-реке и многое другое ([Очерки и рассказы, 1858](#)).

Кокорев описал такие детали русского городского быта, как обычай «топить улицы», т.е. жечь на улицах костры во время сильного мороза и ставить елку в Охотном ряду. Писатель довольно подробно рассказывает о городских святочных увеселениях и гаданиях, христосовании с нищими, качелях, которые на Пасху устанавливали в предместьях Москвы.

К сожалению, рукописи Кокорева до нас не дошли. После его смерти М.П. Погодин писал: «Несчастный! Что с ним случилось? Напишите мне подробно о его кончине. Велите отцу принести к вам все его бумаги и скажите ему, что по приезде я постараюсь устроить его положение» ([Барсуков, 1898: 391](#)).

В посмертное издание Кокорева, которое подготовил его друг В.А. Дементьев, вошли только изданные при жизни Ивана Тимофеевича очерки ([Очерки и рассказы, 1858](#)). Из неизданных рукописей Дементьев привел только несколько набросков, планов

и программ рассказов из московской жизни. Возможно, он не понимал ценности этого материала, но скорее всего к этому моменту рукописи уже были утрачены.

После выхода из «сибирки» Иван Тимофеевич на основе своих тюремных наблюдений написал повесть «Сибирка. Мещанские очерки» (Сибирка, 1847; Сибирка, 1852). Она написана в рамках натуральной школы и считается программной, но для нас интерес представляют этнографические материалы, используемые автором в данной книге.

Особого внимания заслуживают подробные описания московских ремесленников. И если сапожники всегда привлекали внимание фольклористов и этнографов (подробная библиография: Добровольская, 2007; Добровольская, 2010; Добровольская, 2014), то сведения об иконописцах, их быте и нравах, наиболее подробно представлены именно у Кокорева. Иван Тимофеевич не только дает общее описание того или иного ремесленника, но и приводит их присловья и профессиональные прескрипции. Нормативы, связанные с профессиональной деятельностью, довольно редко встречаются в этнографической литературе, поэтому материал Кокорева уникален.

Таким же редким является описание игр. И если салонные игры, прежде всего фанты, встречаются, пусть и в отдельных упоминаниях, в мемуарах, то поцелуйные игры, особенно как факт городской традиции, редко рассматриваются даже в специальной этнографической литературе.

Особенно богато и разнообразно представлены в «Сибирке» описания воскресных и праздничных гуляний. В этнографической литературе подобного рода материалов много, однако основное внимание исследователей привлекают сельские, крестьянские праздники. Кокорев одним из первых обратил внимание на праздничную культуру мещан, рассмотрел ее особенности и показал наиболее значимые моменты. Надо отметить, что в этом же направлении работали и другие «случайные этнографы», например С.М. Любецкий, который очень активно собирал материалы именно по городской праздничной культуре (Добровольская, 2018).

Кокорев подробно описывает костюм мещан. Он одним из первых отметил, что в одежде городских низов сочетаются элементы народного костюма и европейского платья, и сочетания эти дают весьма устойчивые комплекты, которые становятся традиционными и в значительной степени маркируют представителей той или иной профессии.

Вторая повесть Кокорева «Саввушка» (Саввушка, 1852) вызвала большой интерес к творчеству писателя. Критики отмечали глубокое знание характеров и психологии героев, мастерство, с которым они изображались. В стороне от их внимания осталось описание быта и нравов Москвы, особый интерес автора к фольклору и этнографии города. В повести приводятся пословицы, прибаутки, поговорки, профессиональный жаргон портных и шарманщиков. Так, для рассказа о наказаниях Саввушки в артели Карла Крестианыча автор использует и широко известное «хлебал березовую кашицу», и довольно редкое «с кувырколетием, за волосное правление, кланялся качательному суду, поясной палате». Описывает Кокорев и специфический «костюм» портного, и особенности его внешности: «Подражая одежде и приемам модников средней руки, имея беспереводно в руках соблазнительные произведения своего искусства, портной любит пощеголять, но всегда каким-то странным, если угодно, эксцентрическим образом: либо без сапог, да в шляпе, или в модном сюртучке, но без приличной нижней одежды. А если, хоть и редко, одет он в полной форме щеголем, даже если и волосы, обыкновенно густо-лохматые, в порядке, – так кривые ноги, следствие беспрестанного сидения по-восточному, срежут его с ног, или случайно замотанная за пуговицу иголка с ниткой изменит удалому франту».

В книге приводятся различные приметы, подробно описываются игры, такие как «чехарда», «бабки», «орел или решка», «три листика». В «Саввушке» есть фрагменты и упоминания народных песен разных жанров. Кокорев использует в повести хороводные и застольные песни, жестокие романсы, песни литературного происхождения: «Почти весь дом высыпал на это зрелище – кто смотреть, а кто принять в нем голосистое участие. И вот развернулся ряд певцов и певиц, запелся в круг и затянул: “Ай по морю”. От “моря, моря синего” поехали в “Китай-город гулять”; потом пошел “царский сын, королев сын круг города ходить”; за ним выступил “донской казак во скрипку играть”; наконец, после “Дуная, веселого Дуная” дошел черед до “подушечки”, самой любезной для молодежи песни, потому что она сопровождается беспрестанными поцелуями. “Подушечка” расстилалась до тех пор,

пока поздний вечер не расстроил хоровода». Большинство перечисленных в этом фрагменте песен хорошо известны. Так, «Подушечка, подушечка моя пуховая / Кого люблю, кого люблю, того выбираю» во многих регионах России исполнялась на молодежных гуляниях до 40-х гг. XX в. Упоминает Кокорев и широко известную песню «Едет чижик в лодочке, / В адмиральском чине: / Выпьем, выпьем водочки по этой причине!», которую и в настоящее время можно услышать на застольях (Строганов 2018).

Приводит Кокорев и присловье, представляющее собой диалог сапожника и портного, представителей двух профессий, которые в русской традиционной культуре считаются бедняками и пьяницами: «Что, брат, – говорит ему, – прогорел; как шмыгнешь иголкой, так и слышно: чуть жив! чуть жив! А послушай-ка у меня, что поет наваренный конец, как дерну его обеими руками: сыт и пьян! сыт и пьян! Эх ты, жимолостный, убогий человек, иголку сгноил!..».

Кокорев использует даже фрагмент присказки: «Жить жил, а служить нигде не служил, храбрый рыцарь-кавалер, мушиный царь, комариный государь, что тот ли колесный секретарь. Дворец у него без крыши, а по полу гуляют мыши; на часах стоят жуки и ружье держат у руки; как на караул отдадут, так со страху упадут; петух главный у него генерал – чем свет и заорал. Кафтан, сударыня ты моя, у нашего кавалера воздушный, воротник на кафтане еловый, обшлага сосновые, подбит ветром, оторочен снегом. Кушает он сено с хреном, солому с горчицею, лапти с патокой – кушанья все деликатные; три дня не ест, а в зубах ковыряет, гостей на пир созывает. Ходит при усах, при часах, трубка табаку во рту, звонка сабля на боку; идет – ухмыляется, красотой своей похваляется, а девушки на него умиляются». Подобные тексты свойственны репертуару сказочников-балагуров. Встречаются они и у балаганных дедов. К сожалению, мы не располагаем информацией о том, откуда Кокорев узнал данный текст, но скорее всего он услышал присказку где-то на улицах Москвы и сделал ее приметной чертой речи своего героя.

В различных изданиях с 1848 по 1852 гг. появляются физиологические очерки Кокорева о быте и нравах Москвы. Очерки отличает живой народный язык, насыщенный пословицами, прибаутками и поговорками, обилием профессионального жаргона (купцы, рыночные торговцы, уличные разносчики). Автор создает картины быта городских низов. Он активно использует этнографические детали, которые являются его наблюдениями над жителями города. Он описывает особенности костюма разных социальных групп, еду, развлечения горожан. Особое внимание уделяет он «физиологическим» типам: извозчикам, старьевщикам, разносчикам и т.п. В очерках подробно изображаются воскресные и праздничные гуляния, раек и другие типы городских увеселений. Кокорев включает в свои очерки выкрики шарманщиков, блинников и извозчиков.

Внимания заслуживают материалы, которые крайне редко встречаются в этнографических исследованиях. Так, Иван Тимофеевич довольно подробно описывает украшения вербы к Вербному воскресенью, типы росписи яиц к Пасхе.

Кокорев уделяет большое внимание описанию костюма мещан, его отличиям от крестьянской народной одежды и дворянского платья. Так, в очерке «Кухарка» подробно описывается праздничный наряд кухарки Акулины Ивановны: «На голове кокетливо повязана шелковая косынка, из-под которой еще кокетливее выказываются косички волос, лоснящиеся, как стекло; новое ситцевое платье резко бросается в глаза яркостью цветов и пестротой узоров; на плечах, сверх платка, обнимающего шею, накинута удивительная красная или голубая шаль, такого ослепительного цвета, какой только может произвести искусство купавинских фабрикантов, шаль, которую и можно встретить единственно на кухарках; а что за башмаки у Акулины Ивановны! Козловые, со скрипом, который слышен издали, деланы на заказ, заплачены три четвертака и просторны до того, что надевай хоть три пары чулок, а в них еще найдется место для ножки какой-нибудь барышни, вскормленной на булочках и сливках. Такие башмаки и шьются только для одной Акулины Ивановны с подругами и составляют предмет тайной зависти для многих подмосковных “умниц”, которые щеголяют в котях с красною оторочкой и с медными подковками».

Особого внимания заслуживает упомянутый выше очерк «Свадьба в Москве» (Ведомости Московской городской полиции, 1848). В нем И.Т. Кокорев подробно описывает этапы свадебного обряда в мещанской среде. Особое внимание он уделяет смотру (смотринам), семейному столу (рукобיתю), приготовлению приданого, одариванию

невесты и т.п. Он отмечает такие элементы обряда, как народный сговор – «бал» для большого окружения жениха и невесты, «заботный вечер» (девичник) и баню накануне венчания. Надо сказать, что писатель использует не общепринятую, а именно региональную терминологию свадебного обряда. Он подробно описывает содержимое «свадебной корзинки», перевоз приданого в дом жениха и одевание невесты перед свадьбой. Кокорев рисует тип московской свахи, которая приискивает сначала подходящего жениха, а затем предлагает ему на выбор невесту. Этот этнографический материал богат фрагментами свадебной лирики. Очерк свидетельствует о том, что автор включил в него не сведения, почерпнутые из книг этнографов, а собственные наблюдения над бытом мещан Москвы.

Материалы Кокорева являются результатом собственной собирательской работой. Так, в одном из писем он отмечает: «Любимое местопребывание мое – Марьино Роцца, где я изучаю Русь в хороводных песнях» (Письма, 1959: 249). Такую работу Кокорева вспоминает и В.А. Дементьев. Он писал, что Кокорев «всегда носил с собой книжку, в которой записывал услышанные слова и выражения, характеризующие какое-либо лицо или сословие» (Дементьев, 1853: 130).

5. Заключение

И.Т. Кокорев является прежде всего автором небольших физиологических очерков и повестей о городской жизни. Но писатель оказался очень внимательным и скрупулезным собирателем фольклорно-этнографического материала. Вероятно, если бы до нас дошли все рукописи Кокорева, мы бы увидели богатый краеведческий и этнографический источник сведений по истории и традиционной культуре Москвы. Писатель был одним из немногих, кто обратил внимание на фольклорную традицию города. Его описания московских праздников, обычаев, традиционных развлечений и мест гуляний низших сословий до настоящего времени сохранили свою актуальность. Его очерки интересны тем, что используемый в них материал представляет собой личные наблюдения автора над жизнью Москвы, ее праздниками и буднями.

Литература

- Барсуков, 1898 – Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. Т. 12. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1898. 543 с.
- Бахтина, 2000 – Бахтина В.А. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М.: Наследие, 2000. 336 с.
- Богатырев, 2006 – Богатырев П.Г. Функционально-структурное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). М.: ИМЛИ РАН, 2006. 288 с.
- Ведомости Московской городской полиции, 1848 – Кокорев И.Т. Свадьба в Москве // *Ведомости Московской городской полиции*. 1848. 19 мая, №108. С. 961–963; 21 мая, № 109. С. 969–971; 24 мая, №111. С. 985–987.
- Дементьев, 1853 – Дементьев В.А. Черты из жизни И.Т. Кокорева // *Москвитянин*. 1853. Т. 4. № 14. Кн. 2. Отд. 7. С. 127–131.
- Дементьев, 1959 – Дементьев В.А. Биография И.Т. Кокорева // *Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX века*. М.: Московский рабочий, 1959. С. 195–201.
- Добровольская, 2007 – Добровольская В.Е. Прескрипции, связанные с профессиями изготовителей обуви (сапожник, лапотник, валяльщик / шерстобит) в традиционной культуре Северной и Центральной России // *Humanitaro zinatnu vestnesis*. Daugavpils, 2007. № 10. Р. 7–19.
- Добровольская, 2010 – Добровольская В.Е. «Лапоть с лаптем, а сапог с сапогом»: запреты и предписания, связанные с изготовлением обуви в Северной и Центральной России // *Антропологический форум*. 2010. №13. С. 75–95.
- Добровольская, 2014 – Добровольская В.Е. Запреты и предписания, связанные с изготовлением обуви в Муромском районе Владимирской области // Сайт Министерства культуры РФ. URL: <https://www.culture.ru/objects/444/zaprety-i-predpisanija-svyazannye-s-izgotovleniem-obuvi-v-muromskom-raione-vladimirskoi-oblasti> (дата обращения: 24.05.2019).
- Добровольская, 2017 – Добровольская В.Е. Кокорев Иван Тимофеевич // *Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. Т. 2: Д – Кошурников*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 644–647.

Добровольская, 2018 – Добровольская В.Е. Сергей Михайлович Любецкий. Знаток московской народной жизни // *Традиционная культура*. 2018. Т. 19. № 2. С. 167–180.

Мансикка, 2005 – Мансикка В.И. Религия восточных славян. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 368 с.

Мейлах, 1952 – Мейлах Б.С. И.Т. Кокорев: Биографическая справка // *Русская повесть XIX в.*: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 2. С. 776–778.

Очерки и рассказы, 1858 – Кокорев И.Т. Очерки и рассказы: в 3 ч. М.: Университетская типография, 1858. Ч. 1. 356 с. Ч. 2. 394 с. Ч. 3. 326 с.

Пенская, 1990 – Пенская Е.Н. Кокорев Иван Тимофеевич // *Русские писатели: Биобиблиографический словарь*: в 2 т. М.: Просвещение, 1990. Т. 1. С. 351–353.

Письма, 1959 – Письма // *Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX в.* М.: Московский рабочий, 1959. С. 230–265.

РГБ. Фонд 231 – Отдел рукописей РГБ. Фонд 231. Погодин Михаил Петрович (1800–1875). Раздел I. Т. 1. Ч. 1–3. Архивный фонд 1807–1875 гг.

Саввушка, 1852 – Кокорев И.Т. Саввушка // *Москвитянин*. 1852. Т. 4. № 15. Кн. 1. С. 49–92; №16. Кн. 2. С. 121–176.

Сибирка, 1847 – Кокорев И.Т. Сибирка: Мещанские очерки // *Москвитянин*. 1847. Ч. 1. Кн. 1. Смесь. С. 1–66.

Сибирка, 1852 – Кокорев И.Т. Сибирка: Мещанские очерки. М.: [б.и.], 1852. 168 с.

Словарь фольклористов – Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. Т. 1: А–Г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 975 с.; Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. Т. 2: Д – Кошурников. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 765 с.; Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. Т. 3: Краинский – О. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 877 с.

Соколовы, 2007 – Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. Т. 1: Эпическая поэзия. М.: Наука, 2007. 629 с.

Соколовы, 2011 – Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. Т. 2: Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 768 с.

Строганов, 2018 – Строганов М.В. «Русская песня: Чижик! чижик! где ты был? – перед судом критики». М.Е. Салтыков и народная песня // *Поэзия филологии. Филология поэзии*. Тверь: Издатель А.Н. Кондратьев, 2018. С. 113–120.

References

Barsukov, 1898 – Barsukov N.P. (1898). Zhizn' i trudy M.P. Pogodina [The life and works of M.P. Pogodin]. In 12 vols. Vol. 12. St. Petersburg: Pogodin i Stasyulevich, 543 p. [in Russian]

Bahtina, 2000 – Bahtina V.A. (2000). Fol'kloristicheskaya shkola brat'ev Sokolovykh (Dostoinstvo i prevratnosti nauchnogo znaniya) [Folkloristic school of the Sokolov brothers (Dignity and vicissitudes of scientific knowledge)]. Moscow: Nasledie, 336 p. [in Russian]

Bogatyrev, 2006 – Bogatyrev P.G. (2006). Funktsional'no-strukturnoe izuchenie fol'klora (Maloizvestnye i neopublikovannye raboty) [Functional and structural study of folklore (little-known and unpublished works)]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS Publishers, 288 p. [in Russian]

Vedomosti moskovskoj gorodskoj policii, 1848 – Kokorev I.T. (1848). Svad'ba v Moskve [Wedding in Moscow]. *Bulletin of the Moscow City Police*, May 19. № 108, pp. 961–963; May 21. № 109, pp. 969–971; May 24. № 111, pp. 985–987. [in Russian]

Dementev, 1853 – Dementev V.A. (1953). Cherty iz zhizni I.T. Kokoreva [Features from the life of I.T. Kokorev]. *Moskvityanin*. Vol. 4. № 14. Book 2. Pt. 7, pp. 127–131. [in Russian]

Dementev, 1959 – Dementev V.A. (1959). Biografiya I.T. Kokoreva [Biography of I.T. Kokorev]. *Moskva sorokovykh godov. Oчерки i povesti o Moskve XIX veka* [Moscow in the fortieth years. Sketches and stories about Moscow in XIX century]. Moscow: Moskovskij rabochij, pp. 195–201. [in Russian]

Dobrovolskaya, 2007 – Dobrovolskaya V.E. (2007). Preskriptsii, svyazannye s professiyami izgotovitelei obuvi (sapozhnik, lapotnik, valyal'shchik / sherstobit) v traditsionnoi kul'ture Severnoi

i Tsentral'noi Rossii [Prescriptions related to the professions of shoe manufacturers (shoemaker, lapotnik, felter / wool-smith) in the traditional culture of Northern and Central Russia]. *Humanitarno zinatnu vestnesis*. Daugavpils. №10, pp. 7–19. [in Russian]

Dobrovolskaya, 2010 – *Dobrovolskaya V.E.* (2010). “Lapot' s laptem, a sapog s sapogom”: zaprety i predpisaniya, svyazannye s izgotovleniem obuvi v Severnoi i Tsentral'noi Rossii [“Bast with bast, and boots with boot”: the prohibitions and requirements associated with shoes manufacturing in Northern and Central Russia]. *Anthropological forum*. №13, pp. 75–95. [in Russian]

Dobrovolskaya, 2014 – *Dobrovolskaya V.E.* Zaprety i predpisaniya, svyazannye s izgotovleniem obuvi v Muromskom raione Vladimirskoi oblasti [Prohibitions and regulations related to shoes manufacturing in the Murom district of the Vladimir region]. Website of the Ministry of Culture of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://www.culture.ru/objects/444/zaprety-i-predpisaniya-svyazannye-s-izgotovleniem-obuvi-v-muromskom-raione-vladimirskoi-oblasti> (accessed on: May 24, 2019).

Dobrovolskaya, 2017 – *Dobrovolskaya V.E.* (2017). Kokorev Ivan Timofeevich [Kokorev Ivan Timofeyevich]. *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'*. XVII–XIX vv. [Russian folklorists: Biobibliographic dictionary. XVIII–XIX centuries]. In 5 vols. Vol. 2: D – Koshurnikov. Saint-Peterburg: Dmitriy Bulanin, pp. 644–647. [in Russian]

Dobrovolskaya, 2018 – *Dobrovolskaya V.E.* (2018). Sergei Mikhailovich Lyubetskii. Znatok moskovskoi narodnoi zhizni [Sergei Mikhailovich Lubeckij: the expert of the Moscow people's life]. *Traditional Culture*. Vol. 19. № 2, pp. 167–180. [in Russian]

Mansikka, 2005 – *Mansikka V.J.* (2005) *Religiya vostochnykh slavyan* [Religion of the Eastern Slavs]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS Publishers, 368 p. [in Russian]

Mejlah, 1952 – *Mejlah B.S.* (1952). I.T. Kokorev: Biograficheskaya spravka [I.T. Kokorev: Curriculum vitae]. *Russkaya povest' XIX v.* [Russian story of the XIX century]. In 2 vols. Moscow: Goslitizdat. Vol. 2, pp. 776–778. [in Russian]

Ocherki i rasskazy, 1858 – *Kokorev I.T.* (1858). *Ocherki i rasskazy* [Essays and Stories]. In 3 parts. Moscow: University typography. Part. 1, 356 p.; Part. 2, 394 p.; Part. 3, 326 p. [in Russian]

Penskaya, 1990 – *Penskaya E.N.* (1990). Kokorev Ivan Timofeevich [Kokorev Ivan Timofeyevich]. *Russkie pisateli: Biobibliograficheskii slovar'* [Russian Writers: Biobibliographic Dictionary]. In 2 vols. Moscow: Prosveshchenie. Vol.1, pp. 351–353. [in Russian]

Pisma, 1959 – Pis'ma [Letters]. Moskva sorokovykh godov. Ocherki i povesti o Moskve XIX v. (1959) [Moscow in the fortieth years. Sketches and stories about Moscow in XIX century]. Moscow: Moskovskii rabochii, pp. 230–265 [in Russian]

RGB. Fond 231 – Otdel rukopisei RGB. Fond 231. Pogodin Mikhail Petrovich (1800–1875) [Department of manuscripts of the Russian state library. Fund 231. Pogodin Mihail Petrovich (1800–1875)]. Par. 1. Vol. 1. Part 1–3. Archive fund of 1807–1875. [in Russian]

Savvushka, 1852 – *Kokorev I.T.* (1852). Savvushka [Savvushka]. *Moskvityanin*. Vol. 4. № 15. Book. 1, pp. 49–92; №16. Book. 2, pp. 121–176. [in Russian]

Sibirka, 1847 – *Kokorev I.T.* (1847). Sibirka: Meshchanskije ocherki [Sibirka: Townsfolk essays]. *Moskvityanin*. Part. 1. Book. 1. Smes', pp. 1–66. [in Russian]

Sibirka, 1852 – *Kokorev I.T.* (1852). Sibirka: Meshchanskije ocherki [Sibirka: Townsfolk essays]. Moscow: [s.n.], 168 p. [in Russian]

Slovar folkloristov – *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'* XVIII–XIX vv. (2018) [Russian folklorists: Biobibliographic dictionary. XVIII–XIX centuries]. In 5 vols. Vol. 1: A–G. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2016. 975 p.; *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'* XVIII–XIX vv. [Russian folklorists: Biobibliographic dictionary. XVIII–XIX centuries]. In 5 vols. Vol. 2: D– Koshurnikov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017. 765 p.; *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'* XVIII–XIX vv. [Russian folklorists: Biobibliographic dictionary. XVIII–XIX centuries]. In 5 vols. Vol. 3: Krainskij – O. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 877 p. [in Russian]

Sokolovy, 2007 – Neizdannye materialy ekspeditsii B.M. i Yu.M. Sokolovykh. 1926–1928. Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga (2007) [Unpublished materials of the expedition of B.M. and Y.M. Sokolovs. 1926–1928. In the footsteps of Rybnikov and Gilferding]: In 2 vols. Vol. 1: Ehpicheskaya poeziya [Epic poetry]. Moscow: Nauka, 629 p. [in Russian]

Sokolovy, 2011 – Neizdannye materialy ekspeditsii B.M. i Yu.M. Sokolovykh. 1926–1928. Po sledam Rybnikova i Gilferdinga (2011) [Unpublished materials of the expedition of B.M. and Y.M. Sokolovs. 1926–1928. In the footsteps of Rybnikov and Gilferding]. In 2 vols. Vol. 2: Narodnaya drama. Svadebnaya poeziya. Neobryadovaya lirika. Chastushki. Skazki i neskazochnaya proza. Tvorchestvo krest'yan [Folk drama. Wedding poetry. Non-ritual lyrics. Chastooshkas. Fairy tales and non-fairy prose. The creativity of the peasants]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS Publishers, 768 p. [in Russian]

Stroganov, 2018 – *Stroganov M.V.* (2018) “Russkaja pesnja: Chizhik! chizhik! gde ty byl? – pered sudom kritiki”. M.E. Saltykov i narodnaja pesnja [“Russian song: Chizhyk! chizhik! where have you been? - before the court of criticism”. M.E. Saltykov and folk song] // *Pojezija filologii. Filologija poezii* [Poetry of philology. Philology of poetry]. Tver: Publisher A.N. Kondratiev, pp. 113–120. [in Russian]

Иван Тимофеевич Кокорев – собиратель материалов по московскому фольклору и этнографии

Барвара Евгеньевна Добровольская ^{а, *}

^а Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматривается деятельность Ивана Тимофеевича Кокорева по собиранию фольклорно-этнографических материалов и использованию их в своем творчестве. Особое внимание в творчестве писателя занимают сведения, связанные с бытом и нравами московских мещан. Интерес представляют описания типов московских ремесленников, их профессиональный фольклор (присловья, прескрипции, профессиональный жаргон и приметы). Большое внимание автор уделяет изображению праздников и гуляний, игр. Кокорев записывал песни горожан (хороводные, застольные, обрядовые, жестокие романсы) и активно использовал их в своих произведениях. Он проявлял большой интерес к особенностям костюма городских низов, городским увеселениям, народной кулинарии, свадебным обрядам. Писатель оказался очень внимательным и скрупулезным собирателем фольклорно-этнографического материала. Он был одним из немногих, кто обратил внимание на фольклорную традицию города, и его материалы до настоящего времени сохранили свою актуальность. Очерки Кокорева интересны тем, что используемый в них материал представляет собой личные наблюдения автора над жизнью Москвы, ее праздниками и буднями.

Ключевые слова: фольклор и этнография города, фольклор и литература, фольклоризм, москвоведение.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dobrovolska@inbox.ru (В.Е. Добровольская)